

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

На правах рукописи

Шамшурин Алексей Андреевич

**Сообщение смыслов социального и экономического
в философском дискурсе**

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата наук

Философские науки

Научный руководитель:
Полякова Наталья Борисовна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии
и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»

Ижевск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Проблема абсолютизации экономического в дискурсивном производстве социального	17
§1. Экспликация социального дискурса в экономических концептах.....	17
§2. Абсолютизация экономического описания социального и его кризис.....	47
Глава 2. Осуществление социального дискурса в со-бытии экономических смыслов	82
§1. Выход из дискурса кризиса самозамкнутой экономики в трансформационную структуру социального мышления.....	82
§2. Социальные основания экономически заряженного мышления.....	112
Заключение	149
Список литературы	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В современном философском рассмотрении объективированный экономический смысл социального полагает отсутствие человеческой совместности вне экономики. Подразумевается, что за пределами экономической расчетливости не может быть рационального мышления. Разъяснения смыслов мировых, общественных, правовых, политических событий сегодня имеют однозначный экономический подтекст, интерпретируемый в русле капитализма (К. Маркс, А. Горц, Ж. Бодрийяр, Ш. Зубофф и др.). Так господство экономического дискурса разыгрывается в описании структур жизнедеятельности, хозяйствования, политики, права и цифровизации.

Со-бытие социального и экономического присутствует в структурах знания вне зависимости от того, является ли оно целенаправленным предметом исследования или нет. Дело в том, что разные исследовательские точки зрения, интерпретирующие социальное, контекстуально оказываются заданными абстрактно-односторонним главенствующим экономическим смыслом. Если сама категория «экономика» отсутствует в теле текста социального, все же она маркирует его экономическими метафорами.

В таком случае в социальном дискурсе общество распознает себя через экономические структуры знания, математические модели которого понимаются как объективно существующие. Так множественность дискурсов социального и их вариативность заменяется на один, стремящийся к абсолютности, экономический смысл.

Существование социального в пределах абсолютизирующейся экономической идеи, по сути, приводит к его полному растворению в ней. Это означает, что экономическое и социальное полностью совпадают. Поэтому историко-смысловой нарратив общества представляет собой путь восхождения

экономики на Олимп знания о социальном. Господствующее положение позволяет экономике производить себя в структурах самоописания, тем самым происходит ее самозамыкание на собственном экономическом смысле, и тогда она конституируется самоосновным и безусловным началом – *causa sui*.

В современности экономическая реальность оборачивается поведенческой экономикой, определяющей социальные взаимодействия (П. Бурдьё), и рационально-расчетливым мышлением социологов-теоретиков (М. Вебер). Своего рода пиком разворачивания экономического знания можно назвать знаниевые структуры производства «человека» и «общества». Таким образом, целостное бытие социального подменяется экономической реальностью как его господствующим смыслом.

Со-общение социального и экономического задает точку их пересечения так, что становится опорой для экономико-логического разворачивания социального смысла. Оно выражается в производстве определений общества: «торговое общество» (А. Смит), «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), «общество доверия» (Ф. Фукуяма), «информационное общество» (М. Маклюэн), «общество знания» (А. Горц), «индивидуализированное общество» (З. Бауман), «прозрачное общество» (Дж. Ваттимо), «цифровое общество» (Ш. Зубофф) и другие. Социальное раскрывается как означаемое-имя («общество») экономически означаемыми-предикатами («потребление», «доверие», «капитализация», «цифровизация» и т.д.).

Многообразие социальных смыслов растворяется в тотальности экономического дискурса. Появляется необходимость вернуть социальному смысловую целостность, которая саморепрезентируется в точке субъекта социально-экономической реальности, концептуально располагающегося в событии имен «экономики». Как следствие, возникает проблема установления со-общаемости социального и экономического так, чтобы сохранялись самоосновность смыслов и того, и другого.

Степень научной разработанности проблемы.

В диссертации рассматривается целостное представление о сообщаемости смыслов социального и экономического, осуществляемой социальным мышлением в структурах социально-философского нарратива (Дж. Агамбен, Х. Арентт, Ж.-Л. Нанси, М. Хайдеггер, О. Н. Бушмакина). Именно поэтому речь идет о социально-философском дискурсе, внутри которого происходит концептуализация бытия социального (Ж. Делез, М. Фуко, Ю. Л. Качанов, Ю. М. Резник и др.).

Социальное мышление репрезентируется в субъекте, который собирает и разворачивает смыслы, делая их сообщаемыми в дискурсивном пространстве. Единство социального соотнобразуется с социальным субъектом, который описывает, и тем самым реализует себя сквозь смыслы социального (П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси и др.).

Различие между инфиницией «социальное» и дефиницией «социальная теория» заключается в том, что первое предстает как субъективность социального мышления, а второе понимается как объективация его субъективности. В этом плане социальная теория есть не что иное, как объективированный конструкт знания, проявляющий смыслоположенность социального. Именно в объективации возникает и развивается языковая артикуляция, представляющая в теоретическом знании и выражающая дискурсивное поле социального (Р. Барт, П. Рикер, А. А. Шадрин и др.).

Со-бытийность социального и экономического актуализируется через пересечение дискурсов в социальном мышлении. В работах М. Хайдеггера, Г. П. Щедровицкого, О. Н. Бушмакиной и др. социальное мышление показано как мыследеятельность. Соответственно, наука о практике (Л. фон Мизес) разворачивается в содержательно новом дискурсе концептуализации социального. Процесс мыслительной деятельности или концептуализации происходит внутри экономического дискурса, то есть посредством экономических метафор. А значит, экономика становится основным концептом понимания общества (З. Бауман, У. Бек, Ф. Бродель, Дж. Ваттимо, М. Вебер,

К. Поланьи, О. И. Ананьин и др.). Так концептуализация социального, по сути, преобразуется в экономическое производство социального дискурса.

При рассмотрении социально-философских конструктов обнаруживаются два варианта концептуального соединения смыслов социального и экономического. Во-первых, экономическая теория захватывает и стирает смыслы социального (К. Маркс, Г. Маркузе, Р. Хайлбронер, Ф. фон Хайек и др.). Во-вторых, экономическое как имя несет определенный смысл социальному (Ж. Делез, О. Н. Бушмакина, Н. Б. Полякова и др.).

Первый вариант задает экономику как самостоятельную сущность, представления о которой соединяются с социальным. При таком взгляде экономика начинает обуславливать социальное. Она становится необходимым ядром социальной теории (М. Вебер, Ф. Коркюф, Н. Л. Полякова). Иначе говоря, при таком подходе для социальной теории экономика оказывается теоретической необходимостью, своего рода дискурсивным референтом (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М. Фуко, Н. А. Шматко и др.), или самоочевидной истиной. Соответственно, она понимается как господствующий дискурс знания о социальном. Поэтому такой вариант рассмотрения представляет собой производство социального в объективированных структурах экономического языка, который концептуально фиксирует понимание социальных смыслов.

Центральные работы К. Маркса и Ф. Энгельса становятся точкой отсчета понимания экономической науки как основания описания сущности общества, его происхождения и развития. Внутри знаниевого конструкта общества К. Маркса категория «труд» определяется как общественно значимая деятельность. Вслед за Д. Гребер, Г. Лукачем, Г. Маркузе, а также Л. Б. Четыровой и др. имеется возможность интерпретировать «капитализацию труда» как сообщаемость смыслов социального и экономического.

Экономическая концептуализация социального подразумевает, что оно выписывается через структуры понятия производства. Соответственно, дискурсивно конструируется потребность социального в экономическом, на основе которой складываются социальные теории. Этот аспект разработан

Т. Адорно, Ж. Бодрийяром, А. Горцом, П. Козловски, Ш. Зубофф, М. Хоркхаймером и др. В отечественной традиции конструкты воспроизводства, или экономические модели общества, объясняются у В. С. Автономова, А. А. Зиновьева, А. Я. Флиера и др.

Теоретически выписанная конструкция потребности в производстве раскрывается через категорию разделения труда, предполагающую смысловую включенность в обмен (Ж. Батай, П. Бурдьё, М. Мосс и др.).

В исследованиях Дж. Гольдштейна, Т. Седлачека и др. обмен определяется предикатами «косвенный» и «денежный». Денежный обмен описывается более развитым в социально-экономическом плане, поскольку деньги назначаются универсальным эквивалентом обмена, устанавливающим связность любого обмениваемого. Понятие «деньги» соединяет «человека» с «продуктом труда» и самим «трудом». Так социальное взаимодействие начинает описываться в категориях рыночного обмена. Деньги оказываются понятием, через которое устанавливается смысл взаимного сосуществования. В социально-экономическом дискурсе понятие денег связывает все категории, с помощью которых описывается социальное как обменная структура.

Мыследеятельность как концептуализация происходит посредством связывания смыслов социального, и деньги здесь играют роль универсального посредника. Денежный обмен выписывает весь социум. Денежная форма благодаря соразмерности придает социальному исчислимость и, поэтому, всеобщую понятность. Поэтому деньги становятся главным способом конструирования социального, а их исчислимый характер позволяет переводить социальную теорию в математическую модель. Экономика денег устанавливает связность социального в виде экономического цикла «производства-потребления». Но такой способ соединения несет в себе только один абстрактный, односторонний экономический смысл сообщества (У. Бьерг, Ж. Делез, М. Лаццарато, Р. Сагден, М. Сюрриа, В. В. Картунов, Н. Б. Полякова и др.). Таким образом, социальное полностью соединяется с экономикой.

Экономика становится абсолютным дискурсом, который описал все социальные структуры, соединив их деньгами в единое целое.

Вследствие потери сообщаемости социального и экономического возникает смысловая исчерпанность экономики в самореализации. Экономический дискурс сталкивается со смысловым отсутствием в своей однозначности. Такое состояние определяется как кризисное. В диссертации с помощью понятия кризиса описывается предельный способ существования экономической теории. Смысл кризиса социального рассматривали М. Алле, П. Бергер, П. Друкер, Ш. Жид, П. Рикер и др. В отечественной философской традиции проблема кризиса анализируется И. И. Агаповым, Н. А. Бердяевым, А. Гершенкром, С. А. Пономаревой, Т. Ю. Сидориной и др.

Поскольку невозможно обнаружить выход из кризиса, так как он производится самой экономикой с целью ее собственного воспроизводства (производство производства), то нужно развернуть разговор от попыток экономического преодоления кризиса в сторону его осмысления с позиции социального. По сути, это означает возвращение к началу, к причине того, в чем кроется смысл экономической теории вне иллюзорной потребности в ее заново возникающих циклах (М. Блауг, П. Бурдьё, Й. Шумпетер, В. С. Автономов, Ж. Сапир и др.). Иными словами, необходимо поставить вопрос о смысле экономики.

При обращении к ее смыслу возникает второй вариант концептуализации сообщения социального и экономического. Текстовое разворачивание социально-экономического со-бытия состоит в предъявлении дискурсивной целостности бытия социального через утверждение принципа субъект-объектного тождества (Ж. Делез, Ф. Шеллинг, О. Н. Бушмакина). В этом плане понятие кризиса используется для интерпретации предельного состояния, в границах которого воспроизводится экономический абсолют. Здесь он оказывается «застывшим» моментом деятельности мышления, внутри которого инфиниция «социального» становится дефиницией.

Метафора «производства» социальной теории оказывается не востребуемой в дискурсе саморепрезентации социального. Социальное непроецируемо (Ж.-Л. Нанси), поскольку самореализуется в процессе раскрытия собственного смысла в экономическом состоянии. Иначе говоря, социальное концептуализируется экономическим.

Отсюда возникает социально центрированная экономика, границы которой выписывают Дж. Агамбен, Ж. Бодрийяр, Р. Дарендорф, Ж. Делез и Ф. Гваттари, Ж. Ф. Лиотар и др. Среди отечественных философов – В. В. Радаев, А. И. Самсин и др. Разворот в интерпретации сообщаемости социального и экономического состоит в смысловой реализации концепта «экономика дара».

По мнению Ж. Бодрийяра, базовым для экономики является понятие экономического обмена, которое берет свое начало в социальном концепте дара. Чистый дар нацелен на со-общение дарителя и одаренного. Ответом на дар является отдаривание – это есть обмен. Значит, дар есть основание, начало и причина социального обмена как смысловой со-общаемости. Концепты дара и обмена также разрабатываются в трудах П. Бурдьё, П. Вендрамин и Д. Мед, Ж. Деррида, а также С. Н. Булгаков и др.

Объект и предмет исследования.

Объектом диссертационного исследования является структурно заданное бытие социального.

В качестве **предмета** рассматривается предъявление смыслов со-бытия социального и экономического в социально-философских концептах.

Цель и задачи исследования.

Целью исследования полагается концептуальная интерпретация со-общаемости смыслов социального и экономического в дискурсивных практиках современности.

Задачи диссертационного исследования:

1) показать способы экспликации социального дискурса в экономических концептах;

- 2) проанализировать абсолютизацию экономического дискурса в описаниях социального;
- 3) выявить проблему кризиса самозамкнутой экономики в трансформационных структурах социального мышления;
- 4) обосновать социальные основания экономически заряженного мышления.

Методология и методы исследования.

Диссертационное исследование построено на основе теоретико-методологической базы, разработанной профессором, доктором философских наук О. Н. Бушмакиной и апробированной в научной школе «Социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте» (г. Ижевск, регистрационный номер НШ-5272.2012.6). В рамках школы защищено более 20 кандидатских и две докторские диссертации.

Используемая методология последовательно сочетает в себе несколько методических подходов. Философское рассмотрение сообщаемости социального и экономического задается в рамках целостного подхода, представленного в методе субъект-объектного тождества Ф. В. Й. Шеллинга, этот метод позволяет конструировать диалог между разными исследовательскими точками зрения вокруг представления о целостности бытия социального. Данное положение дополняется конструктивизмом (П. Бергер, П. Бурдье, Н. Луман, А. Т. Бикбов, Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматко и др.) и философской герменевтикой (Г.-Г. Гадамер, Ж.-Л. Нанси, П. Рикер, М. Хайдеггер, О. Н. Бушмакина, А. В. Михайлов и др.) в аспекте смыслового единства социального бытия, языка и мышления. Поэтому социальное бытие понимается дискурсивно.

Абсолютизация экономического дискурса устанавливается через радикализацию философского теоретизирования (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида), указывающего на поглощение экономикой общественных смыслов. Так возникает предел, или граница понимания в дискурсе социального. В данном случае используется герменевтический метод «о-пределивания» М. Хайдеггера. Одновременно точка границы сообщает возможность обнаружить и задать новые смыслы социального через самообращение к собственным субъективным

основаниям. Так субъект-объектное тождество классической философии актуализируется в современных методах философствования и способствует сохранению смысловой целостности социального и экономического.

Концептуальная разработка данного методологического принципа позволяет интерпретировать дискурсивную реальность как систему знаний через понятие субъекта социального мышления. С этим понятием соотнесено понимание теоретических конструкторов социального как продуктов объективации субъективной мыследеятельности, в которых она самоопределяется.

В философско-герменевтических исследованиях (Ж.-Л. Нанси, Х. Арндт) понятие субъекта категориально совпадает с понятием со-бытия как смыслового сообщения. В дискурсивном соединении устанавливается со-в-местность бытия, языка и мышления. Понятие предела возникает в ситуации социально-экономического кризиса. Здесь понятие кризиса интерпретируется в шеллингианской традиции с точки зрения его продуктивности. Кризис предстает предельным объективированным состоянием экономической теории, в котором обнаруживается смысловая нехватка и необходимость субъективации как переосмысления сообщаемости. Она проявляется в ситуации взаимообращения социального и экономического, когда они оказываются со-положенными друг с другом, а потому высказываемыми, или со-общаемыми смыслами социального бытия как со-бытия. Тогда со-бытие бытия предстает концептом, в котором со-общаются наполняющие его социально-экономические смыслы.

Научная новизна диссертационной работы:

1. Обнаружено, что экономический дискурс определяет направления концептуализации социального, которые именуются «обществом потребления», «индустриальным обществом», «обществом знания», «прозрачным обществом», «обществом доверия», «информационным обществом», «цифровым обществом надзорного капитализма». Концепты «деятельность», «труд», «обмен», «хозяйствование», «рациональность» также начинают трактоваться через экономическое знание. В социально-экономическом дискурсе экономика

занимает господствующее положение и уподобляется дискурсу идеологии и религии, именуясь метафорами «одно единственное», «субстанция», «бог», «суверен» и «истина». В результате смысловое разнообразие перечисленных концептов элиминируется и заменяется на одно единственное экономическое значение.

2. Переосмыслено традиционное понятие денег как универсального эквивалента обмена. Благодаря дискурсивному подходу, интерпретация денег расширяется тем, что фиксируется их новое значение – универсальная связность социальных категорий внутри экономически произведенного социального дискурса. В данном аспекте социальные смыслы эквивалентны деньгам, поэтому взаимозаменяемы. Так денежные формы, соединяющие друг с другом социальные структуры, метафорически можно назвать языком. Новый денежный язык сообщает экономическую форму социальному. Денежный знак придает исчислимый характер сообщаемости, тем самым делая математически понятными результаты мыследеятельности и социальных отношений.

3. Выявлена продуктивная интерпретация кризиса. Понятие кризис позволяет обнаружить и выразить предельное состояние экономического абсолюта. С помощью метода субъект-объектного тождества, дополненного социальным конструктивизмом и герменевтикой, задается артикуляция кризиса в качестве возможности трансформации социально-экономического дискурса, в процессе которой происходит субъективация объективных экономических структур, то есть разворот направления концептуализации социального от господства экономики к субъективному потенциалу социального мышления. Экономика показана как ресурсный способ реализации социального потенциала, что по-новому раскрывает со-общаемость социального и экономического смыслов.

4. Разработан концепт «экономически заряженного мышления», который модифицирует рациональность экономики смысловыми ресурсами социального. Продуктивность данного построения заключается в том, что социальная мыследеятельность, понимаемая здесь в качестве ресурсного потенциала

предпринимательской креативности, актуализируется в процессе самореализации благодаря «экономической заряженности».

Положения, выносимые на защиту:

1. Целостность общества задается через мыследействие, что позволяет избежать интерпретации экономики как общественной сферы (социального института) в виде части, отделенной от социального. Мыследействие, с одной стороны, указывает на социальное мышление, а, с другой, – на социальное действие. Мышление и действие неотделимы друг от друга, поэтому общество осмысляется с помощью социальной теории. Социальное мышление, или мыследействие, рассматривается в качестве смыслозадающего субъекта. Его мышление есть место тождества социального и объективно существующей множественности его вариантов. В диссертации методом субъект-объектного тождества концептуализируется экономический смысл, через который и предъявляется целостность социального.

2. Экономика абсолютизируется и, находясь на пределе, становится мерой совместно осуществляемого рационального мыследействия социального мышления. То, что экономический дискурс определяет социальную мыследеятельность, доказывается а) его уподоблением рациональности и логичности в пространстве дискурса и б) совпадением экономической расчетливости с полезностью и эффективностью. Понятия «общество», «человек», «поведение», «труд» и др. переопределяются через экономический язык, тем самым объективируются в конструкты дискурсивной реальности. Абсолютизация есть общее название для способов объективации, которые выражаются как капитализация, универсализация, математизация, глобализация и монетизация.

3. Универсализация экономики завершается повсеместным распространением денежной формы, с помощью которой смыслы социального сводятся к единому эквиваленту. В таком ракурсе процесс становления экономического универсума имеет значение монетизации как переписывание социального денежным языком. Денежным знаком как универсальной

метафорой экономика выхолащивает разнообразие социальных смыслов, тем самым она создает смысловую пустоту, которую возможно выразить понятием кризиса. Он позволяет артикулировать вхождение экономического дискурса в предельное состояние. Кризис обозначается тогда, когда экономическая теория в процессе конструирования модели обнаруживает свою дискурсивную ограниченность и, как следствие, невозможность произвести социальное, а потому вскрывает несостоятельность ее собственной самореализации.

4. Предельное состояние экономики, заключающееся в потере сообщаемости социального и экономического, актуализирует необходимость выхода из кризиса. В рамках дискурса самозамкнутой экономической теории выход предполагает возвращение экономических смыслов и обозначается ре-формированием. Однако показано, что ре-формирование указывает лишь на новый цикл самоутверждения экономики и иллюзорной реконструкции ее событийности с социальным. Выход из кризиса возникает в транс-формации, которая заключается в переосмыслении со-общаемости социального и экономического. Социальное становится определяющим для экономического, что возвращает экономике необходимые для ее существования смыслы.

5. Введение концепта «экономически заряженного мышления» дает возможность продуктивного разрешения абсолютного кризиса. Данный концепт позволяет раскрыть смысловую со-общаемость социального и экономического посредством представления целостности социального бытия. Происходит возвращение к смысловой наполненности социального, которая выражается в многообразии смыслов и получает требуемый для своей реализации экономический заряд. В такой интерпретации экономика не насаждается социальному, а существует как одно из его имен, артикулируя потенциал социального дискурса. В диссертации показано, что на пересечении дискурсов социального и экономического возникает субъект, позволяющий рассматривать целостность социального мышления через процесс его реализации в экономических структурах.

Научно-практическая значимость работы.

Теоретическая значимость состоит в конструировании целостного представления о со-бытии социального и экономического в структурах социальной философии. Концептуальная интерпретация смысловой соположенности социального бытия задана на субъективном основании общности смыслов в социально-экономической реальности. В этой связи особое значение обретает философская интерпретация «экономического» в аспектах теоретизирования социально-экономического кризиса, санкционной политики, функционирования мирового сообщества в обрамлении мирового рынка и связанных с этим процессов глобализации и цифровизации. Практическая значимость работы заключается в возможности дальнейших теоретических разработок социально-экономической реальности на междисциплинарном уровне в возможных вариантах ее самоактуализации. Выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы в процессе изучения дисциплины «Философия» и социально-философской проблематики.

Востребованность тематики исследования отмечена включением диссертанта в «Программу поддержки молодых и перспективных научно-педагогических работников Удмуртского государственного университета» решением ректората ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», протокол №5/2-07.02.2022 от 07 февраля 2022 года.

Апробация исследования.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 12 публикациях, из которых 4 являются научными статьями, опубликованными в рецензируемых журналах, входящих в реестр ВАК РФ, а 8 – научными статьями в сборниках конференций.

Положения диссертации неоднократно обсуждались на семинарах в рамках работы философской мастерской «Дело мышления», были представлены на Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Классический университет: история и современность» (Ижевск,

2021), на Международной конференции «Религиозна идентичност и светоглед-3. Философията на Хегел и религията – 250 г. Г. Хегел» (София, Болгария, 2021), на Международной конференции «Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодежный конвент УрФУ» (Екатеринбург, 2021), на Международных научно-образовательных конференциях «Садыковские чтения» (Казань, 2021, 2022), на II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС-2022» (Ижевск, 2022), а также на Международной научной конференции «Бренное и вечное: культурные индустрии в социальных контекстах» (Великий Новгород, 2022).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и списка литературы.

1. ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО В ДИСКУРСИВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО

§1. Экспликация социального дискурса в экономических концептах

Изучение и систематизация исследований в области социальной философии и дальнейшая реконструкция социально-философских текстов позволяют обнаружить и констатировать проблему абсолютизации концепта экономики в смыслополагании дискурса социального бытия.

Философствование может быть понято как движение концептуализации мышления в абстрактных (мыслимых) понятиях и/или концептах. Концепция «концепта» становится частью философского познания в текстах П. Абеляра. «Оттого Божественному, а не человеческому уму приписываются такого рода концепции путем абстракции, ибо люди, познающие вещи только через чувственные восприятия, редко или никогда не достигают простого понимания [Божественного] порядка и не постигают (conspicere) чистой природы вещей – этому мешает внешняя чувственная восприимчивость акциденций»¹.

Если этимологически разбирать латинский по происхождению термин «conceptum», то он будет означать «понятие». Возникает необходимость развести между собой «понятие» и «концепт», которые схожи, но по смыслу не тавтологичны. В современных философских текстах «concept» намеренно не переводится с английского языка для того, чтобы подчеркнуть содержательную разницу между «концептом» и «понятием». На это указывает традиция философского языка и перевода философских текстов.

¹ Абеляр П. Теологические трактаты / Пер. с лат.; сост., ввводн. ст., комментарии, указатели С. С. Неретиной. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 179.

«Концепт» и «понятие» различаются, как состояния одного и того же смысла, или точнее движения. Понятие, используемое в логической науке, традиционно обозначает определение, в пределах которого раскрывается сущность предмета. Как определение «понятие» абстрактно, всеобще и выражает существенный признак вещи (марксистская логика) или неотделимый предикат (Аристотель), упуская остальные, оставляя их в неопределенности мышления (Г. Гегель). Здесь «понятие» обретает категориальную форму. С точки зрения семантики языка, в определении происходит абстрагирование от иных смысловых значений слов.

Ж. Делез и Ф. Гваттари возвращают в философствование «концепт». Исследователь концептуализма С. С. Неретина считает, что эти авторы подчеркивают недостаточность понятия, показывая моменты, где понятие перерастает само себя. «Концепт – это форма “схватывания”, превосходящее “схватывание” в понятии, которое неперсонально»². В отличие от понятия концепт есть не определение, а определявание. Это не понятие как застывший предмет, а понятие в его движении и смысловой связности. «Концепт – это событие, а не сущность и не вещь. Он есть некое чистое Событие, некая этось, некая целостность»³.

Концепт как со-бытие есть процесс, в котором задействуются определенности, следуют друг за другом, предъявляя целостность бытия мышления. Целое выражается в тождестве определенного и неопределенного, «статики» и «текучести». В этом процессе концепт как определенное слово протягивает через себя неопределенность мышления, которое вследствие этого становится определенной неопределенностью. Эта игра слов указывает на то, что мышление, или, иначе говоря, смысл, как бы схватывается в концепте.

Ж. Делез в начале текста «Что такое философия?» указывает на то, что «концепты – это “абсолютные поверхности или объемы”, формы, не имеющие иного объекта, кроме неразделимости отличных друг от друга вариаций.

² Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. С. 139.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998 С. 33.

“Парение” – это состояние концепта или характерная для него бесконечность, хотя бесконечные величины бывают большими или меньшими в зависимости от шифра составляющих, порогов и мостов между ними. В этом смысле концепт есть не что иное, как мыслительный акт, причем мысль действует здесь с бесконечной (хотя и большей или меньшей) скоростью»⁴.

О. Н. Бушмакина в герменевтической интерпретации современного состояния мышления указывает, что «концепт» как определенная множественность содержания и непрерывное «скольжение» смыслов, взятый сам по себе (то есть как слово-форма) пуст⁵. Эта пустота концепта позволяет обнаружить его способность или свойство пропускать через себя различные смыслы. Но упомянутая «пустота» есть такой же конструкт, каким, например, является «вакуум» в физической науке. Благодаря «пустоте» концепт становится местом для самого разнообразного содержания мышления. С помощью концепта разнообразие раскрывается в новых смыслах. Поскольку каждый из нас мыслит самостоятельно, то содержание, или смыслы концепта, всегда являются авторскими, субъективными, всегда отсылают друг к другу.

Все это можно обозначить в трех пунктах. «Во-первых, каждый концепт отсылает к другим концептам не только в своей истории, но и в своем становлении и в своих нынешних соединениях. В каждом концепте есть составляющие, которые в свою очередь могут быть взяты в качестве концептов <...>. Во-вторых, для концепта характерно то, что составляющие делаются в нем неразделимыми <...>. В-третьих, каждый концепт должен, следовательно, рассматриваться как точка совпадения, сгущения и скопления своих составляющих. Концептуальная точка постоянно пробегает по составляющим, движется в них вверх и вниз»⁶. Поэтому, чтобы обнаружить исследуемое в философии в качестве концепта, требуется концептуализация как выявление

⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?... С. 33-34.

⁵ Бушмакина О.Н. Язык и бытие: проблемы структурирования. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 40.

⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?... С. 32.

смыслов, представленных в языковых и текстовых конструктах, составляющих деятельность по изготовлению философии.

Философия, как изготовление концептов (Ж. Делез), есть ее деятельность по самоосуществлению в процессе философствования как разворачивания философского мышления посредством языковых структур в «плане имманенции». Как концептуальность языка является во множественности смыслов, поскольку «сам язык есть не произведение (Ergon), а деятельность (Energeia)»⁷, так и смыслы деятельности указывают на нее как на концепт.

«Мы далеко еще не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия. Его действительность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* – про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего “есть”, так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово»⁸. Это «слово», о котором пишет М. Хайдеггер, означает «концепт», который связывает смыслы в целостность. Мысль с помощью концепта осуществляется, то есть производится в процессе деятельности отношения бытия к человеческому существу. Так «явление Нового времени дает о себе знать тем, что человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура»⁹, как техника («техника есть известного рода человеческая деятельность»¹⁰). «Деятельность» вмещает в себя и такие смыслы, как «работа», «оперативность», «активность», «созерцание» и др. Деятельность всегда имеет субъект, объект, цель, средство, место, время и др. Смысловое многообразие «деятельности» позволяет рассматривать ее саму как «пустое»

⁷ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 262.

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Там же. С. 221.

слово, то есть концепт, в котором производится осмысляющее самоосуществление мышления. Описанный процесс позволяет обнаружить деятельность как мышление. То есть концепт деятельности разворачивается в мышлении и фиксирует мышление как деятельность, следовательно, концептуализация есть мыследеятельность. Поэтому концепт есть точка совпадения мышления и деятельности.

Слово-форма «деятельность» субъективно наполняется содержанием. Внутри концепта субъективные смыслы сообщаются в языковом взаимодействии и фокусируются в определенной точке зрения. Такое соединение указывает на социальную суть «деятельности», реализация которой выражается в социально-философской рефлексии. Смыслы совместного взаимодействия в «деятельности» прописываются в социальных теориях (М. Вебер, Т. Парсонс и др.). Поэтому можно сказать, что социальные теории – это философские, предъявляющие смыслы социального бытия, концепции. Они являются знаниевыми конструкциями, обеспечивающими символическое взаимодействие (П. Бурдьё), и создают мыслительное совместное единство, то есть социальное целое как дискурсивное (О. Н. Бушмакина). Социальные теории конструируют совместность посредством осуществления человеческой мыследеятельности, оборачиваясь бытием-друг-с-другом (Х. Арендт). Таким образом, оно представляет собой такое «социальное», которое понимается как пространство смыслового соединения или, иначе говоря, «человеческое» взаимодействие как социальная мыследеятельность.

Каждое значение из множественности смыслов мыследеятельности указывает на возможные варианты ее определения. Значения объективируют смыслы в понятийной конкретности. Концепт человеческой мыследеятельности обретает свое смысловое обрамление в конструктах социального и артикулируется различными дискурсами. Социальное одновременно и субъективно – социальное мышление, и объективно – социальная теория. Субъективное социальное мышление представляет собой дискурс знания о «социальном», которое обретает конкретность или объективированность в

социальном теоретическом конструкте. Иначе говоря, вслед за О. Н. Бушмакиной, социальный дискурс есть социальная как языковая реальность. Смысловое множество, представленное разнообразными социальными теориями, оказывается итогом познавательной социальной деятельности.

Вариантом социальной теории является экономика. Тогда «экономика», по сути, есть один из множества смыслов социальной мыследеятельности. Экономический смысл «деятельности» задает Л. фон Мизес в работе «Человеческая деятельность»¹¹. Его научный конструкт экономики, несомненно, можно отнести к началу господства экономической интерпретации социально мыслимой человеческой деятельности над всеми остальными.

Точкой совпадения мыследеятельности и экономической науки является логика праксиологии, которая полагается в качестве универсального и предельно рационального способа построения praxis. Тогда смысл концепта «деятельности» заключен в логике телеологии, и он один, поскольку легитимирует сам себя. Праксиология как наука о деятельности имеет критерии истинности в самой себе. Ее законы о деятельности совпадают с самой деятельностью, поэтому носят универсальный характер. Поскольку Л. фон Мизес выстраивает экономическую науку на фундаменте праксиологии, то логика экономической науки совпадает с логикой всякой деятельности. Таким образом, любая деятельность и деятельность вообще совпали с логикой экономики, и поэтому социальная мыследеятельность является экономической деятельностью мышления. Следовательно, смыслом экономики как социальной теории полагается экономическое мышление как социальная мыследеятельность¹².

Совпадение мыследеятельности и экономики представлено парными языковыми конструктами – «цель-средство», «обмен-дар», «производство-

¹¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. М.: ОАО «НПО «Экономика»», 2000. 878 с.

¹² Шамшурин А. А. «Экономика» в праксиологической теории Л. фон Мизеса: социально-философский аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. №11 (457). С. 95-101.

потребление» и др. Причем одна категория в таких парных понятиях – дихотомиях – оправдывает другую. Одно как бы апеллирует к другому, создавая замкнутость системы и видимость независимой целостности. Экономика – «Это наука о средствах, которые будут использованы для достижения избранных целей, но, безусловно, не наука выбора целей»¹³. Несмотря на то, что ученые-экономисты задают свою область знания как науку о средствах, но не о цели (К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю, Л. фон Мизес и др.), все же она телеологична. На это указывает существование экономического идеала Bliss point как «идеального состояния выгоды»¹⁴. Подтверждением является то, что экономика как наука предполагает рациональный (денежный) расчет мыследеятельности. «Первая всеобъемлющая система экономической теории, выдающееся достижение экономистов классической школы, была по существу теорией исчисляемой деятельности. Вдоль линии, отделяющей деятельность, исчисляемую в денежных терминах, от прочей деятельности, она неявно провела границу между тем, что следует считать экономическим, а что – внеэкономическим»¹⁵. Так, деньги оказываются не только границей различия экономического и неэкономического, но и смыслом рациональной деятельности как исчисляемой.

Социальная мыследеятельность в экономическом знании всегда понимается целенаправленной. Целью такого мышления является благосостояние (богатство), то есть изменение собственного менее удовлетворительного состояния на более удовлетворительное внутри экономики. «Мы называем такое намеренно вызванное изменение обменом. Менее желательное состояние обменивается на более желательное»¹⁶. Экономика в этом смысле выступает как абсолютный способ эффективного достижения цели, путем рационализации использования средств, адекватных ей. Следовательно, экономическая логика становится неким основанием для достижения цели, то есть основанием для расчетливого осуществления

¹³ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность... С. 13.

¹⁴ Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит / Пер. с чешск. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 72.

¹⁵ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность... С. 218.

¹⁶ Там же. С. 93.

социального в целом. В этой расчетливости как денежном исчислении деятельности и содержится проблема абсолютизации экономики. Поскольку мыследеятельность всегда имеет цель, то в итоге оказывается, что экономика диктует также и цель социальному мышлению – обогащение. «Трансформация учения, начало которому положили экономисты классической школы, была завершена только современной субъективной экономической теорией, которая преобразовала теорию рыночных цен в общую теорию человеческого выбора»¹⁷. Тот способ, каким сегодня осуществляется мыследеятельность, не позволяет рассматривать ее иначе, как необходимую, именно экономическую. Это означает, что социальное мышление устанавливается экономическим знанием и совпадает с ним по смыслу, образуя научную реальность.

Можно заключить, что социальное и экономическое не различаются в экономическом научном конструкте. Экономика самодостаточна, она полагает и описывает саму себя. В собственной мыследеятельности экономика самоосуществляется, то есть производит/очерчивает саму себя. Самозамкнутость экономики позволяет производить ей собственные смыслы, поскольку ее смыслы задает не социальное мышление. Они самопроизводятся экономическим мышлением, или экономическим как таковым, самоутверждая и продлевая в этом процессе свое существование. Связность этих смыслов внутри экономики выписывается ее экономическим концептом. Философские интенции экономического раскрывают его в эпистемологических и онтологических аспектах.

Экономика как концептуальная форма возникает недавно. Несмотря на то, что А. Смит считается первым экономистом (XVIII в.), экономический смысл существовал еще задолго до него. Это подробно показывают Дж. Агамбен в работе «Царство и слава»¹⁸ и Т. Седлачек в «Экономике добра и зла»¹⁹.

¹⁷ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность... С. 6.

¹⁸ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Пер. с ит. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук. СПбГУ, 2018. 552 с.

¹⁹ Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит / Пер. с чешск. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 544 с.

Так возможно обнаружить социальное мышление, предъявленное в виде экономических смыслов значительно раньше, до появления понятия «экономика», в пред-структурах²⁰. Последовательность рассмотрения задается в связи с логикой удревнения.

При систематизации исследовательского материала становится очевидным, что экономические смыслы и их связи определялись, то есть менялись в ходе истории и понимались по-разному. В тексте (письме) смысл ухватывается, становится определенным. А поэтому возможно говорить о нем конкретно и исторически. Основания экономического смысла, данного в исторических текстах, позволяют выявить начало и природу специфичности социального мышления в виде экономического.

Дж. Агамбен в своих изысканиях начинает рассмотрение господства экономики в современном обществе с периода Средневековья. Во-первых, потому что понятие «экономика» используется в религиозном дискурсе; во-вторых, именно в Средневековье П. Абеляром вводится понятие «концепт» для понимания смысла божественной вездесущности. Однако основанием средневековых текстов, рассуждающих о социально-экономическом взаимодействии, является древнегреческие исследования слова «ойкономия». Сам древнегреческий термин «ойкономия» встречается еще у Ксенофонта (V-IV вв. до н.э.) и означает «домострой». Дж. Агамбен показывает изменения смыслов этого слова, которые происходили в ранних текстах Средневековья. Так он утверждает, что «ойкономия» понималась широко (шире, чем просто «домострой») как «порядок» (в контексте разговора о божественном порядке), «управление», «деятельность» (включая божественную волю)²¹.

На то, что экономический смысл существовал до «Домостроя» Ксенофонта указывает чешский философ Т. Седлачек. Он находит экономический смысл в самом древнейшем из известных литературных произведений, в «Эпосе о

²⁰ Шамшурин А. А. Пред-положенность философского текста: от истории к цифре // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 3. С. 86-97.

²¹ Агамбен Дж. Царство и Слава... С. 39-40.

Гильгамеше»²². Подтвержденная историческими исследованиями, самая древняя шумерская письменная версия датируется около 2150-2000 лет до н.э. Экономика представлена в виде взаимодействий Гильгамеша (на 2/3 бог и царь Урука) и Энкиду (непобедимый звероподобный дикарь). Ради стремления к Bliss point (для Гильгамеша – это бессмертие, ради него он строил Великую стену) и благодаря содружеству с Энкиду, Гильгамеш начинает покорять природу – вырубать кедры (священный лес). Природа и город Урук резко противопоставляются. В этом различии имеется известное разделение труда. Энкиду самодостаточен и связан с природой. Гильгамеш свободен от природы, но зависит от города. При низком разделении труда человек подчиняется природе, при высоком уровне разделения труда (в городе) человек обусловлен городской жизнью. Когда они вдвоем выходят за стену, то начинают нарушать божественный порядок как экономический²³.

Если учесть то, что мораль (Т. Седлачек), религия и право (Дж. Агамбен) являются предметами исключительно человеческой природы, то можно заключить, что основание экономического смысла исторически совпадает с началом существования человека, которое, как известно, не определено. Таким образом, историческая легитимация концепта «экономики» устанавливается через обращение к текстам, ускользя вглубь веков, соединяясь в бесконечном удревнении с историей становления человека.

Построение рассуждений о нахождении оснований экономического смысла социального взаимодействия в исторической перспективе указывают на невозможность обнаружить фиксированное начало как возникновение экономики. Она как бы «всегда есть», потому что точкой отсчета оказывается существующий в настоящем концепт «экономики» как абсолютный, то есть универсальный и вездесущий во времени и пространстве, способ осмысления социального бытия²⁴.

²² Седлачек Т. Экономика добра и зла... С. 42.

²³ Там же. С. 45-49.

²⁴ Шамшури А. А. Концептуализация «социального» в историко-экономических интерпретациях / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшури // KANT. 2021. №1 (38). С. 153-161.

Себетождественная экономическая экономика (П. Бурдье) задает собственные смыслы, поэтому она больше не объект/продукт социального мышления, не то, что производится. Самоопределяясь, экономика создает собственное знание, то есть знание о самой себе, репрезентированное в языковых конструктах. Состояние экономического мышления, представленное в этом языке, вместе с его текстовым видом, можно обозначить теорией экономики. Она является самозамкнутой, подтвержденной собственной логикой. Экономический дискурс наполняет экономику себетождественными смыслами.

Экономический дискурс является источником языка экономики. Категории экономической науки упорядочивают «социальное». Экономика вносит порядок рациональным, логическим обоснованием мыследеятельности и, тем самым, обосновывает, организует и обеспечивает социально-мыслимое взаимодействие. Логика экономики, представленная в виде законов, оборачивается логикой законов социального мышления. Законы экономической науки выражаются в абстрактных категориях. Поэтому они начинают определять не только экономическую мыследеятельность, но и социальную, подчиняя её своей логике и языку.

Таким образом, именно в мыследеятельности или экономическом концепте экономика начинает совпадать с социальным, описывая его экономическим языком. Сначала абстракции определяются внутри экономики²⁵. А затем экономика набрасывает смыслы, произведенные с помощью языковых категорий, на социальное путем метафоризации. Само «производство социального» уже указывает на господство экономического дискурса. На это же указывают и другие экономические метафоры такие, как «воспроизводство реальности» (Н. Луман), «символический капитал» (П. Бурдье), «изготовление концептов» (Ж. Делез), а также «необходимая потребность» (К. Маркс), «продуктивность», «взаимообмен как взаимодействие», «промысел как промышленность» и др. Языковые структуры экономики сливаются с

²⁵ Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего / Пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Издательство КоЛибри, 2008. С. 32-33.

конструированием социального, которое теперь определяется как социально-экономический дискурс. Метафоры экономики становятся неотделимыми от описания/определения социального.

Н. Л. Полякова пишет, что господство экономического дискурса также указывает на детерминированность конструктов в историко-экономической легитимации²⁶. Ф. Коркюф²⁷ в этой связи показывает, что конструкту как бы предшествует другой конструкт, который становится предструктурой для первого, его причиной существования. В этом случае экономика является собой как предструктуру социальных конструктов, так и способ становления нового конструкта, то есть его производство.

В традиционном понимании «социальное» представляется концептом, который включает в себя «экономику» как один из множества своих собственных смыслов. При этом экономику можно обозначить способом объективации социального. Социальное определяет к существованию экономику как один из вариантов собственного осуществления.

Благодаря обращению к истории обнаруживается, что экономический дискурс предстает в объективных структурах в виде экономических смыслов. Они становятся господствующими теориями, объясняющими социальное. При совпадении экономики и социального в мыследеятельности оказалось, что смыслы задает экономический дискурс. А значит, что он определяет социальное, а не наоборот. Причина, или начало экономики, не в социальном, а в ней самой (*causa sui*).

Из этого следует, что произошел переворот. Он заключается в том, что экономическое полагалось как одно из объективных значений социального, которое по-разному осмыслялось философами. Теперь экономическое сообщает смысл социальному. Экономика превращается в субъект мыследеятельности и производит объективные значения социально-экономического мышления. В

²⁶ Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Издательство «Логос», 2004. 384 с.

²⁷ Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.

социальной философии возникает обоснованно господствующая экономическая интерпретация социального.

Рефлексия социального бытия-в-целом как экономического приводит к переосмыслению, которое состоит в переходе от рассмотрения «экономики» как понятия к обнаружению «экономики» как концепта. Социально-экономическое целое обнаруживается в тождестве субъективного проявления экономического дискурса и объективном его предъявлении в социально-экономических теориях. Возникшее социально-экономическое целое в порядках дискурса и теорий обозначается капитализмом и капитализацией труда.

На совпадение экономических законов с упорядочиванием общественных формаций теоретически и философски доказательно указывает К. Маркс. Философская система К. Маркса и далее ее разработка в марксизме однозначно указывают на господство экономики в возникновении и развитии общества. Во-первых, законы экономики полагаются непреложными. В предисловии к первому изданию «Капитала» (Т. 1.) он писал: «Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью»²⁸. Во-вторых, исходя из аксиом разделения труда, прибавочной стоимости и др. законов политической экономии возникает классовая теория общества. Труд объявляется причиной возникновения социума. Он осуществляет себя в процессе экономической деятельности, согласно законам экономики. В таком случае, можно утверждать, что теория политической экономии прописывает социальную (классовую) структуру, социальные (классовые) взаимодействия и взаимоотношения, политическую власть и критерий ее успешности, а также возникновение, генезис и конец мирового общества в ходе мировой истории. В-третьих, идеи К. Маркса тотально распространены и трансформированы в «марксизм», «неомарксизм», «постмарксизм». «Марксизм – это не просто старый корпус теоретических работ.

²⁸ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 6.

В качестве определенной когнитивной перспективы современного мира он превзойден в социальной значимости, по числу сторонников – только мировыми религиями»²⁹. «Марксизмы» упорядочивают социальное мышление посредством переосмысления вопросов осуществления экономики.

Деконструкция марксизма как социально-философской концепции позволяет установить, что экономический анализ научно описывает, то есть производит, социум. Но не наоборот, когда в основе экономического лежит социальный анализ. Полаганию общества как целого, определяющегося в социальных группах и классах, всегда предшествует явный экономический смысл. Другими словами, исходя из структуры капитала, возникает структура общества. Это и есть процесс капитализации социального. Экономический анализ оказался как бы «сильнее», чем общество или отдельная его часть. Реализацией сообщения экономического и социального в марксизме является общественно-экономическая формация, или тип общества. Следовательно, К. Маркс отождествляет социальную теорию и экономику, которая становится смыслом социального бытия.

Такое отождествление К. Маркс производит в процессе описания труда. Труд становится концептом. В процессе капитализации труда реализуется экономическая мыследеятельность в социальных структурах. Социальное понимание труда становится экономическим в процессе его описания/капитализации. Тогда «деньги», «техника», «собственность» становятся объективно существующими смыслами, с помощью которых задается расстановка, или различенность, социально-экономического целого. Так, главным экономическим смыслом труда объявляется производство и воспроизводство общества. Труд сообщает экономический смысл социальному. В такой коммуникации возникает общее как общественное.

В развитии логики описания концепта труда К. Маркс, объясняя необходимость капитализации труда, указывает на изъятие его естественно-

²⁹ Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 141.

материальных смыслов. Они заменяются обменными абстракциями. «Она [крупная промышленность] подчинила естествознание капиталу и лишила последних следов его естественного характера. Она вообще уничтожила все естественно сложившиеся отношения – насколько это возможно в рамках труда – и превратила их в отношения денежные»³⁰.

Следовательно, у К. Маркса труд является точкой «сборки» смыслов социального. В нем и через него собираются в единое целое категории – «человеческая деятельность», «общественное взаимодействие», «социальное понимание», «экономическая наука», «создание благ», «абстрактно-денежный обмен» – так, что языком экономической науки переписываются смыслы социального. Благодаря проникновению смыслов труда во все сферы социального, можно говорить о социальном бытии как о «бытии-труда». Труд становится вездесущим, тем самым, делая экономику вездеприсутствующей. Она одна выражает все сферы социального бытия. Таким образом, концепт труда, являясь репрезентацией экономики, становится экономизмом тем, что объясняет и структурирует всё социальное как таковое. Это есть экономика социального.

Соответственно, научная теория как результат абстрактного понимания труда предъявляет свою «научность», или сущность, как экономизм. При этом то, что, по сути, является экономизмом становится наукой, а то, что эксплицирует иные смыслы – идеологией, как бы «враждебной» науке буржуазией. Из этого следует, что концепт труда позволяет перейти от науки к идеологии.

Критика со стороны экономизма буржуазной науки в марксизме оборачивается критикой идеи экономизма и попыткой распространить уточненную научную идею на описание общества. Это фактически означает распространить идеологию, которая, в этом случае, оказывается ничем иным, как самой мыслительной деятельностью.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. С. 55.

Дело состоит в том, что идеология марксизма полагает экономическое мышление объективной научной социальностью. Поэтому именно экономика описанием логических законов социального существования с научной закономерностью конституирует общество.

«Наука» в отличие от «идеологии» конструирует социальное. Тогда экономика создает дискурсивные практики общественного развития, форм коммуникации и социальности. Соответственно, осознание экономических законов социума в социально-философской доктрине К. Маркса приводит к пониманию и объяснению общества, как созданного экономической наукой конструкта.

Соответственно этому выделяется направление теоретиков, которое рассматривает экономику как сконструированный дискурс и, тем самым, как бы продолжают марксизм. Здесь стоит расширить понятие марксизма, включая в него так называемый неомарксизм и постмарксизм и различая внутри марксизма такие его состояния, как «критическая теория» и «наука». ««Наука», которой К. Маркс был привержен, включала “критику” в качестве центрального элемента. Предполагалось, что эта критика должна быть научной. В то время как К. Маркс и Ф. Энгельс не видели никакого напряжения между наукой и критикой, западная, по большей части англоязычная, академическая рецепция К. Маркса после 1968 года проводила различие между “критическим” и “научным” марксизмом»³¹. Среди исследователей марксизма с точки зрения этого различия можно назвать П. Козловски, Г. Маркузе, Э. Фромма и др.³² Из отечественных авторов можно выделить С. Н. Булгаков, М. К. Мамардашвили М. Р. Элоян и др.³³

³¹ Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму?... С. 115.

³² См.: Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистической философии. СПб.: Экономическая школа, 1997. 216 с.; Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 341 с.; Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375-414. и др.

³³ См.: Булгаков С. Н. Третий том «Капитала» К. Маркса // Русская мысль. 1895. № 3. С. 1-20.; Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. №6. С. 14-25.; Элоян М. Р. Философия хозяйства: ревизия марксизма (В. Зомбарт и С. Н. Булгаков) // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2002. №6 (24). М.: Изд-во ИТРК, 2002. С. 59-76. и др.

Критика означает то, что знание в философской концепции К. Маркса не соответствует действительности именно потому, что оно в истории философского мышления является одним из способов интерпретации социального бытия, или его концептом.

Теоретики этого направления в целом продолжают марксистский научный метод. Смыслы экономизма, соединяясь друг с другом «разрывами», соответствующими критике и «пересечениями», обозначающими прямые и не прямые отсылки к текстам К. Маркса, образуют логику понимания капитализации труда в исторически взятой современности.

Проанализировав исследования по теоретизированию капитализации труда, можно выделить два основных способа его экспликации – «деньги» и «техника». Они являются конструкциями, то есть двумя вариантами объективации социально-экономической мыследеятельности, раскрытой в концепции З. Баумана³⁴.

Реконструируя историю экономики, З. Бауман рассматривает мысле-описание труда и выделяет основные этапы его концептуализации, тем самым легитимируя современное понимание общества как капиталистического. Он прослеживает три смысловых преобразования понятия труда. Во-первых, им выделяются определения – «крестьянский труд» и «труд наемного работника», которые отсылают к таким материалистическим смыслам, которые указывают на «труд», как на средство существования: прикрепленное к определенному месту – крестьянский; и неприкрепленное/без определенного места, но сохраняющее значение как средства к существованию – наемный. З. Бауман обращается к Оксфордскому словарю английского языка, где в 1776 году «впервые слово “труд” (labour) было употреблено для обозначения “физического усилия, направленного на удовлетворение материальных потребностей сообщества”. Сто лет спустя этим же словом стали характеризовать “всю совокупность работников и операторов, принимающих участие в производстве”, а вскоре профсоюзы и подобные им организации связали воедино оба значения слова

³⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 324 с.

“labour” и в конце концов придали ему политическое звучание. Применение этого слова в английском языке примечательно тем, что заостряет внимание на тесной связи – по сути дела, на слиянии и тождестве судеб – между трудом (work), понимаемым как “физические и умственные усилия”, самоорганизацией трудящихся в единый класс и политикой, основанной на этой самоорганизации»³⁵.

Во-вторых, при переходе к денежным отношениям, то есть переписываясь экономическим языком, труд начинает пониматься через смыслы «товар» и «работа», становится абстрактной категорией рынка. Понятие труда отделяется от определения его как средства существования рабочего и становится частью рыночных отношений, встраиваясь в экономическую теорию. Вписанный в экономику, он структурируется через цену, которая регулируется конкуренцией и законами рынка в целом. Теперь не существо рабочего определяет количественную потребность в благах, а рынок. В результате капитализации «наемный труд» не только описывается как товар, но и освобождается от рабочего как своего субъекта.

Здесь мысле-описание труда, показывает, что рабочие становятся зависимыми от труда, а капитал, поскольку прикреплен к месту (заводам, фабрикам и др.), зависим от рабочих. Капиталистические отношения связывают абстракцию трудящегося с абстракцией места (земли), объективируя эту взаимосвязь в материальном. «Новый индустриальный порядок, как и концептуальные построения, предполагавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла свое крестьянство, а вместе с ним разрушала и “естественную” связь между землей, человеческими усилиями и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к

³⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 43.

использованию “рабочей силы”, а саму эту силу – по праву считать потенциальным источником богатства»³⁶.

Вследствие разделения труда и увеличения рынка производство товаров предъявляет потребность в знании о техническом и технологическом совершенствовании промышленности. Потребность в знании порождает его стремительное производство.

По причине роста наукоемких отраслей производства и технологий, ускорения изменений внутри отдельных сфер рынка, возникает ситуация, когда модель долгосрочных договоренностей становится невыгодна рынку³⁷. Задается модель кратковременных договоренностей, в виде контрактов, грантов и др. Но вместе с этим появляется еще большая включенность в стихийность рынка. Не только существование человека определяется рынком, но и его будущее/ожидание от будущего.

Тогда идеи и проекты становятся новым товаром, а предпринимательская креативность становится ресурсом «экономики». Возникает потребность в производстве символических, то есть социальных структур, которые производят новые способы производства. Возникают «новые» социальные категории и профессиональные спецификации.

В-третьих, З. Бауман доводит смысловое преобразование труда через капитализацию до полной потери его «естественности»³⁸. Переход от трудовых к денежным отношениям в условиях современной индустриализации приводит к глобализации – возникновению «мирового» социума. «Национальные государства больше не защищены своим когда-то абсолютным экономическим, военным, культурным и политическим суверенитетом; эти элементы суверенитета вынуждены были капитулировать под давлением сил глобализации. Что бы ни делало государство по собственной инициативе, это выглядит до смешного несоразмерным с мощью экстерриториального и

³⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 44.

³⁷ Там же. С. 46-47.

³⁸ Там же. С. 44.

кочующего капитала»³⁹. З. Бауман интерпретирует состояние нации, семьи и индивидов через призму индустриализации и дальнейшего разделения труда, которые понимаются им в качестве господствующего капитализма. Поскольку индустриализм предполагает развитие транснационального капитала, то в итоге абсолютизация экономики понимается как глобализация денежных отношений.

Таким образом, капитализация объективирует труд в виде социального действия под знаком денег. Капитализация обнаруживается как вращение денежных знаков на их объективно-материальное, то есть вещественное значение и обратно («деньги-товар-деньги»). Этим способом происходит материализация рыночных абстракций – «труд», «земля», «капитал». Возврат «труда» из абстрактной структуры происходит через его прикрепления к месту, предприятиям, фабрикам и т.д., а значит – к земле, то есть к материальной данности. Другим способом объективации труда оказывается рынок. Он осуществляет себя как объективная независимая от трудящегося (*homo esotomicus*) данность. Поскольку денежный знак оказывается универсальным средством обмена, то он не только связывает все товары и социальные действия, но и универсализирует рынок, делая его местом для социальных отношений обмена. «Рынок» становится местом совпадения социального действия с денежным обменом, поэтому человеческая деятельность во взаимодействии оказывается необходимо обменной, полностью выносится в абстрактные структуры, которые затем формализуются.

Деньги позволяют придать исчислимый характер социальным действиям, дают возможность их рассчитать, будучи универсальным эквивалентом обмена. Здесь «эквивалент» обозначает «равенство, равновесие». Поэтому деньги и есть обмен (см. Л. фон Мизес). Социальное максимально захвачено денежным выражением собственного существования, вплоть до его переизбытка. Для того, чтобы осмыслить этот излишек и заново определить аномалию, необходима дальнейшая объективация в виде социально-философских концепций капитализмов, пределом которых является «общество потребления».

³⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 173.

Местом, где субъективная (потребительная и меновая) стоимость объективируется в цену, называется «рынком». Рынок специализирует производство (А. Смит). Специализация производства приводит к разделению труда. Следовательно, средство существования «человека труда» становится зависимо от рынка и рыночных отношений. Поскольку потребности человека в марксистском понимании задаются как физиологические и поэтому необходимы, то «обмен» связывается с биологическим существованием человека. В результате развития рынка и уровня включенности в него общественных отношений труд отделяется от средств существования рабочего.

Выстраивающиеся отношения между «производством» и «потреблением», «денежной массой» и «товаром», «неценовых» и «ценовых факторов спроса и предложения» и т.д., образуют сложную систему. Рынок как бы отчуждается от человека. «Многие комментаторы уже отмечали, что понятию рынка до сих пор практически не дано определение и дискуссий о нем почти нет <...> В самом деле, такое ритуальное обвинение не имеет никакого смысла, поскольку после маргиналистской революции рынок перестал быть чем-то конкретным и стал абстрактным концептом, не имеющим эмпирического референта, математической функцией, отсылающей к абстрактному механизму ценообразования, описываемому теорией обмена <...>. Наиболее законченную форму это понятие принимает у Вальраса с введением понятия совершенного рынка, характеризующегося совершенной конкуренцией и совершенной информацией, и понятия общего равновесия в мире взаимосвязанных рынков»⁴⁰.

Деньги делают мыслимым косвенный рыночный обмен, то есть представленным в абстрактных знаково-символических эрзацах материи. Причем в обменных рыночных отношениях как «произведенное», так и «потребленное» также получают символическое значение «товара». Теперь экономика функционирует знаково и абстрактно и может быть представлена в универсальной символической формуле «товар-деньги-товар». Таким образом,

⁴⁰ Бурдьё П. Поле экономики // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 133.

при капитализации «естественный» как научно-обоснованный труд переходит к денежным абстракциям и утрачивает свою «естественность», «действительность». Труд отчуждается от материи, а экономика становится абстрактно-функционирующей реальностью.

Таким образом, «естественный характер» труда при капитализации сменяется на рыночные отношения, приобретает характер денежного выражения. Деньги как символическая форма рационализируют «труд» из натуральной величины в мыслимую категорию наравне с «землей» и «капиталом». «Без сомнения, земля, труд и капитал – почва, люди и средства производства – являются неотъемлемыми атрибутами любого общества. Но сама идея абстрактной «земли» или абстрактного «труда» начала занимать умы не раньше, чем абстрактная энергия или материя. Земля, труд и капитал как безличные «агенты» в производственном процессе – концепции не менее современные, чем интегральное исчисление. И появились они лишь немногим раньше <...>. Тот факт, что средневековый мир не породил рыночную систему, легко объясним: населявшие его люди не могли даже представить себе абстрактных элементов производственного процесса»⁴¹. «Естественный» труд приобретает расчетливо-рациональный характер как знаково-символический. Материально данные земля, труд и капитал переходят в абстрактные понятия, то есть становятся универсальными и общими. Тем самым, они меняют свой материальный характер на объективно-знаковую основу.

Установленный экономикой символический порядок рассматривает при анализе капитала как символического обмена Ж. Бодрийяр. Труд, по его мнению, является полной включенностью в общество. Он становится средством социализации. А произведенная реальность символических структур как бы потребляется в ходе нее.

Капитализация выражена в структурном законе ценности (в текстах Ж. Бодрийяра также «стоимости», «значения» и «значимости»⁴²), согласно

⁴¹ Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего... С. 32-33.

⁴² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с франц. Д. Кралечкин. М.: Академический Проект, 2007. С. 12.

которому функционируют знаки, отделенные от референтов – симулякры. Ж. Бодрийяр пытается исходить из социального дискурса для того, чтобы определить политическую экономию знаков. «Анализ социальной логики, которая упорядочивает практику предметов, распределяя их по различным классам или категориям, должен в то же самое время являться критическим анализом идеологии «потребления», которая в настоящее время подкрепляет любую относящуюся к предметам практику. Этот двойной анализ <...> должен исходить из одной предпосылки: из отмены само собой разумеющегося рассмотрения предметов в терминах потребностей, отмены гипотезы первичной потребительной стоимости»⁴³. Такой критический подход по отношению к физиологическим потребностям человека и человеческой обусловленностью позволяет рассматривать социальную знаковую стоимость как первичную, а ее прагматический статус как возникающий из нее.

То есть Ж. Бодрийяр как бы «переворачивает» идею К. Маркса, чтобы в такой интерпретации обнаружить идеологию «потребления». До обмена товаров должен существовать сам обмен – такова его основная гипотеза. Этот обмен как символический указывает на фундаментальность социального дискурса. Попытка Ж. Бодрийяра осмыслить/субъективировать экономическую действительность как знаковую объективную данность увенчалась революционной антропологией, то есть теорией, отправляющейся от марксистского анализа, но выходящей за его пределы. Она рассматривает символический обмен, распространение политической экономии на знаки и знаковые системы, критику фетишизма потребительной стоимости⁴⁴.

Политическая экономия, фундированная действительностью, становится политической экономией знака. Человеческая деятельность теперь заключается в «производстве» и «потреблении» знаков или знаковых структур. Тем самым, производство вещей как необходимых физиологически сменилось на производство знаков и символического обмена. Из этого следует, что

⁴³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака... С. 12.

⁴⁴ Там же. С. 174-175.

экономическое поведение изменяется и является уже не вещественным, а знаково-символическим.

Таким образом, экономика представляется как единое целое, что означает следующее. С одной стороны, экономика является знанием, которое описывает механизмы взаимодействия, то есть социального поведения. А с другой стороны, она оказывается самим поведением. Экономика как знание о поведении и как поведение (в этом смысле повседневное) самозамыкается/рационализируется (К. Касториadis) и начинает предъявлять себя самодостаточной. В этом положении экономика становится субъективной реальностью и начинает определять к существованию социальное.

Произошел переворот. Если дискурс, или мыслимое, определяет теорию, то переворот заключается в том, что социально-экономическая теория (экономика и ее законы) начинает определять экономическую мыследеятельность как исключительно символическую реальность.

«Потребность», «производство», «рынок», «деньги», «труд» задаются как реальные, или символические структуры. В этой связи будет уместна цитата Т. Седлачека: «Реальность – это не данность, она не пассивна. Ее осознание требует активного участия самого человека. Именно он должен сделать последний шаг, как-то действовать для того, чтобы возникла действительность <...>. Наши модели довершают реальность, так как они (1) ее интерпретируют, (2) присваивают ей имена, (3) позволяют мир и явления классифицировать в соответствии с логической формой, и (4) посредством этих моделей мы де-факто реальность и воспринимаем. С помощью этого (привнесенного нами) порядка реальность начинает проявляться как действительность, а без него просто теряет смысл <...>. С помощью своих теорий человек не только изучает мир, но и меняет его»⁴⁵.

Таким образом, общество потребления есть точка, где совпадает экономическая мыследеятельность и экономическое знание (экономика). В нём экономическое оборачивается социальным. Оно представляет собой предельное

⁴⁵ Седлачек Т. Экономика добра и зла... С. 105.

состояние социального, когда экономическое поведение складывается из потребления символических структур, которое, по сути, оказывается потреблением мыслительным, самым мышлением. Это и есть новый способ определения мыслительности как мыслительного поведения, а именно производства и потребления мыслительно-знаковых структур. Эти структуры являются в виде объективно существующих знаков, которые функционируют согласно структурному закону ценности (Ж. Бодрийяр). Поэтому их взаимосвязь всегда идеологична. Потребление знаков осуществляется не в связи с необходимостью, а символически, обозначая социальное положение. Потребление становится главной ценностью, а труд – точкой соединения мыслимой социально-экономической реальностью и ценностных структур. Трудовая ценность открывается как ценность вообще. «Труд впервые создает ценность»⁴⁶.

Г. Зиммель пишет, что сам по себе труд не имеет конкретной ценности, но продукт труда приобретает её, поскольку его возможно потребить. Этот же продукт, потребляемый рабочим для того, чтобы восстановить свои жизненные силы, делает ценным рабочую силу, но снова не сам по себе труд⁴⁷. Именно поэтому капиталист покупает не сам труд, а рабочую силу. В этом смысле труд как точка «сборки» являет собой «объединяющий поток, в котором сливаются в неразделенное целое отдельные стороны нашей натуры, он погашает различия в их сущности в безразличии производимых продуктов»⁴⁸. Труд собирает конкретное произведенное, переводя его в план ценностной структуры. Умственный труд в отличие от физического, создает продукты, которые являются идеальными, то есть являются идеями, неподвластными времени, старению и разрушению. В этом плане Г. Зиммель использует понятие «психический труд», чтобы обозначить, его затраты как «психическую силу»⁴⁹. Различение как бы внешнего и внутреннего труда, и соединение их в «труде»

⁴⁶ Зиммель Г. Философия труда // Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 467.

⁴⁷ Там же. С. 468.

⁴⁸ Там же. С. 467.

⁴⁹ Зиммель Г. Философия труда... С. 470-471.

вообще дает возможность создать шкалу ценности, где затраты труда будут увеличивать ценность продукта.

Однако деньги являются бескачественным результатом труда. «Они, так сказать, концентрируют в одной точке как результаты, так и возможность бесчисленных функций. В самом деле, они фактически включают в себя многообразие не только по отношению к будущему, но и по отношению к прошлому; только из скрещения интересов во всем их множестве, из всего богатства самых разнообразных видов деятельности могло возникнуть это средство обмена, стоящее, так сказать, над партиями. Вся совокупность дифференциаций хозяйственной жизни является причиной денег, а возможность любой хозяйственной дифференциации есть для отдельного человека результат владения ими. Поэтому потенциально деньги являются наисовершеннейшим сосуществованием различных дифференциаций. По отношению к владению деньгами всякая деятельность вообще является дифференциацией в рамках последовательности; она всегда разлагает наличную сумму сил на целый ряд различных моментов, даже если выражается в них в одной и той же форме, тогда как время владения деньгами следует рассматривать как “плодотворный момент” в высшем смысле этого слова, как мимолетное соединение бесчисленных нитей, которые в следующее мгновение снова расходятся в столь же бесчисленное множество действий»⁵⁰.

Функционирование денег способствует дифференциации хозяйства, увеличивает уровень общественного разделения труда, что приводит к его технизации. Поэтому труд является фактором технического прогресса. Технизация и технологизация процесса труда в итоге заменяет человеческие физические и, в равной степени, умственные усилия техникой. Логикой труда и инкорпорированной в него человеческой деятельности оказываются структуры технологии и техники. На это указывает сторонник неомарксистской парадигмы Г. Маркузе. Рациональный характер труда приобретает техническую инструментальность. Получается, что дальнейшая капитализация труда

⁵⁰ Зиммель Г. Философия труда... С. 152.

приводит к идеологии техники, которая на пределе выражает одномерность человека. Деньги становятся языком экономики, а техника местом, идеальным телом труда.

Экономика – единственная идея, производящая социальную структуру. Она полностью совпадает с социальным производством и потреблением. Таким образом, экономика трансцендирует, так как является «пустой» в виде «денег» и «техники». В это «пустое» вкладывается мышление, которое становится одномерным. Это и есть место «идеологии». Так промышленный капитал, понимаемый именно как теоретический конструкт, предшествует конструкту «индустриального общества» (М. Вебер, К. Маркс и др.), конструкт символического капитала предшествует «обществу потребления» (Ж. Бодрийяр, Г. Дебор и др.), конструкт когнитивного капитала, предшествует «обществу знания» (А. Горц, А. Корсани, Э. Руллани и др.) и т.д.

В господстве технократии Г. Маркузе обнаруживает нехватку человеческой деятельности, понимаемой им как мышление. «Преобладающие формы общественного контроля технологичны в новом смысле <...>. [Они] предстают как воплощения самого Разума, направленные на благо всех социальных групп и удовлетворение всеобщих интересов, так что всякое противостояние кажется иррациональным, а всякое противодействие немислимым»⁵¹. Технократия раскрывает «экономику» как «универсум фактов»⁵², ориентирующий мышление и поведение определенным, рационально-расчётливым образом. Мышление и поведение индивида диктуется господствующим экономическим дискурсом, который равен ratio и науке вообще. В результате происходит «сглаживание антагонизма между культурой и социальной действительностью путем отторжения оппозиционных, чуждых и трансцендентных элементов в высокой культуре, благодаря которым она создавала *иное измерение* реальности»⁵³. Г. Маркузе указывает, что в современной ситуации случился паралич «критики» общества без оппозиции.

⁵¹ Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. С. 27-28.

⁵² Там же. С. 37.

⁵³ Там же. С. 87.

Такой конструкт аморфного общества возникает по причине сконструированной капиталистической моно-логики Г. Маркузе. Одномерность мышления оказывается, прежде всего, одномерностью человеческой деятельности, то есть односторонностью ее самоосуществления. Воспрепятствование осуществлению единственно легитимного способа становится равнозначным безумию.

Продолжая проблему технологизации и глобализации капитализма, Ш. Зубофф показывает изменения логики технократии в исторической ситуации цифрового общества. «Надзорный капитализм – это рыночная форма, которая невообразима вне цифровой среды, но она не равна “цифре”»⁵⁴. Капитализм, обнаруживающийся в логике исчислимых действий, с появлением цифровых технологий и их распространением, определяется в «цифре» как наиболее подходящей форме. Одномерность мышления обнаруживается в попытке легитимации социального взаимодействия через технологическую обусловленность. «Надзорный капитализм – это логика действия, а не технология <...> надзорные капиталисты хотят, чтобы мы думали, что их практики являются неизбежным выражением технологий, которые они используют»⁵⁵. Так одним из пределов капитализации труда можно назвать цифровую экономику. С другой стороны, биологический аспект труда через фрейдомарксизм в различных его инвариантах (С. Жижек, Ж.-Ф. Лиотар, Г. Маркузе, Э. Фромм) определяется в поведенческой экономике или нейроэкономике⁵⁶.

Итак, «социальное» рассматривается как концепт, который протягивает множество смыслов и разворачивается в текстовом описании. В нем выражается социальное мышление. Оно раскрывается как мыследеятельность, то есть такая деятельность мышления, которая заключается в производстве «социального».

⁵⁴ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 25-26.

⁵⁵ Там же. С. 26.

⁵⁶ Ключарев В. А., Шмидс А., Шестакова А. Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология, 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.

Мыследеятельность являет себя в рассмотренных экономических метафорах, таких, как «деятельность», «труд», «деньги», «капитал», «рынок», «обмен», «производство», «поведение» и «ценность». Поскольку экономическое производит социальное посредством этих метафор, то последнее есть продукт, определенный результат мыслительного, языкового производства. Экономические метафоры делают смысл социального определенным. Поэтому экономика в производстве смыслов совпадает с социальным. Возникает социально-экономический дискурс.

Экономика мыслит в рамках *ratio*, то есть рационально. *Ratio* как разумное является основанием для существования социального. Рационализация социально-экономического дискурса объективируется в экономических теориях.

Если *ratio* является причиной/основанием деятельности, то разумная деятельность, объективированная в экономике, есть исключительно экономическая мыследеятельность. Ее реализация происходит в пространстве экономических субъективно-смысловых взаимодействий. Экономическая мыследеятельность трансформирует экономический смысл «деятельности» в концепт экономики, в «труд». Через экономизацию смысла труда в виде процесса его капитализации, происходит преобразование экономических терминов в экономические метафоры социального.

«Труд» мыслится как взаимовыгодный обмен, который становится возможным благодаря «деньгам». Трудовая мыследеятельность посредством рационализации в виде расчетливости начинает выражаться денежными знаками. Так, сообщение экономического и социального происходит в процессе капитализации труда.

Капитализация, по сути, оборачивает социальные мыследействия в производство денежных знаков. Из этого следует, что деньги как знак есть универсальный эквивалент мыследействия. Поэтому капитализация связана с монетизацией – производством денег. Денежные знаки переводят в абстрактную систему «землю», «труд» и «капитал», то есть существующее физически (материально) – в символическую структуру мыслимого. Рыночное

функционирование экономики объективирует реализацию социально-экономического дискурса.

Возможно обозначить еще один смысл концепта денег – универсальную форму рационального существования социального. Социальное выражается в деньгах, деньгами и с помощью денег, следовательно, выписывается как разумное. Социально-экономическое взаимодействие может быть оправдано денежным расчетом, который полагает разумность как здравый смысл. Универсализация есть репрезентация социально-экономического дискурса в объективных структурах экономики социального. Как один единственный способ понимания, экономика разворачивается в виде идеологической структуры общества. Идеологизация репрезентируется как экономизм социальных взаимодействий, прописывающий их ценности.

Таким образом, универсальность здравого смысла социально-экономического концепта эксплицируется в таких объективных смыслах, как «история» и «труд», «наука» и «идеология», «деньги» и «техника». Они указывают на то, что социальное легитимируется экономикой в структурах социально-экономической деятельности. Экономика предъявляет себя как единственный способ понимания субъективно-мыслимого осуществления социального.

Социально-экономический дискурс обретает абсолютный, то есть универсальный, господствующий, всеохватный и вездесущий способ понимания мыследеятельности. Поэтому такое состояние социально-экономического дискурса возможно назвать абсолютным.

1.2. Абсолютизация экономического описания социального и его кризис

В процессах объективации социального дискурса в экономических концептах, то есть рационализации, капитализации, универсализации, идеологизации, монетизации экономическое обретает свою объяснительную тотальность. Оно абсолютизируется в этих объективных структурах. Эти способы саморепрезентации экономики указывают на то, что она приобретает смысл абсолюта.

«Согласно философским словарям, абсолютом называется все, что *absolutus* – ничем не связано и не ограничено, ни от чего не зависит, чьи смысл, первопричина и объяснение заключены в нем самом»⁵⁷. Абсолютное как независимое и объективное есть то, к чему можно применить слово «субстанция»⁵⁸. В связи с этим следует привести наиболее общий смысл абсолютного, а именно субстанция есть субъект⁵⁹. Здесь субстанция является тем, что не требует для своего существования ничего, кроме самой себя⁶⁰. Следовательно, она абсолютно объективна. Но поскольку она абсолютно объективна, а не относительна, то ее основания должны находиться в ней самой. Этими основаниями является то, что полагает субстанцию в качестве субъекта. Субъект и есть субстанция, полагающая саму себя как объект. «Субстанция – это позитивная, трансцендентная сущность, которая, как предполагается, скрыта за занавесом феноменального мира. “Понять, что субстанция есть субъект” значит понять, что занавес феноменального мира скрывает прежде всего то, что скрывать нечего, а это “ничто” за занавесом и есть субъект»⁶¹. Здесь открывается

⁵⁷ Эко У. Абсолют и относительность // Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 21.

⁵⁸ См.: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. С. 20-21; Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. С. 197, 201-203.

⁵⁹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа... С. 19.

⁶⁰ Там же. С. 17-19.

⁶¹ Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии... С. 197.

совпадение субъекта и объекта в абсолюте как их целом. Целостность в смысле «абсолютного» задается тут как «одно», иначе говоря, как один концепт с одним единственным смыслом.

Абсолютное значит «одно», а не «несколько». Поскольку там, где два и более возникает граница, различающая «одно» от другого, и делающая, соответственно, «одно» относительно или зависимо от другого. Последнее оказывается внешним для первого и указывает на обусловленность и зависимость, что противоречит значению абсолюта.

Абсолютным можно назвать такой смысл экономики, при котором она оказывается безотносительной, самодостаточной, независимой и ни чем необусловленной. Поэтому экономика как абсолют может рассматриваться только как «одно». Так как экономика есть «одно», то является необходимой в себе и для себя самой. Абсолют различает сам себя для самого себя с целью самоопределения, выстраивая собственные границы апафатическим способом, путем самоотрицания. В своей необходимости он предстает и как абсолютный субъект, и как противоположность ему – абсолютный объект. Экономика тогда достигает состояния одного единственного, а значит, необходимого смысла, когда становится абсолютной. Необходимость быть абсолютной заключается в ее стремлении к необходимости ее самой для самой себя. Больше нет социального, внутри которого есть экономический смысл. Абсолютное экономическое бытие есть социальное бытие, они тождественны. Это значит, что экономическое мышление предстает в виде абсолютной субъективности, а экономика оказывается абсолютной объективностью. Они совпадают, отождествляются в социально-экономическом дискурсе.

В этом смысле экономика в виде абсолютного субъекта познает саму себя в качестве абсолютно объективного. В самопознании экономики абсолютный субъект и абсолютный объект одновременно различаются и оказываются тождественны друг другу в абсолютности социально-экономического дискурса. Тогда предполагается, что экономическое знание – результат самопознания абсолютного субъекта – независимо, ничем не обуславливается, то есть на самом

деле является абсолютным знанием. Экономическое знание как абсолютное указывает на возможность только одного знания, тем самым все иное знание является производным из того, которое лежит в основании.

Поскольку абсолютное знание как «одно» лежит в основе всего другого знания, то экономика и есть основание последнего. В понятии «основание» для абсолютного знания обнаруживается стирание различия между объективностью теории, действительностью и субъективностью мышления. Тогда назовем это основание экономическим дискурсом как языковой реальностью. «Real» переводится как «действительность», но это действительность как бы другого рода, прежде всего, знаниевая.

При этом символическая реальность объективируется в монетизированности знания. Реальной символической данностью являются деньги, которые С. Жижек называет «реальной абстракцией», подчеркивая абстрактно-символический характер их существования. «С одной стороны, “реальная абстракция” не является, конечно, “реальной” в смысле реальных, действительных свойств товаров как материальных объектов: товар как объект не обладает “стоимостью” в том смысле, в котором он обладает множеством частных свойств, определяющих его “потребительную стоимость” (его форма, цвет, вкус и так далее). Зон-Ретель подчеркивает, что “реальная абстракция” участвует в конкретном акте обмена в качестве постулата – другими словами, в качестве некоего “как если бы” (ads ob): в акте обмена индивиды ведут себя так, как если бы товар не был подвержен физическим, материальным изменениям, как если бы он был исключен из природного цикла возникновения и разрушения; хотя на уровне своего “сознания” они “очень хорошо знают”, что на самом деле это не так. Одним из наглядных примеров, показывающих действенность этого постулата, может быть наше отношение к материальности денег: мы все очень хорошо знаем, что деньги, подобно всем другим материальным объектам, приходят в негодность от долгого употребления, что их материальное тело изменяется со временем, однако в социальной действительности рынка мы тем не менее обращаемся с ними так, как если бы они состояли “из субстанции, не

подверженной изменениям, субстанции, над которой не властно время и которая совершенно отлична от любой другой материи, обнаруживаемой в природе»⁶².

«Реальная абстракция» денег понимается как место схлопывания реальности экономического знания и денежного выражения. Деньги образуют универсальный символический язык, который выписывает социальное экономическим, элиминируя социолекты (Р. Барт) как любой другой социальный язык.

Субъективная реальность стремится совпасть с данностью, чтобы достичь своего основания/истинности как сущности. Описание и описываемое должно совпасть. В этом заключается необходимость схлопывания экономической реальности и действительности.

Поскольку как знание, так и действительность, которую это знание в себе несет, являются по своей сущности экономическим, то возникает системная замкнутость и научная самодостаточность экономики. «Правда в том, что научный анализ не выбирает между перспективизмом и тем, что следует называть скорее абсолютизмом: в действительности правда социального мира – это суть борьбы между очень неравно вооруженными агентами за то, чтобы добраться до совершенного, т. е. самоконтролируемого, видения и предвидения»⁶³. Так экономика, проявленная в экономическом языке, занимает статус совершенного порядка. Он возможен поскольку представлен в виде универсальности и тотальности денег.

Самоконтролируемость как совершенство экономического знания значит то, что его критерий или мера располагается в самом экономическом знании, а не вне его. Этого требует абсолютность. Экономическая реальность предъявляет в каких конструктах существует экономическая действительность, и в каких структурах существует социально-экономическое целое. Экономика сама себя проверяет на правильность/истинность тем, что предлагает модели и конструкты, показывающие совпадение знания/описания и

⁶² Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии... С. 24-25.

⁶³ Бурдьё П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 29.

действительности/описываемого. «Современные неоклассические финансы являются парадигмой мышления о финансовых рынках, которая, в общем-то, может быть отнесена к нескольким каноническим теориям, увидевшим свет между 1952 и 1973 годами. Хотя изначально эти теории были сформулированы в академической среде с целью объяснить и понять то, как работают финансы, постепенно их взяли на вооружение практикующие финансисты, торгующие на финансовых рынках; тем самым теории определили работу самих же этих рынков»⁶⁴.

Из этого следует, что экономика как экономическая теория есть реальность абсолютного субъекта. Абсолютный субъект экономики конструирует знание путем самопознания. Производство теоретического знания подразумевает выписывание экономическим языком (категориями, понятиями, структурами, деньгами на пределе) уже имеющееся описание и сведение его к описываемому абсолютному объекту⁶⁵.

Иначе говоря, экономика есть мера знания (gnosis), которая выступает как шаблон, как форма идеального (экономически оправданного) знания. Таким способом экономика начинает рассматривать интеллект, воображение и живое опытное знание, «которые в совокупности и составляют “человеческий капитал”»⁶⁶ в экономике знания. «Информатизация повысила в цене именно незаменимое, не поддающееся формализации знание. Спросом всё больше пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обиходном общении и относятся к культуре повседневности»⁶⁷.

⁶⁴ Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 60.

⁶⁵ Шамшури А. А. Концептуализация «социального» в историко-экономических интерпретациях / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшури // KANT. 2021. №1 (38). С. 153-161.

⁶⁶ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / Пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 23.

⁶⁷ Там же. С. 12.

С этой точки зрения никакое знание не обходится без экономики. Обыденное знание полагает экономику как здравый смысл, рассудительность, расчетливость, хозяйственность, экономию и т.д.

Для научного знания экономика предстает как принципы экономии, помещенные в пространство теоретизирования и методологии функционирования научных исследований. Она проявляется в прагматизме (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи) и конвенционализме (Э. Мах, А. Пуанкаре). Прагматизм формирует цель научного знания, его содержательную направленность. Тогда смыслом науки становится польза или выгода, получаемая от конкретного знания. Необходимость конвенции между учеными проявляется в установлении общего согласия по поводу выбранной цели. Конвенционализм легитимируется тем, что определенная цель действительно оправдана с точки зрения выгоды. «Можно утверждать, что ньютоновская теория тяготения – это только высокоэффективный инструмент прогнозирования, позволяющий делать предсказания, приблизительно верные почти для всех практических целей в пределах нашей солнечной системы, но тем не менее неспособный действительно “объяснить” движение тел. Подобные мысли привели Маха и Пуанкаре в XIX в. к убеждению, что все научные теории и гипотезы – всего лишь сжатые описания природных феноменов, не являющиеся сами по себе ни истиной, ни ложью, но играющие роль условных обозначений для хранения эмпирических сведений, ценность которых определяется принципом экономии мыслительных усилий, – то, что теперь называют методологией конвенционализма»⁶⁸.

Исходя из цели или смысла научного знания, выявляется критерий «правильного», «нужного», то есть истинного знания. Эта мера есть польза или выгода, которая в научной истине прописывается языком денег. Так деньги становятся критерием научного знания.

⁶⁸ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 48-49.

Являясь критерием истинности знания, экономика решает как (метод) и что (предмет) изучать. Та же космическая отрасль больше не кажется научным романтизированием вселенной ради идеального постижения космоса, напротив, ее деятельность и она сама как наука объясняется одной экономической выгодой. «Жизнь становится “самым дорогим капиталом”. Граница между частной жизнью и работой размывается, причем не потому, что рабочая и нерабочая деятельность требуют одних и тех же умений, а потому, что вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости. Всякая деятельность должна допускать превращение в бизнес и, как пишет Доминик Меда, “отношение к самому себе и к другим мыслится исключительно в модусе денег”»⁶⁹.

Знание как «одно» не предполагает двух разных вариантов знаний, которые друг с другом будут вступать в отношения как «истинное» и «ложное». Одно знание указывает на возможность только истинного знания. Отсюда в экономической теории широкое распространение получает метод фальсификации, смысл которого в общих чертах заключается в том, что истинное знание возникает из ошибки⁷⁰. Фальсификационизм заключается в том, что научное знание можно опровергнуть (К. Поппер), выстроив теорию или эксперимент. Полученное «ложное» знание при этом будет указывать на научность знания. Такой метод необходим для того, чтобы различить истинное знание.

Истина только одна (Аристотель). Поэтому «абсолютное знание» и «истину» можно понимать как синонимы. Именно таким и предъявляет себя экономика как абсолют. Теперь можно сказать, что экономика есть критерий истинности знания постольку, поскольку она есть истина сама по себе.

Истинное знание одно и других быть не может. По сути, это значит стать знанием для всего и вся. Последнее указывает на везде-сущность экономики, она находится при сути всего: суть взаимодействий, отношений и т.д.

⁶⁹ Горц А. Нематериальное... С. 35.

⁷⁰ Блауг М. Методология экономической науки... С. 179.

«Везде» означает быть повсюду, то есть как в пространстве мыследеятельности, так и во времени ее осуществления. Пространственная различенность задается временными структурами обмена. Временная дискретность становится экономической определенностью. Она связана с привычными малыми и большими хозяйственными циклами в виде времен года, количеством часов в сутках и т.д. Циклическое или круговое время в повседневности продиктовано экономикой как порядком регулярных действий. Линейное время предьявляется как экономический прогресс, то есть как итог последовательных повторений ежедневных действий. Границы действий накладываются целями экономической как научной, так и повседневной деятельности. Пространство определяется во времени, а время задает движение в пространстве. Таким образом, абсолютность экономики разворачивается в пространственно-временной перспективе. Экономика-как-абсолют вносит в атрибуты времени и пространства хозяйственные смыслы. Она устанавливает их через принципы прагматизма и конвенционализма, царящие в научной теории и практике.

Следовательно, любое знание предстает как экономическое, понятое в товарном виде. Отсюда перевод любого знания в товарно-денежные отношения, которые автоматически переводят действия научных институций, включая образование, в соответствии с мейнстримом рынка.

Хозяйственная, а лучше сказать денежная, деятельность науки стала мерностью ее наличного существования за счет грантов, государственных заказов, частных инвестиций и др. «На самом деле параллельно существуют две концепции пособия на существование, причем иногда даже у одних и тех же авторов. Некоторые видят в нем способ спасти жизнь от товарных отношений и тотального превращения себя в стоимость. Другие, наоборот, понимают его как необходимую компенсацию за нерабочее время, которое, будучи временем на самосоздание, значительно повышает производительность труда. Эта вторая концепция содержит, надо сказать, опасную ловушку. Поскольку она исходит из того, что капиталистический процесс производства получает пользу от всех

способностей, профессиональных знаний и ресурсов, которые человек приобретает в течение своей жизни, она рассматривает жизнь в целом как производство постоянного человеческого капитала. Таким образом, вся деятельность человека, направленная на производство самого себя, сводится к экономическим целям. Поскольку все люди вносят свой вклад в общественное производство уже тем, что живут в данном обществе, они заслуживают, чтобы этот их вклад был оплачен пособием на существование»⁷¹.

Экономика как абсолютное знание должна быть не только повсеместной, то есть тотальной, она должна быть также универсальной. Этого требует само значение абсолюта.

Достигнутая универсальная форма знания, объясняющая характер социально-экономического, снимает представление о замкнутости общества в пространстве определенного государства. Такой универсализм позволяет создавать описание социально-экономического целого в масштабе планеты. «Подобно концепциям “цивилизации”, “развития”, “конвергенции”, “консенсуса” и множеству других ключевых понятий, характерных для общественной мысли периода новой и новейшей истории, идея “универсализации” выражала надежду, намерение и решимость навести порядок; помимо того, о чем говорили другие родственные концепции, она означала всеобщий порядок – наведение порядка во всеобъемлющем, подлинно глобальном масштабе. Как и другие концепции, идея универсализации родилась на подъеме ресурсного потенциала государств и амбиций интеллекта нового времени. Весь этот “хор” концепций в унисон объявлял о решимости сделать мир не таким, каков он есть, а лучше, чем он есть, а также поднять перемены и усовершенствования до глобального, общевидового уровня. Тем самым они служили и декларацией о намерении создать для всех жителей Земли похожие жизненные условия и возможности, а может быть – даже уравнивать их»⁷².

⁷¹ Горц А. Нематериальное... С. 38-39.

⁷² Бауман З. Глобализация... С. 87.

Универсализм подразумевает под собой стандартизованность формы, что открывает глобальность экономического мышления в виде мирового рынка. Внутри этой тотальности каждый социально-действующий (П. Бурдьё) стал пониматься как экономически-действующий, на пределе совершающий социальные мыследействия *Homo economicus*. Поэтому они вне зависимости от культурной и государственной различности мыслят одинаковыми экономическими структурами. Такое понимание человека в качестве «агента экономикус» уравнивает всех и вся с помощью экономической стандартизации, внедряемой в мышление через идеальные конструкты потребностей⁷³.

В основе желания иметь лежит такого рода стандартизация. Ж.-Ф. Лиотар конкретизирует желание в виде потребности иметь определенный товар: «В терминологии Бодрийяра обвинение касается скорее полного фетишизма этой структуризации: затемнения кастрации и двойственности по отношению к анонимности нейтральных благ. Тоже не наши слова. Мы говорим: вот структурный синтаксис языка, на котором говорят обмены товарами; он, похоже, один из самых точных (но разве мы экономисты, чтобы об этом судить...). Оставляет ли он что-то вне самого себя? Будем ли мы упрекать его наподобие С. Латуша в недооценке того, насколько отлична рабочая сила как товар от любого другого товара? Это означало бы пойти на попятную, опять разыскивать внеположное, сущность, продолжать теологию (гуманистическую, атеистическую). Нам, напротив, люб холод этой системы и абсолютное отсутствие у нее красноречия: на языке у тела капитала в каком-то смысле только *ratio*, банкноты и счет, тавтология»⁷⁴.

Универсальная потребность порождает универсальный рынок, где она может быть удовлетворена. «Ничто производится их желанием, а не само производит желание. Эти интенсивности никоим образом не происходят от иллюзорной изменчивости вложений во вроде бы окружающий Ничто неподвижный круг; напротив, они могут породить его как центр механизма

⁷³ Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика / Пер. с фр. В. Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С. Л. Фокин. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. С. 151.

⁷⁴ Там же. С. 260-261.

заимообращения, называемого также собственным телом, «я», обществом, вселенной, капиталом, господом богом»⁷⁵.

Через объективацию универсальности «мирового рынка» экономика открывает «мировое сообщество». Понятие «мирового сообщества» лишь предполагает, мировую культуру, мировую политику и т.д., Однако эти предположения обосновываются и становятся «реальностью» в абстракции «мирового рынка», а потому нет достаточных оснований говорить о них вне экономического знания. В этом плане интересно, что международное право существует в виде международных договоров (конвенционализм), а, по сути, оно носит лишь формально-рекомендательный характер и не осуществляется на практике. Эти договоры соблюдаются по принципу рыночного обмена, который должен предполагать сотрудничество, совместную организацию международных мероприятий, в том числе военных. Однако в действительности он продиктован экономической политикой, выгодной для определенного государства, которое имеет властное единоличное выражение. Здесь государственно-политический суверен оборачивается экономическим единовластием. У. Бек в работе «Что такое глобализация?» подтверждает этот вывод: «Глобализмом я называю понимание того, мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измерению, которое мыслиться к тому же линейно, и обсуждает другие аспекты глобализации – экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, – если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка»⁷⁶. Таким образом, универсальность абсолютного знания полагает экономическую глобальность социального существования в мировом обществе. И тогда глобальное как универсальное и

⁷⁵ Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика... С. 31.

⁷⁶ Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 23.

стандиртизированное мировым рынком совместное мыслимое существование есть абсолютный глобально-экономический дискурс. Так пространственная разверстка экономики абсолютизировалась в масштабе всего мира.

Мировая тотальность экономического знания трансформируется в общий объяснительный принцип. Эта идея становится принципом понимания и существования мирового экономического сообщества, то есть идеологией. Господство экономики в качестве идеологии указывает на власть ее смысла в виде одной единственной абсолютной идеи. «Символические системы – средства познания и коммуникации – могут осуществлять свою структурирующую власть лишь потому, что они структурированы. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение, <...> предполагает то, что Дюркгейм называл логическим конформизмом <...> “социальную солидарность” на общности символической системы, является эксплицитное указание на социальную функцию (в структурно-функциональном смысле) символизма, истинно политическую функцию»⁷⁷. Экономика как идеология схлопывается с политикой. Они неразличимы, поскольку совпали в едином символическом, языковом порядке денег⁷⁸.

Учитывая постмодернистское отрицание классических идеологий, можно уточнить и назвать господство экономического дискурса пост-идеологией. Она оказывается состоянием «после» либерализма, социализма, фашизма и др. Экономическое знание объединило эти идеологии товарно-денежными отношениями и в этом смысле экономика стала метаидеологической структурой. Экономика оказалась в статусе «возвышенного объекта идеологии» (С. Жижек) как структуры «над», то есть стоящей в качестве абсолюта, а потому не нуждающейся в идеологии.

Универсальный язык денег нивелирует необходимость существования идеологий. Язык денег сам собой оказывается универсальной «над-» структурой,

⁷⁷ Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 89-90.

⁷⁸ Сюриса М. Деньги: Крушение политики. СПб.: Наука, 2001. 138 с.

как универсальным принципом понимания любых социальных действий и отношений. Поскольку все социальные отношения есть обменные структуры, которые производятся, то это позволяет экономике стать метаязыком. Любая идеология возвышает ее. Экономика в этом случае оказывается идеологией, но не в традиционном понимании, а в качестве социального языка. Поэтому социальное мышление сущностно характеризуется как экономическое.

Деньги вносят особую рациональность в социальный язык, предел которого обнаруживается в абсолютной логике. Язык идеологий предъявляет различную рациональность, которая предстает в полилогизме, то есть в относительной логике. Язык денег – это логика расчета. Он позволяет рассчитать мыследеятельность, и упорядочить ее социальный результат. Рассчитать и определить в экономическом языке – значит произвести социальное, сделать его определенным для действий и смысла/мышления.

Логика экономики, состоящая в структурах обмена и производства через конвенцию становится всеобщей логикой. «Даже если признать, что без постулата рациональности можно обойтись, его интуитивная привлекательность остается настолько сильной, что представители неонавстрийской экономической школы, такие как Лайонел Роббинс и Людвиг фон Мизес, рассматривали его как априорное утверждение, справедливость которого настолько очевидна, что для его немедленного признания оно должно быть лишь сформулировано. Это не означает, что они считали его аналитической тавтологией – каждый максимизирует полезность потому, что любой результат его выбора выражает полезность, которую он максимизирует, – но скорее кантовской синтетической априорной истиной, то есть утверждением об эмпирической реальности, которое тем не менее не может быть ложным в силу самого языка, или значения терминов, в данном случае термина целенаправленный выбор. Постулат рациональности и по сей день некоторыми рассматривается как эмпирически неопровержимый – не сам по себе и не в силу своих достоинств, но конвенционально»⁷⁹.

⁷⁹ Блауг М. Методология экономической науки... С. 350.

Поэтому можно было бы языки идеологий фашизма, социализма и либерализма свести к разного рода логикам, а именно к логике расы, классовой логике, логике социальной свободы, то есть их можно вписать в рамки существования полилогизма. Однако сама по себе экономическая мыследеятельность показывает полную несостоятельность полилогизма. Как выражается Л. фон Мизес: социалисты в своей экономической деятельности пользуются естественнонаучными законами открытыми буржуазными учеными, так и фашисты пользуются универсальными законами открытыми евреями⁸⁰. В этом плане, узнается не только экономическая мера мыследеятельности, но и возможность существования «правильной» только одной логики. Эта одна универсальная логика осуществляется и проявляется в мышлении и определяется как экономическая логика. Поэтому экономическая теория противостоит различному полилогизму, и подразумевает одну единственную логику – логику экономики. Полилогизм заменяется абсолютной логикой экономики. Она есть абсолютная связность, продиктованная обменом, производством, и выписанная деньгами. Таким образом, эпистемологическое отношение между полилогизмом социального конструирования (а также, получается, иррационализмом как многовариантностью *ratio*) и экономической теорией вновь показывает «одно», которое фиксирует единый социальный смысл.

Экономическое знание в виде абсолютной логики и представляет собой идеал или высшую ценность. Она оказывается общечеловеческой ценностью. Так ценностный аспект протягивается через один универсальный принцип создания общества. Именно поэтому Р. Хендерсон в работе «Капитализм в огне»⁸¹, заявляет о необходимости следовать ценностному общечеловеческому ориентиру, с целью сохранения общества как экономического целого. Автор пытается переосмыслить капиталистический принцип максимизации прибыли. В «огне» капитализм оказывается постольку, поскольку следование

⁸⁰ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность... С. 73-78.

⁸¹ Хендерсон Р. Капитализм в огне. Как сделать эффективную экономическую систему человеческой / Пер. с англ. В. Горохова. М.: БФ «Нужна помощь», 2021. 360 с.

экономической максиме ставится под сомнение. Стоит подчеркнуть, что под сомнение ставится не сама максима ценности экономики, а лишь следование ей, то есть пути достижения сохранения социально-экономической целостности. Основной смысл книги, можно определить в следующих словах: «быть честным оказывается выгоднее». Честность как расчетливость скрепляет общество в единое целое. Р. Хендерсон доказывает на конкретных примерах рост прибыли предпринимателей, которые в последние два десятилетия сменили курс на общечеловеческую ценность. Например, компании Lipton⁸², Walmart⁸³, Nike⁸⁴ и др. Среди направлений такого мейнстрима, можно назвать заботу об экологии, борьбу с бедностью в неразвитых странах и т.д. Таким образом, «Капитализм в огне» служит примером того, что общество ориентируется на экономику, видит в ней «правильность» своего ценностно-производственного осуществления. Если К. Маркс в «Капитале» сводил общество к экономической действительности, то Р. Хендерсон в «Капитализме в огне» показывает капитализированное общество, внутренние потенции которого измеряются исключительно выгодой, реализующейся в одном дискурсе ценности.

Итак, экономическое мышление в состоянии абсолютного субъекта предстает как концепт «одно», через который сообщаются объективные смыслы экономики. Экономическое, в процессе самоопределения, обнаруживает себя как объективно существующее в абсолютных измерительных величинах – «знание», «истина», «идеология», «универсум», «глобализм», «ценность». Абсолютный субъект репрезентирует свою экономическую сущность в метафорах экономики, соединяя их смыслы в единое целое – «один» смысл. Экономика различает в себе субъективность в виде единого мышления, которое дискурсивно зафиксировано в объекты-метафоры.

Необходимое по своей сути самопознание экономики предстает в виде теоретизации, пределом которой является математизация экономической науки. «Многие экономисты рассматривают свою дисциплину как “разновидность

⁸² Хендерсон Р. Капитализм в огне... С. 70-75.

⁸³ Там же. С. 75-80.

⁸⁴ Там же. С. 89-91.

математической философии” (или, лучше сказать, “социальной математики”, то есть такой ветви математики, которая имеет дело с социальными проблемами, но подходит к ним сугубо формально). Здесь мы наблюдаем своеобразный формализм: совершенствование техники исследования как самоцель, ради самой техники»⁸⁵.

Для экономического абсолютного субъекта математика является инструментом, средством, с помощью которого возможно представить истинность. Экономика легитимируется в математически выверенных формулах, корреляциях, цифрах и т.д. Легитимировать – значит представить себя для самого себя, то есть для оправдания собственной абсолютности.

Математизация знания выводит экономику за пределы опыта, то есть позволяет ей конструировать/моделировать дискурсивную реальность социального, не отталкиваясь от эмпирической данности, а создавая ее. Здесь экономическое знание в виде математических моделей совершает попытку создания универсальной модели социального. Такой «уход экономики в математику» обрекает ее на постоянный поиск формализации конструкторов социальной жизни.

Формальная экономическая модель обнаруживается как шаблон, по которому происходит «вырезание» социального, то есть его производство: отделение сущностно-экономического от несущественно-лишнего (остаток). Внедрение экономической сущности и переписывание всего языком денег, выражаясь словами Дж. Ритцера, приводит к таким феноменам, как макдонализация общества⁸⁶. Тогда происходит моделирование социального по типу/форме «Макдональдса» не только в теоретическом плане построения истинного общественного порядка, но и в конкретной данности социального взаимодействия.

В результате сформировано общество, обозначенное Ж. Бодрийяром «обществом потребления», в котором идеологии потребляются как своего рода

⁸⁵ Блауг М. Методология экономической науки... С. 32.

⁸⁶ Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

продукт, произведенный для саморазличения «массы». Потребление является идеей, функционирующей по типу религии, где экономика оказывается абсолютным центром, вокруг которого возникает культ «невидимой руки» рынка (А. Смит), объединяющий «молчаливое большинство».

Это «неотрефлексируемый язык», когда все понимается и символизируется через него, тогда как сам язык остается данностью и универсальной мерой. Отсюда отправление повседневной жизни понимается через предельно рационализированное социальное действие как экономическое поведение⁸⁷.

Таким образом, экономика-как-абсолют различает себя в двух состояниях. Во-первых, экономика-как-экономика, где, с одной стороны, экономика есть экономический смысл, а с другой – научное экономическое знание. Во-вторых, экономика-как-социальное, где экономика – это реализованный экономический смысл в научном знании, через которое полагается социальное. Причем социальное понимается в данном случае как объективное состояние субъективного экономического смысла. Математика производит эту различенность между универсальностью, истинностью экономической модели и произведенной экономикой социальной жизнью. «В экономической теории методологические проблемы в принципе стоят острее, чем в других общественных науках, поскольку, благодаря использованию модели человека, максимизирующей целевую функцию, и связанного с ней математического аппарата, степень абстрагирования от реальности в ней намного выше, и теоретические модели могут развиваться до некоторой степени независимо от объясняемых и моделируемых явлений»⁸⁸. Создание математических экономических моделей продолжается потому, что еще не произведена та модель, которая бы полностью реализовала весь экономический смысловой потенциал в производстве социального. Поэтому постоянно производятся новые модели, то есть экономическое-как-социальное.

⁸⁷ Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992-1993) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.

⁸⁸ Блауг М. Методология экономической науки... С. 11.

Тогда возникает разрыв между теоретической универсальной математической моделью производства социального, с одной стороны, и попыткой осуществить эту модель – с другой. Это свидетельствует о том, что математическая экономическая модель должна воплощать совершенное социальное устройство, а ее реализация, напротив, каждый раз указывает на несовершенство.

В результате экономика-как-экономика (экономический дискурс) полностью замыкается на собственном легитимированном знании, и только в нем она является совершенством и абсолютом. «Несмотря на все удовольствие от абстрактной, математически сформулированной экономической теории, мы не можем не задумываться о том, как экономика функционирует на самом деле, и большая часть лемм строгой и чистой теории не утоляет нашей жажды понять, как связаны вещи друг с другом в мире экономики»⁸⁹. В этом своем положении она трансцендируется от экономики-как-социального, которое не укладывается в измерительные совершенные величины экономики-как-абсолюта. Получается, что полное тождество субъекта и объекта в экономике-как-абсолюта не происходит.

Так возникает разрыв между экономикой и социальным. Экономика-как-абсолют оказывается трансцендентной величиной. Она находится не «здесь», а «над», и стремится захватить социальное мышление, следовательно, определить мысль-в-действии в качестве нормативной функции, наподобие этики.

Несмотря на то, что экономика трансцендируется от социального, она пытается произвести его универсальную модель, воплотив абсолютную идею общественного благополучия, справедливого распределения благ, рационально упорядоченной жизнедеятельности, а значит, моральных ориентиров/ценностей совершенного социального устройства. Такой процесс становится кодировкой социального, осуществляясь посредством универсализации денежных знаков, когда они из «реальной абстракции» превращаются в математический знак

⁸⁹ Блауг М. Методология экономической науки... С. 33.

цифровой реальности⁹⁰, то есть функционируют в виде «идеолекта» (Р. Барт). Или, более точно, можно предложить понятие «цифро-лекта».

Абсолютная идея, выступающая в виде экономической морали, по мнению М. Вебера, изначально религиозна в своей манифестации. Именно религия позволяет экономике существовать в качестве трансцендентного абсолютного субъекта. «То, что живое существо, созданное по образу Божью, в конце концов оказывается неспособным к политике, но способным к экономике <...> в данной перспективе есть лишь логическое следствие экономической теологии»⁹¹. Как отмечает Дж. Агамбен, для М. Вебера перевод теологии (протестанская этика) в экономический аспект (дух капитализма) обозначается термином «секуляризация»⁹².

М. Вебер отмечает связь между экономически развитыми областями и вероисповеданием, как бы секуляризируя сакральное знание, делая его мирским и обыденным. По сути «секуляризация» есть объективация экономической теологии в структурах повседневности. Далее, через анализ пуританской доктрины, он показывает проявление этой структуры в виде конкретного экономического мышления в рамках здравого смысла.

Для интерпретации экономики как религии возможно использовать веберовские конструкты «понимающей социологии», неотделимые от его концепции. Действия агентов и их социальные практики, как считает М. Вебер, понимаются исходя из их целерациональности, которая выстраивается в качестве идеальных конструктов. Для выстраивания конструкта какого-либо социального мыслимого поведения, необходимым становится выявить цель как основание и причину этого конкретного действия. Понять поведение индивида – значит обнаружить цель и средства как внутреннюю логику его действий⁹³, то

⁹⁰ Шамшурин А. А. Обмен знаками в цифровой экономической реальности: деньги, баллы, криптовалюта // Материалы Международной научно-образовательной конференции «VIII Садыковские чтения. XXI век: вариативность человеческого» (Казань, 19-20 ноября 2021 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 2021. С. 224-231.

⁹¹ Агамбен Дж. К теологической генеалогии экономики и управления... С. 16.

⁹² Там же. С. 16.

⁹³ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 495.

есть мыследействий или саму дискурсивную основу. «Ибо если Бог, перст которого пуританин усматривает во всех обстоятельствах своей жизни, представляет кому-нибудь из своих избранников какой-либо шанс для извлечения прибыли, то он совершает это, руководствуясь вполне определенными намерениями <...> “Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным образом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того желает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть”»⁹⁴.

Экономическая целерациональность как социальное мыследействие оправдано религиозной этикой. В этом смысле получается, что экономические цели – труд, богатство, выгода и т.д. – это и есть то, что соединяет повседневный здравый смысл с божественным откровением. Осуществляется экономическая интерпретация (экзегеза) Писания, когда сама божья воля понимается как имеющая экономическую подоплеку. Эта интерпретация как разумность – божественный дух – должна быть реализована в человеческом действии. Тогда экономика-как-экономика, а следовательно, экономика-как-абсолют имеет разумно-духовное начало.

Производство социального, таким образом, заключается в самовоспроизводстве экономического дискурса. Значимость труда подтверждается тем, что он является смычкой, соединением обыденных рассуждений и божественного откровения. Иначе говоря, труд позволяет трансцендентному экономическому сообщаться с повседневной формой социального. Трансценденция возвышает экономику над социальным, даруя разумную упорядоченность социальному, и полагая себя как абсолютный

⁹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ.ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 62.

божественный разум. Это значит, что экономика есть мера, и, как мера, она есть Разум, относительно которого социальное существует или не существует. Любые проявления дискурса социального вне рационально-экономической перспективы просто невозможны в силу своей необоснованности и не легитимности. Без экономики они не оправданы и абсурдны.

Экономика в качестве трансцендентного субъекта стоит в позиции «внешнего наблюдателя», и, глядя со стороны, описывает общество в силу возможности видеть его вне него самого, в целом. Экономическое знание как абсолютное, то есть божественное, всеохватно по причине глобального мировидения социального. З. Бауман замечает эту мысль в следующей фразе: «наши действия могут иметь и зачастую имеют глобальные последствия; но нет – мы не обладаем возможностями планирования и осуществления действий глобального масштаба и не знаем, как приобрести такие возможности. “Глобализация” касается не того, что все мы или хотя бы наиболее изобретательные и предприимчивые из нас, хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит. Идея “глобализации” непосредственно указывает на “анонимные силы” фон Райта, действующие на огромной – туманной и слякотной, непроходимой и не поддающейся освоению – “ничейной земле”, простирающейся далеко за пределы способностей любого из нас к замыслу и действию»⁹⁵. Тем самым социальное предопределено экономической телеологией. И тогда само социально-рациональное мышледействие становится понятным и объяснимым, исходя из адекватности стоящей перед ним экономической цели.

Итак, можно констатировать, что смысл концепта «экономики-как-абсолюта» заключается в её самоопределении в качестве божества⁹⁶. Дж. Агамбен «экономики-как-бога» ставит на пьедестал всей современной философской рефлексии социального бытия, разворачивая ее в историческом дискурсе.

⁹⁵ Бауман З. Глобализация... С. 88-89.

⁹⁶ Агамбен Дж. К теологической генеалогии экономики и управления... С. 147.

Дж. Агамбен задает экономику через сравнение с политической теологией, раскрывающей устройство социального миропорядка и управления им. Здесь возможно выявить абсолютизированный экономический смысл в концепте тринитарной экономики. Абсолютность экономики понимается как ее божественная природа. Триада – бог-Отец, бог-Сын и бог-Дух Святой – раскрывается в этимологической перспективе термина «ойкономия», соответствующего «экономике» и обнаруженного в древнегреческих и ранних средневековых текстах.

В исследуемом тексте автором рассматривается смысловое расширение концепта «экономика». Он в своем изначальном смысле соответствует домоустройству; в широком понимании обозначает не только хозяйство, но и отношения между отцом и сыном, мужем и женой, членами семьи и рабами. Далее содержание концепта «ойкономии» смещается из частной домашней сферы на весь «полис». Экономика переносит свое значение на государство в целом, и понимается как «функциональная организация», «устройство», «порядок».

В раннехристианских текстах обозначение «ойкономии», или «домоустройства» («ойкос» – дом, «номос» – закон), охватывает уже весь мир как божественный дом. «Мироустройство», «управление» миром, «миродеятельность» – новые смыслы экономики. «Ойкономия» начинает выражать замысел божий, его тайну. Она располагает сущность деятельности мира, его порядок, и находит выражение в виде абсолютизации экономики.

В связи с этим Дж. Агамбен ставит вопрос о том, как сегодня понимать субъект экономического дискурса? И полагает, что в качестве субъекта экономики предстает суверен. В его фигуре соединяются право и политика. «Суверенный номос является принципом, который, соединяя право и насилие, делает невозможным их различие. В этом плане фрагмент Пиндара о *nomos basileus* содержит скрытую парадигму, которая предопределяет любые последующие определения суверенной власти: суверен является точкой неразличения насилия и права, границей, на которой насилие превращается в

право, а право обращается в насилие»⁹⁷. Следовательно, суверен – это субъект, обладающий безграничной властью.

Настоящим суверенитетом наделен Бог. Суверен же правит от имени Бога, порядка, или установленного богом типа демократии, что в сущности также указывает на отправление власти от Бога⁹⁸. Так как божественная воля в форме закона устанавливает миропорядок, то такое понимание «ойкономии» приобретает значение суверена, в котором сфера политики (управления) и права (закон) совпадают. Они становятся формами экономического в том смысле, что целью и, соответственно, пределом как политики, так и права является экономика. Тогда истинным сувереном как абсолютным властным субъектом является Бог. Он есть пограничная точка, автономное самополагающее существо. Получается, что экономика в точке абсолютного субъекта обнаруживает в себе смысл суверена.

Экономика как суверен соединяет в себе политику и право. Политика как управление/порядок пересекается с правом, понимаемым в виде слова (закон) в точке действия, интерпретируемого экономически. Порядок действует как слово закона в логике экономики, что значит он и есть действующая экономика. Следовательно, действующая экономика предполагает порядок, устанавливаемый словом. В этом смысле нет политического порядка в классическом смысле – управления ради достижения общей цели (Аристотель), поскольку он является как экономическое действие внутри экономического дискурса власти. Скорее это стихийность подчиненная принципу выгоды, управляемая рынком. В этой связи можно говорить, что международную политику, как и международное право в концепции Дж. Агамбена также можно обозначить в качестве экономического мыследействия, в котором они растворяются и, одновременно, находят свои пределы. Глобализм в виде деятельности транснационального капитала покончил с национальным суверенитетом государств. Ни в одном из них политика не может называться

⁹⁷ Агамбен Дж. *Nomosacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 45.

⁹⁸ Там же. С. 46.

суверенной, то есть независимой, поскольку каждое государство является частью мирового рынка, его локацией. Только экономика суверенна. «Традиционная политическая философия всегда сосредотачивала свое внимание на том, что Фуко называет универсалиями: закон, суверенитет, государство. Объектом политической философии всегда были эти общие понятия. Напротив, результаты моего исследования показывают, что настоящая проблема политики, подлинная тайна политики, ее тайный центр, сокровенная суть – это не суверенитет, а управление, не Бог, а ангел, не царь, а министр, не закон, а полиция; или, выражаясь точнее, это управленческая машина, которую конституируют эти два элемента»⁹⁹. В этой цитате Дж. Агамбен обращает внимание на тождество субъективного и объективного, выраженное в действии экономического слова. Универсалии оказываются лишь явленным следствием экономического действия, лежащего в их основании, без которого они невозможны и абстрактно-односторонни.

Так как суверен, по сути, означает смысл «бога», то суверенная, то есть абсолютная экономика является «богом», или воплощением экономического. Абсолютизация экономики достигает своих пределов и предстает в фигуре Бога. Можно сказать, что тогда экономика как абсолютный субъект (экономика-как-экономика) саморепрезентируется в триединстве. Экономика подобна в своем триединстве «богу», поскольку наполнена божественным смыслом.

Так как экономика есть «бог», то она полагает саму себя, то есть сама для себя является началом. Это значит, что экономика есть порядок, начало порядка и связь, делающая их единым целым. «Бог есть порядок не только потому, что он устраивает и упорядочивает сотворенный мир, но также – и прежде всего – потому, что *dispositio* имеет свой архетип в исхождении Сына от Отца, а Духа – от них обоих»¹⁰⁰. Экономика-как-Отец есть начало порядка, в котором свои основы находит экономика-как-Сын (то есть сам порядок/явление порядка). Экономика-как-Святой дух связывает их в единство. Таким образом, явление

⁹⁹ Агамбен Дж. Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности. Интервью с Джорджо Агамбеном // Логос. Т. 29. №1, 2019. С. 135.

¹⁰⁰ Агамбен Дж. Царство и Слава... С. 153.

божественного триединства в экономике раскрывается так – первое соответствует Слову, второе, собственно, – Порядку, а третье, тому, что объединяет Слово и Порядок, – Действию.

Триединство божье по сути раскрывает значения, через которые экономика саморефлексивно предъявляет себя. С точки зрения герменевтического подхода, «ойкономию» можно интерпретировать как «порядок», а так же, как «мироустройство», «управление», «деятельность» и т.д. «Божественная ойкономия и управление миром абсолютно друг с другом совпадают»¹⁰¹. Экономика, имеющая смысл «бога», есть начало, присутствующее в каждом моменте и месте. То есть она вездесуща во времени и пространстве, а потому располагается в исторических и социальных структурах. Время и пространство упорядочены экономическим действием. Сказано Слово и Слово это «экономика» – Порядок/Закон и Слово это у экономики. Поэтому экономика замыкается на самой себе и самоутверждается в процессе самоговорения. Слово есть цель жизни¹⁰². Как цель она есть смысл или сущность божественного миропорядка, соответствующего действию.

Необходимость действовать «во славу божью (экономики)» обнаруживается в настоящем времени в широком распространении слова «экономика». Подчеркивая подразумеваемый онтологический статус экономических действий, славословие полностью охватывает различные дискурсы социального. Бытие экономики разворачивается в ее царствовании и собственной славе через славословие – повторение и утверждение собственного имени.

Итак, смысл экономики в том, что она есть «бог». Теологические представления о Боге предъявляют его как бытие в целом. Поскольку Бог есть вечный, бесконечный и совершенный, постольку и экономика-как-бог абсолютна в этих смыслах. Она выписала себя теологическим языком, и, тем

¹⁰¹ Агамбен Дж. Царство и Слава... С. 153.

¹⁰² Там же. С. 16-17.

самым, конституировала свою божественную сущность, следовательно, экономика-как-бог есть бытие.

В современном статусе разворачивание интерпретаций концепта «экономики» осуществляется в плоскости социальной онтологии, ибо экономика-как-абсолют совпала с социальным. Проблема актуального осмысления человеческого бытия заключается в том, что его смысловое содержание полностью растворяется в экономическом дискурсе. Социальная онтология наполнена экономическим смыслом. Поэтому не дискурс сообщает свой экономический смысл, а экономика производит социальное как самоё себя. Тогда интерпретации смыслов бытия в социальной онтологии – это разговор в русле современной социальной философии, осмысляющей варианты самоопределения социального бытия.

Экономика выместила и полностью заменила социум. В фигуре Бога экономика-как-социальное растворилась в экономике-как-боге, которая самопредъявляется как вечная и бесконечная, а потому она самоопределяется через историю и социальные структуры. Таким образом, экономика-как-абсолют есть «бог», есть одно, есть слово – Экономика.

Экономика-как-абсолют есть тотальная самозамкнутая система, которая самоопределяется в-себе-и-для-себя. Так как экономика утверждает себя в качестве «бога», то ее определенностью оказывается выписывание всего мира языком денег, и выстраивание денежным расчетом универсальной экономической модели, которая является совершенным шаблоном или идеалом.

Вездесущность экономики указывает на то, что она есть «всё». Но тогда не представляется возможным ухватить абсолютный субъект экономики. Метафора «бога» для определения экономики показывает на ее статус, но не на ее пределы, внутри которых она существует и имеет смысловое содержание. Поэтому в своей определенности экономика понимает себя во всеохватности, что подразумевает такую универсальную модель, которая вбирает в себя всё многообразие мыследеятельности или, другими словами, «всё» предъявляет её субъективность. Шаблон и «всё» совпадают друг с другом по смыслу.

Тогда, можно сказать, что «всё» – это форма, которая задает языковые границы экономики. Поэтому её содержание, то есть её язык, универсализируясь, охватывает этот смысловой объем в рамках «всё». Универсальность языка экономики, как универсальная форма «всего», должна быть пустой, то есть иметь возможность вместить в себя «всё». Таким образом, с точки зрения универсальности её языка, можно говорить о её пустоте по содержанию, и о её тотальности по форме. Можно сказать, что в модели экономики как форме в виде содержания, вложена другая форма, её язык. Для различения «всего», как экономического внутри него, с помощью языка, формулируется «неэкономическое».

Иначе говоря, предполагается существование совершенного шаблона и его несовершенного содержания, которое продуцируется в экономической тотальности. Тем самым, от имеющегося экономического шаблона отбрасывается или вычитается всё неэкономическое. В абсолютной логике экономики возникает парадокс, заключающийся в том, что экономика в таком самоопределении производит неэкономическое, то есть совершенство производит «несовершенство».

Экономика-как-абсолют в этом парадоксе доводит свое существование до логического тупика, суть которого состоит в том, что экономика не может произвести то, чем она по сути не является, то есть «неэкономическое», «несовершенное». Но как языковая дискурсивная реальность она производит «неэкономическое» в качестве конструкта самоопределения, иначе говоря, полагает собственное бытие через самоотрицание к небытию-как-конструкции. Возникает ситуация раздвоения внутри бытия экономики-как-абсолюта. «Перед страхом небытия абсолют должен являться абсолютом своего собственного абсолютизма. Или, иначе: чтобы быть абсолютно одним, не достаточно того, чтобы я был один, необходимо еще, чтобы один я был абсолютно один. Эта формулировка содержит противоречия в самой себе. Логика абсолюта совершает насилие по отношению к самому абсолюту. Она включает его в отношения, от которых он отказывается и исключает их по своей сути. Эти отношения

насилуют и разрывают его одновременно изнутри и извне, представляя собой лишь препятствие невозможной внутрисложенности, этого вне отношений, в рамках которого желает себя конституировать абсолют»¹⁰³.

Получается, что экономика не может быть абсолютной. То, что представляется абсолютным есть особая самозамкнутость экономики, которая полагается в обмене в абстрактном плане универсальных форм языка. Такой способ самозамкнутости оказывается непродуктивным для самой экономики и представляется ее пределом, достигая который она обесмысливается.

Все формы абсолюта – это языковые абстрактные логические конструкты, стремящиеся охватить все, являясь для всего одним эквивалентом, мерой или критерием. В этом смысле содержание кладётся в виде формы и каждая следующая форма включает в себя последующую, создавая, тем самым, абстрактную абсолютность как самозамкнутость в виде универсальности, рациональности, расчетливости, истинности, здравости и т.д. Получается, что форма замкнулась на себе, представляя саму себя смысловым содержанием экономического дискурса. Но содержание оказывается той же формой, положенной в качестве содержимого в другую форму.

Абсолютный смысл уже утерян. Современная вездесущность экономики есть смысловая пустота в её неразличимой самозамкнутости. В самозамкнутости нет возможности ухватить и зафиксировано определить субъективную смысловую положенность экономики, поэтому необходимо задать различенность внутри нее.

По причине того, что экономика в своем языке необходимо конструирует для самоопределения «неэкономическое», которое выходит за пределы экономического шаблона или формы, то она не может быть тотальной и универсальной в своём существовании. Ее тотальность возможна как абстрактная и универсальная. Выделение «неэкономического», путем отрицания себя – это шаг внутрь в процессе самопознания. Противопоставление себя

¹⁰³ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2011. С. 28.

«экономического» другому «неэкономическому» есть рефлексия, то есть отображение и, одновременно, неузнавание себя в другом. Так как внутри экономика различает «неэкономическое несовершенство» относительно «экономического совершенства», то, следовательно, она не самодостаточна, не самоосновна, а значит не абсолютна.

Неузнавание себя как совершенного в несовершенном и соответствующее этому различие между одним и другим указывает на потерю смыслового содержания экономики. Иначе говоря, экономический обмен и денежный расчет имеет экономическое формальное содержание, и в процессе своего осуществления приобретает универсальную языковую пустоту. Тогда экономика представляется связностью пустых форм в Универсуме. Когда деньги производят деньги, в экономике не остается ничего, кроме бессмысленного приумножения «пустых», но как бы «совершенных» форм. Финансовые и банковские продукты есть проявление экономической самозамкнутости в самодвижении универсального обмена. Последнее приводит к исчерпанности форм как бессмысленности формального содержания. Очевидно, что необходимо возвращать содержание экономики для дальнейшего разворачивания её существования.

Таким образом, содержательное возобновление экономики возможно положить либо «новой» формой, либо смыслом, что соответствует формальному и смысловому содержанию экономики.

Создание новых форм требует их изготовления относительно «неэкономического», но оно не может ничего произвести, поскольку не является экономическим. Невозможно из «ничего» произвести «всё», то есть из «неэкономического» – «экономическое». Сталкиваясь с невозможностью восполнения собственного содержания, экономика обнаруживает себя в состоянии кризиса. Кризис манифестирует разомкнутость объективно истинного существования абсолютного, то есть в нем происходит кризисная субъективация абсолютно объективного состояния экономики.

Таким образом, кризис – это состояние экономики, при котором она размыкает свою самозамкнутость, то есть отсутствие присутствия абсолютности (Н. Кузанский). Кризисное состояние есть состояние разомкнутости. Последнее является пределом абсолютности экономики. Одно перетекает в другое: абсолютизация неизбежно ведет экономику к кризису. В этом плане кризис есть присутствие отсутствия абсолютности.

Возникает необходимое кризисное состояние, подразумевающее потерю смысла, цели экономики и, одновременно, их поиск. Получается, что кризис есть не разрушение экономического смысла в неэкономическом, а точка необходимого самопроизводства экономики.

Непродуктивность кризиса могла бы быть обнаружена как исчезновение или смерть экономики в неэкономическом, но «смерть бога» не состоялась. Кризис – это состояние, в котором экономика воскрешает саму себя в желании вернуть себе свою собственную абсолютность, как самодостаточность и самозамкнутость. Отсюда следует, что существование в кризисе и его разрешение всегда оказывается продуктивным путем ее бытия. Так получается, что, разорвав самозамкнутость, которая предьявляла кажущуюся божественность, обнаруживается «новая» точка состояния экономики.

Самая очевидная эмпирическая черта экономических кризисов – это нарушение равновесия и в то же время увеличение числа банкротств, забастовок, суицидов внутри экономики¹⁰⁴. С.А. Пономарёва считает, что в современной социальной философии для определения «кризиса» и его проявления в разных аспектах применяется метод интерпретации: «...кризис как необходимый элемент развития системы (общество, человек) – это некий переход из одного состояния, характеризующегося как нестабильное, неравновесное, в иное качественное состояние, стабильное, обеспечивая развитие через нестабильность»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Рикер П. Кризис: специфическое современное явление? // Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 117.

¹⁰⁵ Пономарева С. А. Кризис как предмет социально-философского анализа // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 3-4, 2010. С. 31.

Можно обозначить два состояния экономической экономики/экономики-как-экономики/экономики-как-абсолюта: абсолютное и кризисное. Тогда реформация – ее самодвижение – располагается между абсолютным и кризисным состояниями как двумя пределами, в которых она себя реализует. Это постоянное движение от одного к другому, то есть от равновесности к ее потере и обратно.

В традиционном рассмотрении экономический кризис понимается как часть экономического цикла, который состоит из следующего: пик или взлет, спад или кризис, депрессия или нижняя точка спада (кризиса) и оживление. Экономических циклов выведено множество. Например, цикл Китчина 3-4 года, цикл Жюгляра 7-11 лет, цикл Кузнеца 15-25 лет, цикл Кондратьева 45-60 лет, выделяют также 100-летние циклы, 1000-летние и др. Такое многообразие конструкторов «кризиса» свидетельствует о том, что кризис не поддается одной какой-либо математической модели. То есть кризис и тут противостоит абсолютности в виде универсальности.

Для того чтобы не ограничиваться одним каким-либо кризисом и не абстрагироваться от других взаимосвязей, П. Рикер пишет, что понятие «экономический кризис» лучше использовать во множественном числе – кризисы¹⁰⁶. В «Экономике» К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю предлагают в качестве метафоры рассматривать кризисы не как часть циклов, то есть не циклически, а как колебания с определенной частотой. Тем самым, указывая на нерегулярность колебаний в отличие от предполагаемой регулярности цикла¹⁰⁷. Из сведения одного «кризиса» к множеству «кризисов», а цикличность к колебаниям возникает ситуация, в которой обнаруживается, что возможно говорить о перманентном кризисе («перманентный» в смысле «остающийся, продолжающийся»). Тогда «кризисы» являются как бы «естественным» состоянием экономической экономики, из которого она осмысляет себя, устанавливает сама себе цель своего существования. Таким образом, кризис

¹⁰⁶ Рикер П. Кризис: специфическое современное явление?... С. 117.

¹⁰⁷ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономика: Принципы, проблемы и политика. Т. 1. В 2 т. / Пер. с англ. 11-го изд. М.: Республика, 1992. С. 154.

является перманентным, а значит абсолютным состоянием экономической экономики. В таком аспекте кризис вновь замыкает экономику в собственном воспроизводстве.

Абсолютность различает себя относительно кризисного. Абсолютное есть «другое» для кризисного и наоборот. Отображение одного в другом есть саморефлексия.

Поскольку абсолютность представляет собой совершенную тотальность и заполненность, то кризис является «пустым». Здесь «пустота» есть чистая возможность. В движении от кризиса к «абсолюту» пустота начинает наполняться формами, то есть абстрактные экономические формы обрамляют пустоту.

Необходимый перманентный кризис делает необходимым производство содержания, в том числе «формального», в виде тиражирования пустых форм. В этом состоит самовоспроизводство экономической экономики. Поэтому кризис есть субъективное производящее начало экономики. Тогда кризис подразумевает чистую возможность/потенцию абсолютного. И, наоборот, абсолютное как объективное предьявляет собой разрыв, нехватку смыслов и, следовательно, необходимость кризиса.

Поскольку абсолютное и кризисное являются предельными состояниями, то экономика в своей целостности раскрывается в точке тождества субъекта и объекта, то есть в стремлении и движении от одного к другому.

Объективация как движение от кризиса в сторону абсолютного состояния есть абсолютизация экономики – осуществление ее абстрактных логических форм, математических моделей, рациональной расчетливости, прагматизма, рынка, денег, потребления, стартапов, проектов и т.д. Субъективация как движение экономики к разрыву и кризису от абсолюта представляет собой осмысление экономической объективации и начало нового витка абсолютизации новых логических форм, в общем языка экономики.

Получается, что кризис – это зачаток, точка, из которой экономика рационализируется, универсализируется и т.д. Он является субъективным

состоянием экономики, благодаря ему она оборачивается к себе и вновь производит себя в качестве субъекта и объекта, что, напротив, невозможно в состоянии неразличенной абсолютности, самозамкнутости.

Так как экономическая экономика есть точка тождества кризиса как субъективного и абсолютности как объективного состояния, то она одновременно находится в кризисе и в абсолюте.

Обоснованность экономики в субъективном состоянии кризиса открывает многовариантность развития экономики. В нем находится потенция экономического роста. Потенциальность роста неопределена – чиста для реализации, тогда как сам рост есть процесс определяния. То есть рост экономики есть ее одновременное нахождение в кризисе и абсолютности, а значит в движении от одного к другому.

Получается, что экономический рост есть, на самом деле, производство, в котором кризис объективируется в абсолютном, и абсолютное субъективируется в кризисном. Тогда смысл бесконечного роста заключается в перманентном кризисном состоянии и абсолютизации экономики. Соответственно, так как рост наблюдается через динамику и сравнение многочисленных показателей экономики друг с другом, то отсутствие их роста, то есть стагнация, раскрывает кризисную ситуацию, которая и подразумевает необходимое требование увеличивать мощности в тех областях экономики, где возникает спад.

Экономика из точки «кризиса», предьявляет формирование собственного содержания в виде расчета, моделирования, статистики и т.д. Это содержание буквально состоит из ее саморепрезентирующих абсолютизирующихся показателей либо как материально-производственные, характерные для плановой экономической модели, либо в виде количественно-рыночных типа ВВП, ВНП, сальдо, инфляция, дефляция и т.д.

Формы различаются друг от друга в этой формальности содержимого. Примером этого движения является кризисное функционирование валютного рынка, где денежные единицы разных стран как чистые формы способны обмениваться между собой. Этот рыночный процесс позволяет экономике

сохранить собственный порядок, путем разделения и распределения. В бесконечном разделении на формальные знаки субъект экономики растворяется.

Получается, что экономический «абсолют» обнаруживает себя в различности экономического и не-экономического, то есть в кризисе, тем самым отображает кризис в абсолютном. И, наоборот, можно утверждать, что перманентный кризис также носит абсолютный характер. Кризис как субъективное состояние экономики, а абсолютность как объективное, взаимодействуя, представляют собой самополагающую экономику.

Итак, субъект экономической экономики достигает пределов в концепте «бога» как своей абсолютности. Так возникает ситуация отсутствия экономической рефлексии, а, следовательно, отсутствие смысла. Бессмыслица рождает потребность в смысле. Нехватка в нем приводит экономику к необходимости обращения к не-экономическому, а значит к разрыву своей самозамкнутости.

Потерянная абсолютность экономического смысла приобретает своего двойника в виде кризиса. Иначе говоря, отсутствие абсолютности как самодостаточности предполагает свою недостаточность, свою зависимость и относительность, следовательно, не необходимость, а лишь возможность своего существования. Остро возникает вопрос о надобности конкретной экономической модели, а, значит, об экономике в целом, которая как бы утрачивает свой рациональный заряд, то есть сама становится остатком. В состоянии потери или отсутствия смысла дальнейшей экономической абсолютности приводит к кризису как к той точке, которая позволит осмыслить экономику.

Кризисное состояние экономики оказывается точкой субъективного основания социальной реальности, которая совпала в производстве с экономической реальностью. Соответственно, экономический кризис распространяется на все социальное.

Поскольку кризис охватывает все социальное, то бессмыслица экономики сразу же приобретает смысл потребности в обращении к экономике. Иначе говоря, кризис (именно как экономический) полагает и задает смысл во вроде бы

кажущемся бессмысленном экономическом росте. Этот рост в своем чисто формальном характере есть содержание и существо экономики.

Получается, что через точку «кризиса» экономика задает движение внутрь себя. Настоящее существо экономики находится в тождестве абсолютного, как объективного, и кризисного, как субъективного, ее состояний.

2. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В СО-БЫТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

2.1. Выход из дискурса кризиса самозамкнутой экономики в трансформационную структуру социального мышления

Экономика существует в самодвижении от состояния разомкнутости к абсолютной замкнутости, самоопределяясь в виде тотального кризиса, который распространяет бессмысленную «пустоту» на социальное мышление и научное знание.

С целью обнаружения собственных границ и попытки выхода из самозамкнутой бессмысленности, экономика вынужденно задает произведенное «социальное» как свою противоположность. При этом само «социальное» мыслится внутрисложенным экономики. Социального как бы нет, поскольку его наличие «вне» подрывало бы завершенность абсолюта, который в своей безусловности должен полагаться как один и единый.

Универсализация абсолютного преобразует социальное в произведенное «социальное», противопоставленное экономике и, поэтому, негативное, то есть в пустое и формальное. Возникает знак или словоформа как, например, стартап, проект и другие оформленные экономическими рамками социальные отношения. Становится понятно, что экономика конструирует свое «экономическое социальное» для того, чтобы произвести содержание, обосновать наличие себя и производства. Но такая суть оказывается формальной, а экономическое – бессмысленной формой.

Произведенное экономикой социальное не имеет своего собственного содержания. Вместо него положены экономические формы. Таким образом,

экономическая наука заменяет социальное воспроизводством собственных форм.

В качестве оснований воспроизводства форм лежит потребность в самовоспроизводстве экономического. Производство основывается на потребности (Г. Маркузе). Если продукт производства не потребляется или не используется, то нет и необходимости в его наличии, а, соответственно, нет оснований для самого производства. Поэтому отсутствие потребности в продукте производства, то есть экономическом, актуализирует отсутствие самого производства. Но и наоборот: не будучи реализованной в потреблении конечных произведенных продуктов, потребность в отсутствии производства перестает существовать.

Потребностей как экономической данности нет. Они начинают создаваться искусственно. Г. Маркузе пишет, что «такие потребности имеют общественное содержание и функции и определяются внешними силами, контроль над которыми индивиду недоступен; при этом развитие и способы удовлетворения этих потребностей гетерономны. Независимо от того, насколько воспроизводство и усиление таких потребностей условиями существования индивида способствует их присвоению последним, независимо от того, насколько он отождествляет себя с ними и находит себя в их удовлетворении, они остаются тем, чем были с самого начала, – продуктами общества, господствующие интересы которого требуют репрессии. Преобладание репрессивных потребностей – свершившийся факт, принятый в неведении и отчаянии; но это факт, с которым нельзя мириться...»¹⁰⁸. Общество, о котором говорит Г. Маркузе, есть воспроизводимое экономикой «социальное». Наличие гетерономных потребностей указывает на господствующий характер экономического абсолюта.

Производство потребностей ради самого производства – суть самозамкнутости экономики. Потребность в производстве «пустых» форм задает экономику к существованию, в котором воспроизводство есть производство

¹⁰⁸ Маркузе Г. Одномерный человек... С. 22-23.

«производства». Тогда обоснование экономического проекта или предпринимательского стартапа связано не столько со смыслом, сколько с выписыванием потребности. Стартап тем лучше, чем более убедительно в нем конструируется потребность, запускающая экономический круг воспроизводства.

Таким образом, в стартапах и проектах воссоздается «социальное» взаимодействие. Оно предстает произведенной формой и является не более, чем экономически обоснованным расчетом социального. В этом экономическом воспроизводстве «социального» репрезентируется модель самореференции экономики: производство – потребность – производство. «Социальное» становится постоянно возобновляющимся способом/средством метаморфозы экономических форм.

Самовоспроизводство экономики есть аутопойезис, *autopoiesis*, производства. Абсолютная экономика имеет вид самодвижения, в котором реализуется ее потребность во всеохватном и всепроникающем капитале. Кризис продлевает «жизнь» экономики, разрастается, поглощая социальное как неэкономическое, и становится всеобъемлющим. Он оказывается последней потребностью, через которую экономика самовоспроизводится. Кризис как потребность в экономической тотальности – это мнимость, в которой только и есть «абсолютность» экономики. Создавая кризис, воссоздается экономика. Поэтому основания любых преобразований следует искать именно в способах «выхода» из кризиса. «Выход из» кризиса одновременно есть «вход в» новую измененную экономику. Это мнимость не только самодостаточности экономики, но и эфемерность движения, развития общества.

В этом самодвижении происходит ре-форма-ция экономической дискурсивной реальности. Прежняя уже выхолощенная, сухая и невыразительная, лишенная «живого» содержания экономическая форма «выходит из» состояния кризиса и «входит в» новую измененную модель. Данное преобразование ведет к реконструкции развития экономики из точки кризиса. Соответственно этому, выходы из кризиса возможно определить как

непродуктивные и продуктивные. Непродуктивными можно назвать такие способы его разрешения, которые ведут лишь к умножению пустых форм. Они характеризуются формальностью содержания и отсутствием смысловой «новизны». Тогда продуктивными мерами «выхода из» кризиса называются те, которые обнаруживают смысловое содержание как ресурсность, или мыслительную потенциальность.

Поскольку центральным моментом кризиса является его исток, который обнаруживается в самопознании экономики, то движение как «выход из» кризиса к абсолютизации возобновляет производство абстрактных форм. Насыщая своё пространство конструкциями, экономика самоопределяется в «новых» дискурсивных формах, преобразуя свою реальность. Она разворачивается в качестве таких производных, в которых, в соответствии с гипотезой эффективного рынка¹⁰⁹, прогноз и прогнозируемое, абстрактная теория и конкретная практика совпадают друг с другом. Другими словами, экономика задает данность. Предельной данностью является потребность в воспроизводстве самой экономики через возобновляющийся экономический кризис.

Разделение труда, региональная специализация и дифференциация мирового рынка, необходимость конкуренции и распределение агентов на рынке – все это, прежде всего, абстрактные фигуры речи, степень различности которых говорит о развитии экономического самоопределения: чем больше форм, тем более развита экономика в плане ее самополагания. Такие экономические форматы как проекты, стартапы, коучинги, хакатоны и т.д. указывают на репродуктивную социальную опустошенность. В любом проекте оказывается необходимым обосновывать актуальность, которая является формированием потребности и подтверждением легитимного статуса экономического в производстве «социального» как не-экономического.

В итоге экономические формы актуализируются негативными определениями. Для того, чтобы возникла потребность, необходимо обнаружить

¹⁰⁹ Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 64.

нужду как лишённость. Потребность как форма создается на основе отсутствия, поэтому как первое, так и второе плодят бессмысленные формы, то есть расширяют пустоту экономического пространства.

Абсолютизация экономики в виде разделения ее тотальности на множество форм обозначается непродуктивным развитием кризиса, что подтверждается в работе «Как делаются деньги?» У. Бьерга¹¹⁰. Он перекладывает понятия «разделение» и «соединение» на известные категории И. Канта – аналитические и синтетические суждения. «Вновь мы, похоже, имеем дело с ключевым кантианским различием между аналитическими и синтетическими суждениями. Грубо говоря, аналитическое суждение проясняет значение концепта. Когда я говорю “золото – желтое”, предикат “желтое” уже учтен в определяющих характеристиках субъекта “золото”. Суждение всего лишь утверждает этот смысл»¹¹¹. То есть в аналитическом суждении происходит разделение субъекта, он объективируется в определениях, что ведет к дальнейшему его растворению в объективных формальных структурах как предикатах. Кризис абсолютизируется логическими формами, с помощью которых осуществляется попытка выхода из него. Экономика не обнаруживает смыслов, а лишь усугубляет свое бытие в формальности содержания. В итоге это ведет к тому, что субъект делится до предельной абстрактно-формальной всеобщности и исчезает. Тогда экономика возвращается в предыдущее кризисное состояние, которое приводит не к развитию «социального», а к постоянному возобновлению этой ее ипостаси в заикленном скольжении пустых форм.

Заполнение формальным содержанием свидетельствует о стагнации экономики, об отсутствии ее развития в смысловом содержательном аспекте. Экономика стремится вернуть себе абсолютность, но это не позволяет ей развиваться. Из такой самореференции экономики следует, что общественного прогресса как экономического роста нет. Это еще одна эфемерность самозамкнутости.

¹¹⁰ Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 312 с.

¹¹¹ Там же. С. 65.

Напротив, «синтетические суждения, в свою очередь, идут дальше определяющих характеристик концепта. Когда я говорю, “золото иногда используется как деньги”, этот предикат не учтен в понятии “золото”. Если утверждение верно, оно содержит новое знание»¹¹². Из этого следует, что продуктивное развитие кризиса обращено к нахождению «нового» содержания в неэкономическом, к тому, что «не учтено» в концепте «экономика». Здесь запускается «механизм» поиска смысла в несовершенном остатке, который в итоге оказывается большим, нежели само экономическое. Иначе говоря, экономика ищет логические «выходы из» произведенного ей кризиса «в» конструкциях, концепциях, моделях.

Соответственно предложенному У. Бьергом варианту, можно выделить два состояния экономики: разделённость и связность. «Выход из» кризиса означает попытку экономики связать разделённостью саму себя. В этом аспекте глобализм основывается на принципе «разделяй и властвуй». Когда Соединенные Штаты Америки пришли в Китай, разделенный на экономические зоны между Россией, Англией, Германией, они предложили доктрину «открытых дверей», то есть новый экономический проект, заключающийся в стирании зон влияния. Все страны стали связаны, и американские товары как более дешевые сразу заполнили китайский рынок, вытеснив европейские. Это стало возможным именно потому, что границы, определяющие зоны влияния, были и остаются формальными, то есть языковыми конструктами/константами.

Точно также экономическая логика навязывает социальному мышлению разделение, доводя его до индивидуального состояния через указание на потребность в этой атомизированной специфической явленности мыслительного процесса¹¹³.

Одновременно, связность между индивидами устанавливается через универсальное потребительское поведение как реализацию конкретной потребности. Тогда экономика связывает разделённых индивидов логически

¹¹² Бьерг У. Как делаются деньги?... С. 65.

¹¹³ Шамшурин А. А. Экономические смыслы социального: между культурой и индустрией // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. №5. С. 24-35.

обоснованной рациональностью, имеющей целью личную выгоду. Богатство связывает тотальностью денег, разделяясь по карманам каждого в отдельности. Дж. Гольдштейн указывает, что деньги манифестируют связность разделённостью¹¹⁴. Денежные монеты из золота и серебра – редких драгоценных металлов, – представляющие собой ценное имущество государства, поделены между его гражданами, а потому рассеяны между ними до их исчезновения. Оказывается, что можно быть бедным в богатстве. Когда появляются денежные знаки, то их распространение не зависит от редкости. Каждый в отдельности обогащается бумагой как символической формой денег. Но такое богатство отсылает уже к пустым деньгам – знакам металлических монет. Деньги делают деньги – это самозамкнутость экономики: связность разделённости в абсолютности кризисного. Таким образом, в точке «выхода-входа» произошло соединение аналитического и синтетического, разделённости и связности, которое обернулось тотальностью экономического глобализма и, одновременно, полной исчерпанностью формального содержания в предельно универсальных денежных знаках.

Возвратность состояния в точку «кризиса», позволяет экономическому обнаружить свое не-абсолютное присутствие в сфере знания и вновь начать попытку содержательного наполнения. Экономика «выходит из» себя и «входит в» другое знание с целью вернуть себе полноценность бытия. Это означает, что экономика через предикативное определение научными концепциями осуществляет попытку найти собственную смысло-содержательность.

Экономика обращается к науке в попытке вернуть себе осмысленность. Обладая лишь формами, она накладывает себя и соединяется с разными научными дисциплинами, пытаясь присвоить себе их содержание. Но это оборачивается тем, что ни один эрзац не состоятелен, не способен восполнить экономическое, поскольку им не является. В результате это приводит к эксцизии, то есть усечению научных смыслов, которые не вписываются в экономический

¹¹⁴ Гольдштейн Дж. Деньги: увлекательная история самого почитаемого и проклинаемого изобретения человечества / Пер. с англ. Т. Кудашевой. М.: Эксмо, 2020. С. 85-86.

формат. При этом изъятое научное знание рассматривается с точки зрения экономической актуальности. Наука вынужденно перекраивает свою суть, доказывая экономическую цель своего рамочного существования. Она обнаруживает и легитимирует себя в условиях рынка в виде абстрактных форм. Рыночный формат диктует не высшее образование, а образовательную услугу, не научные инновации, а наукометрию как рентабельность и т.д.

Происходит экономизация научного знания и его институций, что наукообразно определяет экономическое. В этом плане любая её деятельность становится научно-экономической. Экономика научно обосновывает свое существование в каждой точке пространства и времени «социального». Одновременно, науки, попадая в состояние экономической зависимости, разрушаются. Они оказываются не самодостаточными. Реализация «социального» требует продолжения их существования, для этого им необходима экономическая легитимация. Знание нужно постольку, поскольку с помощью него происходит объективация экономики в структурах утилитарности науки (конвенционализм и прагматизм). Именно поэтому мейнстримом становятся естественнонаучные и технические дисциплины (они более ликвидны). Эти отдельные предметные области научного знания предъявляют себя в строго организованных генерированных номотетических формах. В результате экономика начинает репрезентировать свое знание в объективно-истинных законах, подтверждая ими якобы естественность своего существования. «Естественность» экономики обеспечивается воспроизводством естественнонаучного знания.

Экономика, обогатившаяся «знанием», предъявляет себя в «когнитивном капитале» (А. Горц). Итогом охвата, объятия и обобщения всем научным арсеналом того, что произведено, становится понятие «общество». Возвращаясь к самовоспроизводству, она необходимо создает потребность в себе в виде общества знания. Так когнитивный капитал производит «общество знания». Здесь знание становится основным фактором производства капитала. «В современном капитализме знание превратилось в производственный фактор,

столь же необходимый, как труд и капитал. Точнее, в фактор промежуточный. В этом отношении напоминая машину, знание накапливает в себе стоимость труда (и других производственных факторов), необходимых для его производства. Затем знание в свою очередь вступает в производство, управляя машинами, руководя процессами, производя пользу для потребителя. В производственном цикле промышленного капитализма труд порождает знание, а знание в свою очередь порождает стоимость. Поэтому, чтобы прирастать, капиталу нужно (согласно марксистской терминологии) “подчинять” не только “живой труд”, но и знание, которое он порождает и которое вбрасывает в цикл»¹¹⁵. Знание кладется в основу производства. Оно как бесценное создает ценность, как не имеющее меновой стоимости полагает обмен. Социальный характер знания как бы выхолащивается экономикой и заменяется на экономическое обоснование капитала. Больше нет образования ради передачи научного знания, но теперь существует образование как подготовка кадров для цифровой экономики. Знание – представленное как эпистема, недостижимая истина Платона, вдруг оборачивается контролем над природой, техникой и человеком. В цикле естественнонаучных и технических дисциплин оно приобретает экономически обоснованный властный характер (М. Фуко).

Перекокс в сторону промышленной ориентированности и прибыльности снижает значение социально-гуманитарного знания, которое оказывается «не-экономическим» остатком, но именно оно и является богатством мышления и главным субъективным ресурсом социальной дискурсивной реальности. Возникает усечённость научного знания, то есть отсекается субъективно-производящая, а значит, смыслообразующая гуманитарная его часть, которая обеспечивает целостность познавательных структур. Итог эксцизии – обесмысливание и опустошение научного знания, которое вырождается в инструментальном оперативном воспроизводстве.

Поскольку сама наука не может задать свою полноценность, постольку экономика начинает сопрягать ее в единое целое, путем монетизации процесса

¹¹⁵ Рулани Э. Когнитивный капитализм: *déjàvu?* // Логос. №4 (61). 2007. С. 65.

научного исследования, сохранения знания и его передачи в образовательных структурах. «Необходимо учесть такую особенность, которая проявляется только при внутрисистемных структурных сопряжениях. Если во внешних отношениях особых операций для сопряжения не имеется (иными словами, не существует системы сопряжения, которая могла бы реализовать собственный тип операции и тем самым – собственный аутопойезис), то во внутренних отношениях все обстоит иначе. Здесь, в случае с общественной системой, коммуникация используется для осуществления системных сопряжений. Структурное сопряжение дополняется сопряжением оперативным»¹¹⁶. Таким образом, экономика сопрягается через универсальный язык денег с наукой и образованием. Экономические оперативные сопряжения приводят к производству «социальных» взаимодействий в виде конкретного научно-коммуникативного денежного обмена. Монетарная система экономики получает реализацию в социально-научных действиях/операциях.

Являясь денежной мерой науки, экономика предстает критерием знания. Она определяется в концептах исторического, политического, психологического, естественнонаучного и иного знания как научного знания в целом. Однако экономика не обладает политическим, психологическим и другими знаниями: «Не существует отношения эквивалентности между формами знаний и содержанием знаний: одно знание невозможно поменять на другое. Каждое из них может считаться ни с чем не сопоставимой уникальной ценностью»¹¹⁷. Иное знание не может полагаться в качестве аналитических суждений, но содержательно экономика переписывает когнитивную действительность, как бы натурализирует предметное поле науки сквозь собственные самодостаточные структуры данности. Получается, что она претендует на статус абсолютного знания, но предметом знания в экономике остается сама экономика, то есть ее логические формы. Она не может выразить свою сущность на всех языках одновременно.

¹¹⁶ Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн. 5: Самоописания / Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос». 2011. С. 204.

¹¹⁷ Горц А. Нематериальное... С. 14.

Поэтому экономика задает деньги в качестве универсального языка социального существования. Язык денег требует включения научного знания в концептуально-логические формы дискурса экономики. Тогда понятийный аппарат как языковая структура конкретной науки распадается, что приводит ее в состояние кризиса. Наука больше не производит знание, она начинает пульсировать вместе с экономикой, попадая в циклическую замкнутость абсолютного кризиса.

Экономика в попытке наполнения своего содержания научными определениями и «выхода из» кризиса, вводит в кризис как науку, так и все, к чему прикасается. Научное знание «входит в» кризисное состояние. Оно не только не развивается, но и оказывается лишённым своей смыслоположенности.

«Экономика» протягивается через «знание». Научное знание становится экономическим действием, которое внутри экономики понимается как человеческое действие. В основании как знания, так и человеческого действия, экономика обнаруживает деятельность и вкладывает ее в свою форму. «Некоторые экономисты (наиболее типичен среди них Хайек), когда они желают исследовать основания человеческого действия, его пружины, ищут их в сфере общей психологии, а не дифференциальной социологии: движущие причины действия – это вопрос психологии, а не социологии и даже не экономики. Например, эти люди исключают любое форматирование индивидуальных предпочтений социальным или историческим миром. В знаменитой идеально-типической статье Беккера и Стиглера *De gustibus non est disputandum* утверждается, что индивидуальная функция полезности, связанная с каждым индивидом, вообще не меняется: о ней нет смысла рассуждать, она не изменяется со временем, вкусы являются неизменными и неподвижными. Это абсолютное отрицание многообразия вкусов, совершенно категоричное, если сопоставить его с многообразием социальных условий форматирования вкусов. Понятия потребности, рационального расчета, предпочтения – все эти фундаментальные, базовые понятия, рассматриваемые в качестве первичных данных, на основе которых строится экономика, на самом деле являются конституированными

коллективно и социально»¹¹⁸. Экономика полагает себя телеологическим принципом, обосновывающим целеленаправленность человеческой деятельности, тем самым становясь мнимым абсолютным смыслом, раскрывающим «зачем?» для любых мысленных усилий.

Некоторое мыследействие может быть рационально. Но с точки зрения экономики любая мыслительная активность совершается, исключительно имея перед собой определенную цель. Вопрос «зачем я совершаю вот это?» приводит к структурам производства, обмена и конструирования потребности, проецируемой на отдельные мысле-формы. Тогда индивидуализированное мышление встраивается в рыночную логику. Здесь можно говорить о так называемой поведенческой экономике.

Можно мысленно пройти из точки А в точку В самым кратчайшим путем. В этом выборе раскрывается рациональность. Поведенческая экономика внедряется между рациональным выбором и смыслом этого выбора в виде «зачем?» или «что мне от этого будет?» и становится нейроэкономикой. Экономика воздействует на сознание с помощью научного знания. Такая манипуляция исследуется в психологии. Поэтому поведенческая экономика как нейронаука черпает из ресурсности психологии и нейробиологии. Поведенческая экономика производит рациональное потребительское мыследействие, эксцизируя остальное, экономически не нужное, отделяя одно от другого. Разделение ведет к выхолащиванию логических форм, которые в итоге обнаруживаются исчерпанными.

В работе «Предсказуемая иррациональность» Д. Ариели в качестве доказательства определяющей роли знания в потребительском поведении приводится следующий эксперимент. «Чтобы лучше понять загадку кока-колы и пепси, потрясающие нейрофизиологи Сэм Макклор, Цзянь Ли, Дэймон Томлин, Ким Сайперт, Латан Монтегю и Рид Монтегю провели свои собственные исследования, включавшие как слепые, так и открытые дегустации кока-колы и пепси. При помощи функциональной магнитно-резонансной томографии

¹¹⁸ Бурдые П. Экономическая антропология... С. 187.

(фМРТ) исследователи могли следить за деятельностью мозга участников в процессе потребления газировок. Дегустация напитков в процессе процедуры фМРТ является непростым делом – хотя бы потому, что человек, мозг которого исследуется, должен лежать совершенно неподвижно. Чтобы преодолеть эту проблему, Сэм и его коллеги протянули ко рту каждого участника длинную пластиковую трубку, в которую закачивали соответствующий напиток (пепси или кока-колу). Когда участники получали очередную порцию напитка, к ним поступала визуальная информация о том, что они пьют: кока-колу, пепси или некий «неопределенный» напиток. Таким образом, исследователи могли наблюдать за деятельностью мозга участников в процессе потребления каждого из напитков. При этом у них была возможность сравнивать реакции участников, когда те знали или не знали, что именно пьют. Каковы же были результаты? Исследования подтвердили данные обеих компаний-конкурентов. Выяснилось, что активность мозга участников различается в зависимости от того, знают ли они, что пьют, или нет. Вот что происходило: когда участник получал порцию колы или пепси, стимулировался мозговой центр, связанный с сильными эмоциональными переживаниями, – так называемая вентромедиальная префронтальная кора. Но когда участники точно знали, что пьют кока-колу, происходило кое-что еще. В этом случае начиналась активация еще одной фронтальной зоны мозга – дорсолатеральной зоны префронтального кортекса, отвечающей за более высокие функции мышления, такие как формирование ассоциаций, рабочей памяти, познаний и идей. Это происходило и при дегустации пепси, но в случае кока-колы реакция была выражена гораздо сильнее (и разумеется, особенно сильной была реакция у людей, предпочитающих кока-колу). Реакция мозга на основные элементы напитка (особенно сахар), имеющие гедонистическую ценность, была для обеих одинаковой. Однако преимущество кока-колы над пепси было связано с брендом Соке, который вызывал к жизни механизмы мозговой деятельности более

высокого порядка. Именно эти ассоциации, а не химический состав напитка, давали кока-коле преимущество на рынке»¹¹⁹.

Здесь обнаруживается несамостоятельность индивидуализированного мышления в рациональной экономической форме. Его возможно задать, или сконструировать, и, тем самым определить «человека произведённого», на что указал еще К. Маркс. Но обоснование производства идеи человека лежит в некоторой необходимой потребности, которая также создается. Поэтому есть разница между производством «человека культуры» и производством «человека экономики», где «культура» и «экономика» – это идеи человека. Человек общественно-экономической формации не только не принадлежит себе, по крайней мере, на треть, а то и две трети суточного времени¹²⁰, но полностью растворяется в своей экономической идее и становится «рабочим», «трудящимся», «капиталистом», «собственником» и т.д. Человек экономики производится, чтобы потреблять, и потребляет, чтобы продолжать производиться. Здесь труд, потребление, досуг и т.д. являются частью фабрики по воспроизводству существа с экономическим содержанием, фиксируемым в формах мыследействий, а сама идея именуется капиталом. Так появляется человеческий капитал, социальный капитал, научный капитал, знаниевый капитал. Поскольку по содержанию все оказывается капиталистическим, иначе экономическим, постольку «человек», «социальное», «знание», «наука» становится вещами как товарами. Экономическим концентратом в этом случае выступает «человек», полностью овеществляясь. Это и есть конструкт *homo economicus*, который выступает потребностью самой экономики.

Иначе говоря, появляется потребность потребности. Наподобие того, как производство «производства» образует круг воспроизводства. Потребность «потребности» образует круг, в котором теряется не только различия между «истинными» и «ложными» потребностями, как у Г. Маркузе, но сама

¹¹⁹ Ариели Д. Предсказуемая иррациональность: Скрытые силы, определяющие наши решения / Перераб. и доп. изд. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 211-212.

¹²⁰ Маркс К. Капитал... С. 223-225.

потребность становится идеологией¹²¹, захватывающей свое начало, делая его своим концом, замыкаясь в себе. Homo economicus понимается как произведенный экономикой человек, целью которого является потребление. Это значит, что на пределе потребление всегда индивидуально и никогда не социально. Итогом такой индивидуализированной разорванности и одновременной связности экономикой является репрезентирующееся в современности «индивидуализированное общество»¹²². Происходит захват социального мышления экономической рациональностью.

Здесь абсурд мнимости экономической замкнутости заключается в том, что «социальное» как бы видит потребность в потреблении. Ж. Бодрийяр объясняет это через понятие «символического обмена», когда экономика стоимости становится экономикой знака. «Между символическим обменом и стоимостью/знаком разворачивается тот же самый процесс редукции и абстракции, что и между “конкретными” потребительными стоимостями и абстракцией меновой стоимости, данной в товаре. Следствие: форма уравнения, если ее принять, предполагает, что один и тот же процесс происходит на обеих сторонах уравнения. Этот процесс – не что иное, как процесс политической экономии»¹²³.

«Общество потребления» формирует произведённые потребности, способствующие сохранению символического воспроизводства. Воспроизводство приобретает характер бессмысленного повтора того же самого. Экстаз производства есть бесконечное тиражирование. Экстаз потребности – то есть потребность потребности – бессмысленное желание, на котором зиждется либидинальная машина экономики¹²⁴.

Цифровизация и сети привнесли новшество в экономику. Для нее интернет оказался той точкой, где разница между местоположением и разница в часовом поясе уже не имеет значения. Экономика как бы выворачивает «общество» через

¹²¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака... С. 164.

¹²² Бауман З. Индивидуализированное общество... 390 с.

¹²³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака... С. 169.

¹²⁴ Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика / Пер. с фр. В. Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С. Л. Фокин. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.

цифру – цифровое общество есть цифровая потребность в цифровом производстве.

В структурах экономического воспроизводства цифровизация вовсе не означает процесс перевода социального взаимодействия в цифру. Возможность оцифровки/возможность «быть цифрой» есть пространство «новой» ресурсности, в которое экономика выходит, двигаясь от кризиса, и, абсолютизируясь, выхолащивает содержание тем, что производит пустые формы¹²⁵.

Возможность зафиксировать следы человеческого поведения в интернете, начинает реализовываться в производстве различных поисковых систем, браузеров и приложений. Параллельно с этим возникают платные инструменты безопасности, анонимности в интернете. Им предшествует производство потребности в них.

Производство и потребление в цифровом пространстве интернета есть, соответственно, цифровая экономика. Поскольку цифровые технологии позволяют рассчитать действия человека в сети в виде количества его кликов, запросов в поисковике, лайков и закладках, то цифровая экономика в своем последнем современном состоянии обнаруживается как «надзорный капитализм» (Ш. Зубофф).

Суть надзорного капитализма – производство поведения в сети. Для обоснования производства поведения используются отсылки к технологической необходимости хранить следы действий в интернете. «На самом деле, хранят информацию не поисковые системы, информацию хранит надзорный капитализм. Заявление Шмидта – классическая подтасовка, которая вводит публику в заблуждение, смешивая в одну кучу коммерческие императивы и технологическую необходимость. Оно маскирует вполне конкретные практики надзорного капитализма и конкретные решения, которые задают работу поисковика Google. Самое главное, практики надзорного капитализма

¹²⁵ Шамшурин А. А. Пред-положенность философского текста: от истории к цифре // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 3. С. 86-97.

преподносятся как нечто неизбежное, хотя на самом деле это тщательно рассчитанные и щедро финансируемые механизмы для продвижения поставленных им перед собой коммерческих целей»¹²⁶.

Произведенное «общество», соотнесенное с капиталом, является объектом экономики и находится в пространстве ее абсолютного кризиса (=предельной экономической потребности). «Выход из» экономического кризиса в «социальное» как «не-экономическое» с целью перезагрузки собственного содержания обозначается следующими вариантами «ходов» в пространстве ее самозамкнутости. Первый – «вход в» науку и знание в целом производит «общество знания» (А. Горц, Я. Мулье-Бутанг, Э. Рулани, А. Фумагалли, а также отечественные исследователи – Д. В. Ефременко, В. Л. Иноземцев, В. Л. Макаров и др.). Второй – «вход в» индивидуализированную мыследеятельность человека полагает «общество потребления» (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез и Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, среди отечественных – В. И. Ильин, А. О. Ланцев и др.). Третий – «вход в» цифровую среду полагает общество «надзорного капитализма» как «цифровое общество» (У. Бек, Р. Брайдотти, Ш. Зубофф, М. Кастельс и др.; отечественные авторы – Д. Е. Добринская, С. В. Тихонова, С. М. Фролова, Н. О. Хазиева и др.). Так, движение самой экономики задает ре-форма-ции «социального».

Целью экономики является производство «социального» как воспроизводства потребности продолжения ей себя самой. В этом плане экономика фокусируется на производстве себя в потребительской антропологической машине, воплощающей экономический концентрат «социального». Поскольку экономика производит «общество» как потребность в себе, то, по сути, она производит видоизменение «социального» внутри структур своего воспроизводства. Здесь «социальное» обозначается в виде ярлыка «общества» с предикатами формального содержания экономики (знание, потребление, цифра), а содержание сконцентрированного или произведенного «человека» выражено его клеймом (знаком) «homo economicus». Деньги

¹²⁶ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма... С. 26.

становятся метаязыком для «социального», полностью объективируясь и концентрируясь в одном предельном знаке – капитале как денежном суперлативе. «Деньги делают деньги» – значит, деньги делают «знание», «человека», «социальное» как таковое. В цифровом выражении деньги совпадают с экономикой «не-экономического», или, иначе, становятся экономикой социального, суть которой в «надзорном капитализме». Так экономическая экономика обернулась экономикой социального.

Базовое намерение экономики заключается в том, чтобы производить «социальное», переименовывая, переопределяя его в соответствии с «новой», но все той же экономической формой. Таким именованием является соотнесение слов/имён, указывающих на «новое» обоснование капитала и его воспроизводство в конструкции «социального».

Экономика производит общество. Именует социальное «обществом». Это именование указывает на то, что «социальное» есть ее содержание. Такие рассмотренные предикаты общества, как «знание», «потребление», «цифра» могут быть интерпретированы в качестве способов «пристёжки» экономического содержания. В этом плане невозможно понимать «общество» не экономически. Эти определяющие имена указывают на экономическое смысловое содержание общества. Но здесь «общество» – произведенная экономикой пустая форма. Следовательно, смысловое место, которое должно принадлежать экономике как субъекту, пусто. Экономический субъект не обнаружим. Он сливается с наукой, социальностью, капиталом и другими вариантами имен общества. А также растворяется в их содержании так, что, превращаясь в пустую объективную форму, в то же время полностью объективирует свои псевдосмысловые эрзацы языковыми структурами экономики.

Самовоспроизводство экономики есть способ ее существования. Производство кризисов как ее основ заканчивается кризисом самого производства. Так экономика самополагается. Экономика сообщается сама с собой, разворачиваясь, «входя в» «социальное» через капиталовложения и

структуры производства. Возобновление кризиса оказывается местом сообщаемости «экономического» и «социального», точкой «выхода-и-входа» и намечает возможность обнаружения субъекта как смысла социально-экономической дискурсивной реальности.

Три варианта исхода из кризиса представляют собой попытки возврата смыслоположенности экономики. 1. «Выход из» кризиса как разрушение экономики. 2. «Выход из» кризиса как продолжение самовоспроизводства формального содержания, выхолащивание «новых» форм и в самодвижении. 3. «Выход из» кризиса как обнаружение самодостаточного субъективно-определяемого социального мышления.

Во-первых, разрушение экономики. Несмотря на то, что экономика кажется необходимой данностью, а деньги представляются нерушимой «реальной абстракцией» (С. Жижек), как экономики, так и денег может не быть. На это указывает, по крайней мере, то, что существовали общества, где отсутствовали деньги, а вместе с ними исчезал технический прогресс. «Сегодня мы принимаем экономический рост и научные открытия как должное. Если несколько сезонов подряд показатели экономического развития будут сокращаться, мы объявим рецессию и будем гадать, в чем же проблемы и когда все наладится. Но вот о чем нам говорит китайская вспышка длительностью в три столетия: нет никакой гарантии, что экономический рост и технологические изменения будут длиться вечно. Развитие – это улица с двухсторонним движением. Цивилизации не просто богатеют или остаются на прежнем уровне. Иногда они беднеют, поколение за поколением. Иногда даже деньги могут исчезнуть»¹²⁷.

Этот вариант выхода из кризиса открывает понятия хрупкости экономического абсолюта. Хрупкость позволяет вскрыть объективированный характер экономики, в самодвижении которой заключается не «естественная», а мнимая необходимость зафиксированных «мёртвых» и пустых мыслительных конструкций. Хрупкость – свойство объективаций.

¹²⁷ Гольдштейн Дж. Деньги... С. 35.

Хрупкость абсолюта рассматривает С. Жижек¹²⁸. В качестве абсолютного он обозначает самозамкнутую систему христианской религии. Проблема хрупкости позволяет обнаружить, что самодостаточность христианской системы всегда оказывается несамодостаточной. «Проблема этого решения состоит в том, что законное представление о непреложном характере необходимости платить за грехи (преступление должно искупить) не подлежит обсуждению, оно просто принимается»¹²⁹. Здесь, как видим, обнаруживается экономическая метафора потребности. Потребность также принимается и конструируется в виде продиктованной необходимости в чем-либо. «Вопрос здесь очень наивный: почему Бог нас не простил прямо? Почему Он должен был подчиниться необходимости платить за грехи? Разве основной догмат христианства не противоположен приостановке этой законнической логики воздаяния, той идее, что благодаря чуду обращения возможно Новое Начало, в котором прошлые долги (грехи) просто не принимаются в расчет? Следуя этой логике, разве что с совершенно другим акцентом, Карл Барт дает предварительный ответ в своем сочинении о “Судье, судимом на нашем месте”: Бог подобно судье вначале выносит человечеству приговор, а затем принимает облик человека и Сам оплачивает цену, налагая на Себя наказание, “дабы таким образом принести нам примирение с Ним и обратить нас к Нему”. Итак, выражаясь не совсем адекватным языком, Бог стал человеком и принес Себя в жертву, пошел на крайние меры, чтобы пробудить в нас сочувствие к Нему и тем самым обратить нас к Нему»¹³⁰.

Показывая мнимость самореферентной системы, С. Жижек пытается обнаружить субъект через концепт «желания», которое он заимствует у Ж. Лакана. Именно желание указывает на субъекта – носителя такого свойства, как хрупкость. Поскольку желание есть всегда желание Другого, то желающий оказывается по ту сторону хрупкости. «В своей “общей теории соблазнения”

¹²⁸ Жижек С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003. 185 с.

¹²⁹ Там же. С. 156.

¹³⁰ Там же. С. 156.

Жан Лапланш дает непревзойденную формулировку встречи с непостижимой инаковостью как фундаментальным фактом психоаналитического опыта. И Лапланш сам настаивает на крайней необходимости сделать шаг от загадки чего-то к загадке в чем-то. Этот шаг – вариация на тему знаменитого гегелевского изречения о сфинксе: “Загадки древних египтян были также загадками для самих египтян” <...>. Разве не оказывается этот же шаг действительно необходимым и в отношении идеи Dieu obscur, укользающего, непостижимого Бога? Ведь этот Бог непостижим для Себя, у него должна быть темная сторона, инаковость в Себе, нечто такое, что превосходит в Нем Его Самого»¹³¹. Непостижимость внутри экономического абсолюта может пониматься в качестве «не-экономического» (=«инаковость в себе»), то есть «социального», которое оказывается тем, что превосходит само себя.

Самопостижение экономического абсолюта через не-экономическое предъявляет – второй вариант «выхода из» кризиса. «Выход» подразумевает, что речь идет об его условном метафорическом характере. Здесь кризис есть обычное состояние экономики, в котором она пребывает в своей мнимой самодостаточности, самореферентности и т. д., то есть в состоянии абсолютности. Несмотря на напряженность положения, кризис капитализма – это нормальное состояние экономики по упорядочиванию и объяснению социального настоящего. Дж. Гольдштейн, говоря о деньгах, указывает, например, что для экономики всегда нужно напряжение, которое заставляет деньги обмениваться¹³².

Здесь «выход» есть обращение экономики к самой себе, которое означает не что иное, как попытку самоидентификации. Это есть возвращение собственного абсолютного смысла, выработка универсальной экономической модели. Следовательно, экономика вновь совершает внутреннее движение от полагаемого кризиса к возобновлению того же самого религиозно-идеологического совершенства в абсолюте. При этом кризисное основание будет

¹³¹ Жижек С. Хрупкий абсолют... С. 162.

¹³² Гольдштейн Дж. Деньги... С. 54-58.

указывать на постоянный и повсеместный кризис как бесконечное в уточнениях самосовершенствование. По сути, второй способ существования экономики выражает перманентное кризисное состояние, то есть пустоту, которая пытается стать/стала абсолютностью.

Однако в этом заключается хрупкость экономического абсолюта. Его кристальная чистота и пустота форм, с одной стороны, становятся подобием «жестких» религиозных догм. С другой стороны, оказываются уязвимым местом, поскольку их внутреннее – выхолощенное экономическое ничто, – есть опустошенная форма.

Таким образом, описанные С. Жижекком три шага соответствуют процессу перехода от экономического производства «социального» к социальному как смыслоопределяющему «экономическое». «Означает ли все это, что христианство суть порочная религия? Или что возможно и другое прочтение распятия Христа? Первый шаг, позволяющий выйти из затруднительного положения, – вспомнить высказывание Христа, которое нарушает, а точнее, приостанавливает круговую логику мести или наказания, нацеленную на восстановление равновесия справедливости: вместо “Око за око!” – “Если тебя ударят по правой щеке, подставь твою левую щеку!” Дело здесь отнюдь не в тупом мазохизме, простом смирении с унижением, но в стремлении прервать замкнутую круговую логику восстановления равновесия справедливости. Таким же образом и жертвоприношение Христа, его парадоксальная природа (тот человек, по отношению к которому мы согрешили, чью веру мы предали, и искупает грехи, платит за них свою цену) приостанавливают логику греха и наказания, законного или этического воздаяния, “сведения счетов” посредством принятия удара на себя. Единственный способ, позволяющий разорвать порочный круг преступления и наказания/воздаяния – выразить готовность самоустранения. Любовь по большому счету есть не что иное, как такой парадоксальный жест разрыва цепи искупления. Так что второй шаг – сосредоточиться на ужасающей силе априорного принятия и достижения своего устранения: Христос не был принесен в жертву кем-то и за кого-то, Он принес в

жертву Себя. Третий шаг – сосредоточиться на представлении Христа как посредника между Богом и человечеством: чтобы человечество вернулось к Богу, посредник обязан принести себя в жертву. Иначе говоря, пока Христос здесь, здесь не появится Святой Дух, который суть фигура воссоединения Бога и человечества. Христос как посредник между Богом и человечеством, говоря языком сегодняшнего деконструктивизма, – условие возможности и условие невозможности между ними: будучи посредником, Он выступает как препятствие...»¹³³. Первый шаг – приостановка самодвижения, второй – устранение замкнутости в цикличности воспроизводства, и, наконец, третий – выворачивание «экономического» из социального.

Здесь становится понятным, что в итоге продуктивный кризис всегда оборачивается непродуктивным потому, что социальное было опрокинуто в экономическое. За-предельным оказывается цикл, в котором необходимость в продуктивном кризисе обосновывается постоянно длящейся непродуктивностью. Обнаруживается парадоксальность: экономика производит непродуктивность как основание своей продуктивности. Именно этим экономика осуществляет попытку «выхода из» кризиса в ресурсность социального мышления.

Смысл экономического кризиса заключается не в потребности экономики в не-экономическом, не в продуктивности «выхода из» него, а в том, что происходит выхолащивание социальных смыслов универсальными формами зацикленности и одержимости. Как замечает С. Жижек, экономическая безусловность есть мнимость. Субстанциональность экономики разрушается мнительностью как сомнением в своей самополагающейся основе. Если переопределение экономики задать как деконструкцию ее мнительности, то она будет означать трансформацию экономического воспроизводства. В переходе от ре-форма-ции к транс-форма-ции обнаруживается различённость «экономического» и «социального».

¹³³ Жижек С. Хрупкий абсолют... С. 157-158.

Логически намечается радикальный выход, однако это не «выход из» кризиса, означающий «вход в» другое, отдельно стоящее, а выворачивание экономического из социального. Возникает возможность перехода к интерпретации экономического как социального, то есть к смотрению на экономическое из социального. Следовательно, экономика задается как имя производимого социального субъекта (Ж.-Л. Нанси).

Поэтому третий вариант «выхода из» кризиса заключается не в самоотрицании экономики, то есть не в структурах кризиса, а в обнаружении смысла через смотрение на нее из социального бытия. «Вопрос о бытии и смысле бытия стал вопросом о со-бытии и бытии-вместе (смысле мира). Вот что означает современная озабоченность, которая раскрывается не столько как “кризис общества”, сколько как предписание, с которым “социальность”, или “социация”, людей обращается к самой себе, или которое она получает от мира: следует быть не чем иным, как тем, что есть она сама, но, в конце концов, бытию как таковом следует быть ею самою. Такая формула является, прежде всего, обезнадеживающей тавтологической абстракцией, и вот почему мы так обеспокоены, но наша задача заключается в том, чтобы разбить твердую скорлупу этой тавтологии: что такое со-бытие бытия?»¹³⁴.

Со-бытием бытия оказывается смысл, который существует известным образом самостоятельно (Г. Фреге). Смысл социален, сообщаем и коммуницируем¹³⁵. Социальность смысла есть его неотделимая черта и начало его самого. Отсюда «реальный характер отношения сил – экономических, технических, страстных – проступает в ярко выраженном и самостоятельном виде»¹³⁶. Направленность из со-в-местности социального бытия обнаруживает как бы другое социальное, а именно такое, которое производимо¹³⁷.

Поскольку смысл всегда социален (указано в 226), постольку у экономики самой по себе не может быть некоего самопроизводного экономического смысла.

¹³⁴ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В. В. Фуре; под ред. Т. В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2004. С. 64.

¹³⁵ Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., Наука, 1991. С. 92.

¹³⁶ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное... С. 82.

¹³⁷ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество... 208 с.

А так как смысл социален, то он и только он может заполнить экономическую пустоту. Иначе говоря, смысловое содержание экономики, её смысл может быть только социальным, всегда предполагая другой смысл в качестве бытия-с-другим, то есть со-бытия. Следовательно, концепт «социальное» раскрывает еще один свой смысл через имя «экономика». Социальное указывает на предъявление экономического мышления (экономического) как варианта социального мышления. Тогда «экономическое» обретает значение самостоятельного смысла социального. Таким образом, можно говорить, что «экономическое» тождественно «социальному» в точке со-бытийности смысла. Или иначе, что социальное сообщает себя экономическим образом.

«Совместность есть философская тема по преимуществу, что она предшествует самой философской “тематике” и выходит за ее пределы. До того как у этой последней появляется “объект”, она уже представляет собой фактическую совместность, философствование осуществляется в-со-обществе, в этом “в” и посредством этого “в”, в котором нет ничего коллективного (которое постоянно отворачивается от оппозиции или связки “индивидуальное-коллективное”) <...> Допустив, что философия представляет собой вопрошание или утверждение смысла, нужно добавить, что модальностью такого вопрошания является совместность»¹³⁸.

Исходя из модальности смысла, можно выделить два состояния совместности. Первое состояние смысла совместности является в виде индивидуальности.носителем данного принципа является такое состояние экономического, которое возвращает к самозамкнутому производству его существования. Экономика объединяет – людей – homo economicus общей логикой рационально-расчетливого мышления через порядки производства мыследействий. Поскольку потребности конструируются как индивидуальные, постольку экономическое основание совместности, соединяя, разъединяет общество. Социальный смысл заменяется индивидуальной рационально-сконструированной потребностью. «Разделение целей, не разделяющее

¹³⁸ Нанси Ж.-Л. О событии... С. 91.

предданного общего (как если бы можно было заранее знать и программировать общую цель общества и человечества... Одно лишь накопление капитала может претендовать на репрезентацию подобной общей цели), сочленяющее единичности друг с другом. Это – “социальность” в виде разделения, а не слияния, в виде выказывания, а отнюдь не имманентности»¹³⁹.

Второе состояние совместности – смысл, который не производится, а общается. На основании него возникает со-общество смыслов. Экономика, политика, право и т.д. есть имена социального, артикулируемые через *socium* как общность. С одной стороны, со-общаемость экономического, политического, правового и т.д. общностей поля соединяет общим социальным смыслом в совместности. С другой стороны, смысл задает различённость социального для самого себя. Тем самым оно со-общает себя и в этом процессе раскрывает разные грани со-в-местности в именах своих многочисленных состояний. Возникает разделенная связность социального как различенная совместность его бытия. То есть социальное как социальное бытие соединяет общества смыслом, образуя со-общество как со-бытие бытия социального.

Рационально-аналитическая разделённость двух состояний совместности – потребность (форма) и смысл – указывает на то, что само социальное для выражения собственного смысла не нуждается в избыточном для нее «экономическом» именовании. Экономике в своей самодостаточной отдельности также не требуется противостоящее ей «социальное» как таковое. Неприятие со-общаемости состояний совместности как социальных смыслов приводит к отрицанию значимости социально-гуманитарного содержания экономической дискурсивной реальности. Формы экономического дискурса выражают антисоциальное и антисмысловое знание в виде предпринимательских проектов, стартапов. «Анти-» здесь имеет значение «вместо, против». Борьба экономического и социального – это попытка заменить одно другим.

¹³⁹ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество... С. 136.

Наиболее зримо такое со-единение в противостоянии предстает в констатации дифференцированного осуществления социального как мирового сообщества. Тогда экономическое, распространяясь с помощью предпринимательской активности, обретает глобальный характер и определяет современное состояние социального бытия. В результате этого процесса возникает мировое сообщество как то, что произведено экономическим началом. Глобальный характер общества есть предъявление экономического абсолюта в виде предельно-универсальной формы – мирового сообщества¹⁴⁰. В этом смысле оно представляет собой поле сражений. Единство совместности разделяемое смыслами социального есть не что иное, как «разделённая связность», противоположная по значению вышеописанной экономической «связности разделением» в деньгах. Н. Луман указывает на это разделение в обосновании конструкта дифференциации самореферентной системы. «С тех пор, как существует социология, она занимается дифференциацией. Уже это понятие заслуживает некоторого внимания. Оно подразумевает единство (или производство единства) различного»¹⁴¹.

П. Бурдьё полагает, что дифференциация социального дискурсивного пространства также оказывается внутренним сражением, то есть конкуренцией. «Область социального пространства, где проявляют себя достоверно зарегистрированные и поддающиеся измерению силы, называются полем. Неотъемлимой характеристикой такой области служит ее самозамкнутость или “самозаконность” <...> Понятие “поле” у П. Бурдьё не организуется вокруг какого-то одного общего принципа, а носит комплексный характер <...> Чтобы синтезировать этот комплекс различных принципов в концептуальное единство, нужен тем не менее некий метапринцип. Таким метапринципом является иерархия доминирования в поле»¹⁴². В отличие от «общества обществ» и «социального пространства» в конструкте сообщения как со-бытия

¹⁴⁰ Бек У. Что такое глобализация?... С. 23.

¹⁴¹ Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация... С. 9.

¹⁴² Шматко Н. А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё / Пер. с фр., отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 569-570.

экономического и социального заданы два предельных состояния совместности, пребывающие в шелленгианском тождестве, то есть в дискурсе социально-экономической реальности.

Современное состояние мирового сообщества интерпретируется концептом «социально-экономическая реальность», который приобретает особое значение, когда порядки санкционирования указывают одновременно на связность в разделенности и разделенность в связности. Санкции оказываются смысловым сообщением социального и экономического в мировом масштабе.

Воплощение экономического конструкта в санкции нацелено на ограничение производительных возможностей экономики в определенном пространстве, конкретизируемом социальной территорией. Они рассматриваются как объективный инструмент, который существуют по законам экономики. Санкции ограничивают реализацию социального в экономическом. Экономическое как бы вновь «побеждает» социальное. Например, «по первичным оценкам последствий разрыва цепочек поставок и денежного обращения российская экономика потеряет свыше 10% ВВП в 2022 г.»¹⁴³. Предполагается, что санкции воплощают власть экономического, а потому способны не столько регулировать, сколько контролировать его локальное состояние. Санкции как бы вносят ограничения в экономику внутри глобального экономического дискурса.

Однако санкции имеют прямо противоположный эффект, поскольку носят исключительно дискурсивно-номинальный характер. Когда в силу вступает какой-либо пакет запретов, то он вскрывает тот смысл, который может обернуться ресурсностью экономики вот-этой-локальности. Так, санкции становятся не языковым способом вырисовывания границ дискурсивной социально-экономической территории вне глобальной/тотальной экономики, а тем, что позволяет вместо экономического обнаружить социальный как смыслоопределяющий способ существования социального бытия. В этом плане

¹⁴³ Капогузов Е. А., Чупин Р. И. «Санкции 2022»: возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства // *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики). 13(1). 2022. С. 70.

Советский союз, Иран и др. являются яркими примерами обнаружения и эффективной творческой реализации смысловой ресурсности. В ответ на санкции открывается социальный потенциал экономического, следствием которого является возникновение продуктивного развития производственной мощи. Государство выделяется в со-общаемом мировом конгломерате и становится, тем самым, разделённым в социальной связности и связанным с собственными внутренними возможностями в этой экономической разделённости. Отдельно взятое объективированное вот-это-социальное раскрывает внутреннюю экономическую мощь и в итоге оказывается более значимой единицей на мировой арене распределения сил.

Несмотря на то, что статистические показатели последствий применения санкций показывают снижение уровня количественных экономических показателей, это вовсе не обязательно носит негативный характер. Здесь проявление экономического реализуется с позиции якобы забвения своего привычного способа заменять «прямые» причины на корреляции. Есть достаточное основание считать, что санкции, вопреки приписываемому негативному значению ¹⁴⁴, служат обнаружением смысловой ресурсности «экономики». Санкции, ограничивая смысл со-вместности, позволяют реализовать социальный потенциал экономической мощи в пределах введенных ограничений. Ситуация разворачивается так, что подсанкционная экономика вскрывает собственную социальную ресурсность. Это выворачивание экономическими санкциями социального как примордиального.

Следствие прямого назначения санкций могло бы быть расценено эффективно реализованным, если бы они вводились международным организованным community так, чтобы приводили к возвращению установленного им единого экономического порядка. Но этого не происходит по причине прокламации. Такие экономические меры в какой-то степени повторяет колониальную логику в мировом масштабе, когда метрополией является не

¹⁴⁴ Mulder N. The economic weapon. The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. London: Yale University Press, 2022. 434 p.

государство-империя, а международная организация (ООН, ЕС и др.). В условиях глобализации установление мнимого равенства приводит к тому, что метрополий и колоний больше нет, потому что каждая страна является, с одной стороны, метрополией, и колонией – с другой. Тогда в процессе реализации экономической политики стоит не санкционировать, то есть не локализовать социальное в вот-эту-территорию, что приводит к ее усилению и дальнейшей раздробленности мирового целого, а признать избыточность санкций для сохранения мирового сообщества. Санкции уже не работают – работают анти-санкции. Экономическая связность нарушается не только вот-в-этом-социальном, но и мировом сообществе как социальном целом. Необходимо понимать, что санкции делают видимым социальное наполнение «экономики». Это больше не мера ограничения экономической связности мирового сообщества. Они указывают на социально-экономическую реальность, предоставляя возможность обнаружить новые экономические смыслы социального потенциала. Субъективный творческий потенциал реализуется посредством ресурсности, объективируясь в воплощенные ресурсы социального мышления.

Итак, выход из кризисно-абсолютного состояния социально-экономического целого имеет три описанных варианта и выражается в знании, или языке, как их со-в-местности. Продуктивным из них оказывается не реформирование, а транс-формирование базового принципа сообщения социального и экономического. Это так, поскольку реформационная дискурсивная практика по выводу экономики из кризисного состояния каждый раз завершается новым витком абсолютизации «экономического» мышления и знания в понимании, определении и существовании социального. Условно можно говорить о «победе» экономического смысла в осуществлении социального. В отличие от этого трансформация, в том числе посредством исключительно дискурсивного введения санкций, позволяет разомкнуть абсолютность тотальности мирового экономического дискурса и вскрыть социальный потенциал для развития самого социального. Это позволит вернуть

смысловое социальное многообразие, а также развиваться экономическому как одному из имен-смыслов социального.

Поскольку со-в-местность есть со-общение знания посредством языка в коммуникации, то она есть бытие. Поэтому конструкт социально-экономической реальности раскрывает суть осуществления концепта «экономики» посредством языка знания. Происходит выворачивание социального бытия структурами экономического знания. Социальная онтология Ж.-Л. Нанси дополняется гносеологической интерпретацией социальной дискурсивной реальности, представленной в конструктивистской традиции социальной философии – П. Бурдьё, Ф. Коркюфа, Н. Лумана и др. Столкновение подразумевает не борьбу, а соединение в со-общаемости смыслов социального и экономического, которое раскрывает социальный потенциал и сохраняет экономическое как значимое имя социального, позволяющее, благодаря экономическому заряду, двигать и реализовывать ресурсность социального целого.

2.2. Социальные основания экономически заряженного мышления

Смысл всегда социален (Ж.-Л. Нанси), поэтому смысл экономического есть социальный смысл. Соответственно, экономическое с точки зрения смысла рассматривается как имя социального. Смысл как имя оказывается сообщением социального и экономического, их совпадением, следовательно, «со-» возникает в имени. Смысл есть в их со-в-местности, а точнее «в» месте имени. В имени социального разворачивается социально-экономический дискурс, становясь реальностью социального мышления.

Логика задаёт способ выражения смысла, то есть она оказывается тем, что обрамляет или придаёт смыслу определённую форму. Он существует в границах

своей логики. Тогда можно сказать, что логика как форма предполагает экономический смысл как заряд согласованности конструкта социального. Это значит, что логика объективирует смысл, становясь логикой смысла. «Смысл – это четвертое отношение предложения. Стоики открыли его вместе с событием: смысл – выражаемое, в предложении – это бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему иному сущность на поверхности вещей; чистое событие, присущее предложению и обитающее в нем. Второй раз такое же открытие сделали в 14 веке представители школы Оккама Григорий Римини и Николай д'Откур, а в третий раз – в конце 19 века – выдающийся философ и логик Мейнонг. Разумеется, такая историческая датировка не случайна. Мы видели, что открытие стоиков предполагало ревизию платонизма. Аналогичным образом, логика Оккама была направлена на снятие, проблемы универсалий, а Мейнонг боролся с гегелевской логикой и породившей её традицией <...> ...возможно, смысл – это нечто “нейтральное”, ему всецело безразлично как специфическое, так и общее, как единичное, так и универсальное, как личное, так и безличное. При этом смысл обладает совершенно иной природой»¹⁴⁵. Универсальная логика смысла есть реализация силы, смысловой потенции. Тем самым обнаруживается связность последовательности смысловой деятельности как формы или способа рациональной согласованности социального. Тогда в процессе субъективации или осмысления логики, когда логике возвращается смысл, возникает предвосхищение способа или формы через избыточность всевозможных еще-не-осуществленных смыслов. Следовательно, экономический смысл не единственно возможный, но он является предельно рациональным.

Логика есть такая структура, в которой может реализоваться один смысл, называемый Г. Фреге «истинным». «Чтобы исключить всякое неправильное понимание и воспрепятствовать стиранию границ между психологией и логикой, я буду считать задачей логики обнаружение законов истинности, а не законов

¹⁴⁵ Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. М.: «Раритет»; Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 38-39.

утверждения или мышления. В законах истинности раскрывается значение слова “истинный”»¹⁴⁶.

Становится понятным, что смысл логики в логичности, то есть смысл – это идея логики. Тогда получается, что смысл может полагать форму и, тем самым, выписывать логику. Он является точкой, из которой разворачиваются различные логики смыслов, осуществляя сущность бытия согласованности друг с другом. Сообщаемость смыслов становится смысловой конфигурацией со-бытия бытия.

Логика смысла как объективация субъективности и смысл логики как субъективация объективности в своей одновременной расположенности предъявляют продукт, соположенный в структурах тождества другому продукту. Поэтому продукт есть не что иное, как сообщение логики и смысла.

Получается, что сообщаемость смыслов социального является в способах согласованности, которые определяются как «продукты» или результаты конструирования. Это значит, что любой «продукт» имеет смысл и логику своего существования. Тогда смысл логики или сущность существования продукта в его продуктивности. Другими словами, если в процессе смысловой объективации возникает согласованный социальный продукт, то можно говорить о продуктивности социального мышления как о предпосылке продукта, которая совпадает со своим результатом и, соответственно, обнаруживается в нем.

«Пространство социального как со-бытия совместности способно определяться как конечная бесконечность и бесконечная конечность. В этих способах определения исключается как возможность тоталитаризма, так и возможность элементаризма. Возникает возможность определять целое в каждой точке. Исключается необходимость введения особой точки в социальном пространстве. В любой точке, способной стать субъектом, происходит самоопределение неопределенности бытия как целого в его конкретной определенности, или диспозитивности. Здесь бытие оказывается полем социальной реальности (конфигурация), открывающемся в позиционности

¹⁴⁶ Фреге Г. Логико-философские труды / Пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 29.

исследовательских точек зрения (экспозиция), соотносящихся друг с другом (диспозиция) в процессе определения и переопределения смысла (композиция). Значит, онтология «между» проявляется как способ разбегающе-стягивающего существования социального бытия как со-бытия со-в-местности»¹⁴⁷. Иными словами, конфигурация экспозиции раскрывается через «со-» или в месте «между», диспозиция которого определяется в композиции смысла, становящегося исследовательской точкой зрения субъектов/философствующих.

Таким образом, субъективный потенциал продуктивности социального мышления логически предъясняется как «вот-это-социальное-бытие». Оно выражает целое представление как целостный смысл «вот-этого-социального-бытия». Целостность «социального бытия» («социо») раскрывается через два состояния: «социальная мысль» («онтос»), выражающая социальную реальность, и «социальное действие» («логос»), располагающее социальную действительность.

Так как осуществление совместного бытия есть деятельность, то она предполагает согласованность в своей словесной реализации. Реализация словом есть становление мышления языком. Целенаправленное пользование языком есть риторическое действие. Это означает, что логическая и смысловая связность есть согласованная совместность. Социальное мышление, интерпретированное в качестве такой мыследеятельности, предъясняет онтологический аспект, или «онто-социо-логос». Следовательно, социальное как мыследеятельность есть дискурсивная реальность. Это значит, что «экономика» социального как «онто-социо-логос» является сцепкой мысли-слова социального («социо-онтос») и слова-действия социального («социо-логос»).

Тождество социальной дискурсивности и языковой реальности образуют конструкт социального, взаимополагающийся в языке и с помощью языка. Конструирование «социального» само по себе социально: конструкт социального есть социальный конструкт. Социальное как субъект предстает в

¹⁴⁷ Бушмакина О. Н. Онтология «между»: со-бытие со-в-местности в пространстве смысла // Вестник удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. Вып. 4, 2013. С. 7.

виде самореализующегося социального мышления, поэтому оно есть также объект, что указывает на самореференцию общества¹⁴⁸. Из чего следует, что социальное бытие есть языковой конструкт социального – «онто-социо-логос».

Ж.-Л. Нанси утверждает: «Философия и сообщество представляются неразделимыми»¹⁴⁹. А поскольку, по мнению Ж. Делёза, «философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты»¹⁵⁰, постольку «экономика» как имя социального есть смысловой концепт экономического. В данном концепте сообщается экономическое знание. «Концепт – это, разумеется, познание, но только самопознание, и познается в нем чистое событие, не совпадающее с тем состоянием вещей, в котором оно воплощается»¹⁵¹. Когда речь идет о самопознании, концепт указывает на знание в плане имманенции, представляющее собой реальность. Соответственно, концепт экономики, сообщающий смысл социального, обнаруживается как социально-экономическая общность или целостность.

С одной стороны, «экономика» есть знание, с другой, как социальное под этим именем, она указывает на бытийственный аспект. В таком качестве социальное оказывается точкой пересечения онтологического и гносеологического планов¹⁵². Таким образом, «экономика» как поименованное место смыслов понимается как концепт, со-вмещающий социальное как бытийственность экономического знания.

Социально-экономическое целое как результат сообщения их смыслов есть концепт «экономика» в виде имени социального. Так возникает концепт социальной экономики. Производство, бизнес, предпринимательство и т.д. бессмысленны, если в их основе находятся такие экономические пустые формы, как *homo economicus*, стартап, потребление и др. Смысл возможен тогда, когда

¹⁴⁸ Луман Н. Самоописания / Пер. с нем А Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. С. 13.

¹⁴⁹ Нанси Ж.-Л. О со-бытии... С. 91.

¹⁵⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?... С. 6.

¹⁵¹ Там же. С. 40.

¹⁵² Полякова Н.Б. Герменевтическая интерпретация «Бытия как знания» // Сборник материалов Международной научной конференции «История. Семиотика. Культура», посвящённой 250-летию Фридриха Шлейермахера. Ответственный редактор И.В. Дёмин. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 149-154.

социальное осуществляется в концепте «экономика». Другими словами, смысл со-общается в виде со-вмещения социального и экономического. Только в этом случае социальное реализуется через «экономику». Это значит, что и для реализации самой «экономики» необходимо социальное. Оно полагается не в виде экономического конструкта, не произведенным «социальным», строящимся на основе индивидуальной потребности каждого, а в конструкте «смысловая ресурсность». Когда социальное наполняет смыслом «экономику», заменяя довлеющее экономическое производство «социального», тогда открываются новые экономические смыслы.

Открытие нового смысла связано с ограничением социальной ресурсности посредством её реализации в объективно-логических формах ресурса. Это значит, что «ресурс» репрезентируется в именах и, артикулируя, делает видимым в слове социальную ресурсность.

Герменевтическая операция интерпретации «социального» как истока бытия есть его понимание как «логоса». «Философия как артикуляция логоса была бы субъектом полиса как пространства этой артикуляции, тогда как полис как совокупность логосов (logikoi) был бы субъектом философии как производства их общего логоса. Сам же логос получает свою сущность, или свой смысл, из этой взаимности: он есть общее основание сообщества, а сообщество – основание бытия»¹⁵³. Следовательно, можно говорить о концепте, в котором социальное и логос совпадают. Тогда «социо-логос» есть единый разум, предъявленный в слове, схватывающий идею, явленную в знании¹⁵⁴. Социальное есть «слово» и только в нем оно и существует. Следовательно, оно переопределилось в ракурсе социальной онтологии, и есть социально-дискурсивная реальность¹⁵⁵.

¹⁵³ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное... С. 47.

¹⁵⁴ Хайдеггер М. Гераклит: 1. Начало западного мышления. 2. Логика. Учение Гераклита о логосе / Пер. С нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 504 с.

¹⁵⁵ См.: Бушмакина О. Н. Конструирование реальности в дискурсе социального конструктивизма // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2004, № 2. С. 89-96.; Бушмакина О. Н. Язык и бытие – проблемы структурирования. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. 123 с.; Полякова Н. Б. Конструирование дискурса власти: герменевтический аспект. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. 142 с.; Шадрин А. А. Герменевтика смысла социально-философской дискурсивности. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. 142 с. и др.

«Социо-логос» позволяет задать его в виде «слова-смысла» и «слова-имени». В диалоге «Кратил» видим, что Платон различает в слове «смысл» и «имя». «В таком случае и об имени можно так сказать. Коль скоро имя есть некое орудие, то что мы делаем, давая имена? Гермоген. Не могу сказать. Сократ. Может быть, мы учим друг друга и распределяем вещи соответственно способу их существования? Гермоген. Верно. Сократ. Выходит, имя есть некое орудие обучения и распределения сущностей, как, скажем, челнок – орудие распределения нити?»¹⁵⁶. И далее: «Итак, следи за тем, что я говорю. Ведь что касается имен, то здесь прежде всего нужно иметь в виду, что к тому слову, каким мы хотим что-то назвать, мы часто добавляем одни буквы, отнимаем другие, а также меняем ударения. Например, чтобы из выражения «милый Зевсу» (Δί φίλος) получилось имя Дифил, из первой его части изъяли вторую йоту, а средний слог стал произноситься как тяжелый вместо острого. В других же словах, напротив, мы прибавляем буквы и придаем слогам с тяжелым ударением острое»¹⁵⁷. Получается, что «слово-имя» есть форма «слова-смысла», совпадающие в точке «онто-социо-логос».

«Слово-смысл» есть ресурсность социального мышления, реализуемое через свое «слово-имя». Тогда концепт «онто-социо-логос» есть место-«между» как точка тождества, в которой соединяются смысл и имя. «Слово-смысл» (как «социо-онто») – это смысловая множественность социального, а «слово-имя» (как «социо-логос») – способ выражение множества в одном, то есть в «экономике», как точке разворачивания социального бытия в целом. Генеалогические исследования слова «ойкономия», проведенные Дж. Агамбенем, подтверждают данную развёрстку смысла в имя, ресурсности в ресурс. Субъективный потенциал ресурсности становится объективно существующим ресурсом как редкостью тогда, когда происходит креативное именование как творческая реализация социального мышления. Проявление

¹⁵⁶ Платон. Кратил // Собрание сочинений в 4 т.: Том I / Общ. редакция А. Ф. Лосева и др.; Автор вступительной статьи А. Ф. Лосев; Примечания А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. С. 619.

¹⁵⁷ Там же. С. 632.

новых смыслов в словах-ресурсах указывает на присутствие социально-экономического целого.

Социально-экономический дискурс есть социальное мышление, сущность как субъективность которого объективируется в экономической форме. Соответственно, социальность как смысл есть ресурсность или наполнение «экономики», а она сама оказывается именем-формой реализации этой ресурсности ресурса в виде определенного. Но в этой определенности возникает смысловая исчерпаемость. Когда один конкретный определенный смысл превращается в одно значение, тогда с помощью него невозможно охватить все экономические значения социального, все возникающие явления в ее дискурсе. То есть редкость указывает на границы применимости вот-этого-смысла как значения. Таким образом, экономический способ существования социального мышления разворачивается в тождестве ресурсности и редкости. Ресурс ресурсности как объективация субъективного подразумевает, что творческая деятельность социально-экономического целого реализуется в таких социальных определенных вот-этих-смыслах экономики, как «капитал», «труд», «земля», «человек» и «социальное».

Ресурсы предстают как то, что зафиксировано словом (имя) и как слово (смысл). Именно в словесной фиксации ресурсы начинают выступать как языковые объекты. Здесь объективированный мир – это мир дискурса. Выраженный в языке он является ограниченным и конечным. Ресурсы, устанавливающие смысловые границы слова, имеют свойство исчерпываться. То, что заканчивается в ресурсе, есть не что иное, как смысловая ресурсность; происходит выговаривание через именование всех возможных вариантов и инвариантов слова-смысла. Например, «капитал» именуется через «когнитивный капитал», «финансовый капитал», «промышленный капитал». Слово «капитал» как смысловой потенциал именуется, и в этих именах обнаруживается ресурс ресурсности. При этом осуществлённых имён «капитала» ограниченное количество, и каждое в отдельности имя исчерпаемо в смысловом значении. Так ресурс растрчивает свой смысл для того, чтобы из

состояния исчерпаемости возобновить новое именование. Таким образом, ресурс есть редкость.

Возможно внести ясность в такое использование метода следующим образом. Экономика обновляется из состояния «редкости», в котором обнаруживается необходимость восполнения ресурса посредством творческих созидательных возможностей. Поскольку требуется новое объяснение экономической деятельности, постольку смысл черпается из ресурсной неисчерпаемости. Следовательно, «редкость» – это слово-имя, которое устанавливает подвижность ресурсов концепта социальной экономики: ресурсы сменяются один на другой из-за нехватки, возникающей в редкости, и обращаются к потенциалу ресурсности. То есть точка «ресурсов» передвигается в процессе осуществления смыслов «экономики» через смену имен. Редкость есть реализация в объективном и, одновременно, возврат к субъективности, вызванный нехваткой смысла.

Такое движение внутри неисчерпаемости социального мышления по отношению к экономике есть попытка описания/фиксации/превращения субъективного смыслового множества в одно и то же время в одном и том же месте только в одно определенное слово-имя. Поэтому ресурс и есть объективно существующая редкость. За счет утверждения «внешних» границ в «редкости», ресурсности придается форма осуществления или способ существования. Таким образом, с точки зрения «редкости», происходит овнешнение границ потенциала, что превращает ресурсы в необходимый дефицит.

Получается, что ресурс, с одной стороны, объективирован ограниченностью редкости, а, с другой, обнаруживает свою вариативную содержательность в смысловой потенциальности социального мышления. Ресурс становится точкой тождества и раскрывается в неисчерпаемой смысловой ресурсности и исчерпаемости значений редкости. Ресурсность (субъективность) и редкость (объективность) предьявляются как два предельных состояния социально-экономического целого/дискурса.

Итак, «экономика» как «онто-социо-логос» есть ресурс социального, одновременно, – форма осуществления и способ его смыслового существования. Заряд, заключенный в силе смысла, предъявляется в ресурсе. Поэтому потенциал социального мышления раскрывается в виде экономически заряженного мышления. Иначе говоря, ресурсность, интерпретируемая как креативный потенциал¹⁵⁸, оформляется экономическим зарядом. Итогом творческой деятельности как реализации потенциала является произведение, которое носит уникальный характер, то есть является редкостью.

Поэтому редкость ресурса позволяет осуществить замысел экономически заряженного мышления по возобновлению объективации ресурсности ресурса. Этот способ осуществления есть способ самоосуществления непроектируемого сообщества (Ж.-Л. Нанси).

Креативная субъективность ресурса есть «дар» (М. Мосс, Ж. Батай), то есть как то, что дано вне и до именованного. Дар – это смысловая ресурсность. Поэтому дар указывает на «избыточность», которая должна осуществиться в точке «редкости». Главной экономической проблемой оказывается не редкость ресурса, а избыточность дара, то есть неспособность осуществить смысловую избыточность, или креативный потенциал.

Ж. Батай называет «коперниканским переворотом» в политической экономии переход от экономики «редкости» к экономике «избыточности»¹⁵⁹. То, что здесь определяется «экономикой» как именем социального, у Ж. Батая обозначается всеобщей экономией. Для него она является экономией расточительства дара с её главной проблемой избытка, противостоящей ограниченной экономии с её главной проблемой недостатка¹⁶⁰.

Ж. Бодрийяр показывает последствия полной объективации ресурса в редкости. Отсутствие субъективации как обращения к социальным смыслам, предъявляется в том, что нехватка в ресурсах преодолевается через дальнейшую объективацию, то есть ресурсы начинают тиражироваться до полного

¹⁵⁸ Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.

¹⁵⁹ Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / Пер. с фр., сост. С. И. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. С. 119.

¹⁶⁰ Там же. С. 120.

исчезновения в них ресурсности. Возникает уже излишек ресурсов-редкостей, смысл которых не обнаруживается – его нет. Больше невозможно говорить о «редкости», которая содержит в себе потенциал ресурсности, но о пустом, лишенном смысла, «излишке». Излишек остается не нужным и начинает накапливаться. Возникает абсурдная ситуация, когда нехватка и излишек существует одновременно.

Всякий излишек, неспособный растратиться, приводит к «ожирению» и последующей имплозии или к застою и гибели ресурса, поскольку многочисленность значений не производит смысл. Такой процесс перенасыщения есть экстагизирование чистого объекта¹⁶¹. (Чистый объект здесь интерпретируется как слово-смысл, ресурсность которого последовательно объективируется, то есть через именование становится ресурсом, редкостью, а затем излишком). Когда система не способна превратить излишек в рост, прибыль теряется (Ж. Батай), но, если она не способна также и деятельно растратить его, наступает катастрофа и патафизика социального (Ж. Бодрийяр).

Поэтому есть необходимость в уничтожении излишка, на которую указывает Н. Кляйн, артикулируя такое состояние экономики – «капитализм катастроф»¹⁶². Катастрофа есть то, что может покончить с излишками и вернуть социально-экономическое целое к своему равновесию в субъект-объектном тождестве.

Катастрофа уничтожает целостность, раздваивая существование социального на «до» и «после». Темпоральный аспект существования социального вскрывается переломным моментом в понимании необходимости смысла экономического.

В момент катастрофического события приостанавливается время. В чем полностью исчезает прошлое представление смыслоположения экономики «вот-этого-социального-бытия». Уничтожается излишек, сфабрикованный «экономикой». Но «жизнь» социального продолжается, задавая новое время.

¹⁶¹ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 14-15.

¹⁶² Кляйн Н. Доктрина шока / Пер. с англ. М.: «Добрая книга», 2009. 656 с.

«Когда появляется А, мы ждем В с силой, соответствующей качественному впечатлению от всех АВ, уже подвергшихся сжатию. Это совсем не память и не операция понимания: сжатие – не рефлексия. Собственно говоря, оно образует синтез времени. Последовательность мгновений не образует время, но заставляет его распасться; она лишь отмечает вечный срыв точки рождения времени. Время образуется только в первоначальном синтезе, относящемся к повторению мгновений. Синтез вдавливают независимые последовательные мгновения друг в друга. Таким путем синтез утверждает проживаемое настоящее, живое настоящее. В этом настоящем и разворачивается время. Именно ему принадлежат и прошедшее, и будущее: прошлое в той мере, в которой предшествующие мгновения удержаны сжатием; будущее – потому что ожидание – это предвосхищение в таком сжатии. Прошлое и будущее обозначают не мгновения, отличные от того мгновения, которое предполагается как настоящее; они означают протяженность самого настоящего, как сжимающего мгновения»¹⁶³. Новая точка отсчета указывает на то, что будет реализован еще-один-смысл, заряжающий социальное ресурсом экономики.

В этой связи можно утверждать, что «экономика» разворачивается в двух направлениях. Во-первых, из точки ресурса разворачивается экономика редкости, то есть экономика ограниченного, исчерпаемого, исчислимого. Во-вторых, – из «избыточности» возникает экономика избыточности как экономика дара, содержащая в себе избыточную социальную смысловую ресурсность.

Поэтому с точки зрения ресурса виды ограничений, например, такие, как санкции, а также всё то, что служит ограничителем/разделителем, как слово-имя, являются выразителем смысловой ресурсности «экономики». Ограничения как новые слова-ресурсы оборачиваются обнаружением креативного потенциала экономически заряженного мышления.

Именно поэтому в ресурсности ресурса, где социальное мышление актуализирует креативный потенциал в «экономике» как имени-ресурса,

¹⁶³ Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с франц. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 95-96.

обнаруживается субъект. Так, в рассмотрении тождества ресурсности и ресурсов социальное мышление раскрывается в новой смысловой конфигурации, которая является точкой отсчета, – субъектом социально-экономической реальности. Само именование есть деятельность социального мышления, которое, задавая имена-ресурсы, получает тем самым экономический заряд.

Поток субъективности социального мышления объективируется в языковых структурах деятельности, размечая структуру социально-экономического дискурса. Следовательно, социально-экономическое целое, через которое со-общаются смыслы социального и экономического, разворачивает собственное со-бытие бытия в мыследеятельности.

Со-бытие бытия есть сообщение смыслов социально-экономической дискурсивности, которое указывает на соположенность бытия и языка, то есть «онтоса» и «логоса». Их со-вместность реализуется в языковой деятельности. Отсюда следует, что совместная деятельность есть всегда языковая деятельность. Следовательно, она есть социальная деятельность, со-общающая смысл.

Языковая социальная деятельность, выражающая смысл совместности, — это мыслительная деятельность. Поэтому следует обозначить, что категория «деятельность» здесь рассматривается исключительно как мыследеятельность, представленная в социальных структурах языка.

Методология рассуждения в данном исследовании позволяет задать целостный подход в описании социального бытия и дополнить интерпретацию мыследеятельности Г. П. Щедровицкого¹⁶⁴ тем, что она субъективно полагается как акт социального мышления. Мыследеятельность возникает на границе социально-экономической дискурсивности, которая открывает целостность социального бытия, явленного в языковой деятельности социального мышления.

Таким образом, конструктивно-герменевтический подход (О.Н. Бушмакина) позволяет выписать субъективный разворот

¹⁶⁴ См.: Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие, 2005. 800 с.; Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. 600 с.

мыследеятельности. Она объективируется в действии-слове, выражающем совпадение мысли и действия. Только так возможно сохранить осмысленность действий¹⁶⁵.

Исходя из того, что мыследеятельность выражает со-бытие бытия, следует, что она представляет собой направленный процесс. Реализация совместности, которую обозначает деятельность, задает ее как движение от субъективного социального мышления, в котором заключен потенциал, к объективированному риторическому действию в имени «экономика». Поскольку мыследеятельность есть согласованный языковой направленный процесс, постольку одновременно его началом и результатом оказывается социальное бытие¹⁶⁶.

Получается, что мыследеятельность в своей со-гласованной конструированности всегда социальна. Из этого основания следует, что и результат мыследеятельности также социален. Обозначим результат как «продукт» деятельности или конструкт, который произведен посредством согласованных языковых выражений. В этом смысле «капитал», «труд», «земля», «человек» и «социальное» понимаются как такие продукты мыслительной деятельности, смысл которых манифестируется в структурах их именования.

Таким образом, социальное бытие свершается через установленные объективированные языковые продукты мыслительной деятельности. Возникает взаимообусловленные социальная логика («логос») и социальный смысл («онтос»). Согласованность продуктов мыследеятельности задает связность «социо» и объясняется рационально-логически¹⁶⁷.

В процессе мыслительного изготовления конструкта социального обнаруживаются те же пределы. Однако они делают возможным реализацию

¹⁶⁵ См.: Арндт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина; Под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.; Бушмакина О. Н. *Язык и бытие – проблемы структурирования*. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. 123 с.; Хайдеггер М. *Бытие и время* / Пер. с нем. В. В. Бибикина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с. и др.

¹⁶⁶ Бушмакина О. Н. *Онтология «между»: со-бытие со-вместности в пространстве смысла...* С. 7.

¹⁶⁷ Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* в 4 т. Т. 1. *Социология*. / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.

субъективной свободы неопределенности социального мышления. Поскольку мышление есть в обнаружении себя как другого, то есть как осознанное языковое определение себя, то оно само стремится к пределам как к своей целостности. Эти пределы обнаруживаются в рационализированном языке, посредством которого совершается мыследеятельность в виде действий. «Мышление становится этим λέγειν того λόγος в смысле высказывания. Мышление одновременно становится этим νοεῖν в смысле внятия через разум (Vernehmens durch die Vernunft). И то и другое определения мышления объединяются друг с другом и определяют в такой объединенности то, что впредь в западноевропейской традиции стало называться мышлением. Объединение λέγειν и νοεῖν как высказывание и как разум находит свое отражение в том, что римляне именуют ratio. Мышление являет себя как рациональное. Ratio происходит от глагола reor. Reor означает: нечто за нечто принимать: νοεῖν; а это одновременно есть: нечто как нечто излагать: λέγειν. Ratio становится разумом. О нем ведет речь логика»¹⁶⁸. Рационализация продуктов является согласованной объективированной реализуемой мыследеятельностью. Это значит, что возможно говорить о производстве рационализированной мыслительной деятельности, где принцип ratio будет указывать на пределы экономически заряженного мышления, смысловой потенциал или сила заряда которого будет заключаться в социальном мышлении¹⁶⁹.

Так, по М. Хайдеггеру, мысль как субъективное состояние деятельности сразу предполагает объективное состояние, которое представляет собой предельную логику рационализации.

Рационализация смысла согласованности социального предстает как расчетливость. В работе «Письмо о гуманизме» М. Хайдеггер пишет: «На сущее как действительное мы реагируем расчетливо-деятельно, но также и научно, и

¹⁶⁸ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 187.

¹⁶⁹ Шамшуринов А. А. Реализация творческого потенциала мышления в экономической креативности // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС-2022» (Ижевск, 25-26 февраля 2022 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. С. 99-102.

философски, вооруженные объяснениями и обоснованиями»¹⁷⁰. Такими обоснованиями вообще являются формы или способы согласованности социального, то есть логика. Процесс технизации риторического действия или мыследействия можно назвать операционализмом¹⁷¹. Произошла подмена понятий. Натуральное как естественное природное – всегда было изначальным, продуктивным истоком; а стало тем, что создается, конструируется, то есть естественное понимается искусственным. Искусственность оборачивается творческим мыслительным потенциалом, а сконструированная «натуральность» – экономическим продуктом, результатом.

Так, производство конструкта раскрывается во взаимооборачивании конструирования и натурализации. Продуктивное произведение согласованности социального как теоретического конструкта движется к натурализации в виде направления от искусственности к натуральности или естественности. Это значит, что экономически заряженное мышление, совпадающее с продуктивностью и заключенное в произведении, стремится к натурализации своей самости. Тогда получается, что продуктивность совпадает с искусственностью, которая натурализуется.

Мысль в виде произведенного продукта полагается как само собой разумеющееся естественное экономическое мышление. Итогом процесса натурализации оказывается существование произведенных уже-данных продуктов, чья данность совпадает с их рационально обоснованной объективностью в экономике. Субъект рациональности социального ищет доказательства необходимости и «истинную» потребность в натурализованном конструкте. И находит их в состоятельности естественного. Искусственность конструирования мышления производит натуральные продукты или рационально-экономические способы понимания, то есть потребности. Поэтому экономически заряженное мышление является объективацией продуктивности креативного потенциала социального мышления. В этом плане складывалась

¹⁷⁰ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме... С. 195.

¹⁷¹ Bridgman P. W. The Logic of Modern Physics. New York: The Macmillan Co., 1927. 228 pp.

традиция понимания сделанных продуктов и конструкторов как искусственной среды существования человека, но «искусственной» не в смысле созданной, а рационально конструированной. Так Г. Маркузе задается вопросом о различии «ложных» и «истинных» потребностях человека¹⁷². Искусственность скрывает за собой избыточность продуктивности, которую «естественность» не может явить во всей полноте, в обратном процессе субъективации происходит понимание отсутствия присутствия естественного или присутствие сконструированных, но пустых потребностей¹⁷³.

Таким образом, продуктивное производство есть о-существование и натурализация конструктора социального. Социальное как согласованность мыслительной деятельности произведено, то есть рационализировано осуществлено, и продолжает производить себя как постоянное воспроизводство и обращение к своей продуктивности. В самой конструкции предложения, «социальное», несмотря на то, что часто употребляется как подлежащее, есть, прежде всего, субъект, имеющий процессуальную предикативность, и, который не может быть описан не одним из своих предикатов. По смыслу, социальное становится неотделимым признаком произведенного продукта. Мы можем сказать, что каждый продукт является социальным, но сумма всех продуктов не дает нам целостности социального вообще, при этом каждый из них является особой логикой существования социального. Именно поэтому конструктор социального рассматривается через процесс его осуществления в точке совместности как целостности социального бытия.

Согласованный направленный процесс, который мы обозначили как натурализация конструктора социально-экономического дискурса, сводится к мыследеятельности как предельному рационально-экономическому расчету. Можно сказать иначе, что мыследеятельность реализуется через рационализацию как экономический расчет. Несмотря на то, что расчетливость являет состояние мышления, однако это ещё не есть все мышление и его свобода.

¹⁷² Маркузе Г. Одномерный человек... С. 6.

¹⁷³ Шамшури А. А. Экономические смыслы социального: между культурой и индустрией // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. №5. С. 24-35.

Мысль включает переосмысление любой данности, стоящей в виде социального. Рациональное является одним из вариантов сообщения социального мышления, и берет в нем своё начало и предпосылку.

Поскольку мыследеятельность есть всегда языковая, то совместное мыслимое деятельное оказывается совместно деятельным событием бытия или языковым сообщением в производстве социально-экономического дискурса. Значит, человеческое существо, осуществляемое мыслью, оказывается действующим в языке¹⁷⁴.

«Типы мотиваций (и соответствующих ценностей, которые поляризуют и направляют жизнь людей) суть формы социального творчества, что каждая культура создает присущие ей ценности, воспитывая и принуждая индивидов жить в соответствии с ними. И это воспитание практически всесильно, поскольку человеческая природа не способна оказать ему сопротивление, поскольку, другими словами, человек не рождается, неся в себе самом окончательный смысл своей жизни»¹⁷⁵. Социальная мыслимая жизнь представляет собой богатство, так как, во-первых, она дарована мышлению как смысловой потенциал. А, во-вторых, поскольку социальная жизнь мысли является деятельной, то есть обитает в своей активности.

По Х. Арндт, конструкт социального обнаруживает свою продуктивность как искусственность в виде *vita active*, или человеческой активности. Социальная мыслительная жизнь, как пространство для своего собственного осуществления, понимается в виде слова «деятельность» или обобщения «деятельность вообще». Это позволяет задать целостность любой иной деятельности, общность или сущность которой по смыслу будет определять каждое конкретное действие, совершаемое мышлением.

Мыследеятельность указывает на единство мышления и языка в точке «социального». Следовательно, мышление есть «деятельное вообще», и единичная конкретная произведенная деятельность берет в ней свое начало.

¹⁷⁴ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме... С. 208.

¹⁷⁵ Касториadis К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: «Гнозис», «Логос», 2003. С. 22-23.

Деятельное мышление объективируется в человеческой активности. Утверждается тождество мыслительной деятельности и человеческой активности, мышления и языка. Что касается языка, то предикат «человеческая» в отношении к «деятельности» – плеоназм, который указывает на исключительность человека в мыследеятельности. Поэтому он выступает как деятельное, овеществленное в мыследействии. «Человеческая» как человеческая активность и «деятельность» неотделимы. Но тогда следует, что действие, оно же поступок, имеет одну и единственно возможную экономическую предпосылку. Х. Арендт определяет эту проблему как обобщение множественности человеческого поступка. «Действие (поступок) единственная деятельность в *vita activa*, развертывающаяся без посредничества материи, материалов и вещей прямо между людьми. Основное отвечающее ему условие – это факт множественности, а именно то обстоятельство что не один единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют мир. <...> Всякая “идея человека вообще” любой постройки осмысливает человеческую множественность как результат бесконечно варьируемого воспроизводства некой первичной модели и тем самым заранее и *implicite* опровергает возможность поступка. Поступок нуждается в такой множественности, когда все хотя и одинаковы, а именно остаются людьми, но тем своеобразным способом и образом, что ни один из этих людей никогда не равен другому, какой когда либо жил, живет или будет жить»¹⁷⁶.

Согласованность конструкта социального осуществляется как *vita activa* или деятельная жизнь совместного бытия. Человеческая активность подразделяется на труд, создание (изготовление) и действие (поступок). «Выражение *vita activa* призвано охватывать в нижеследующем три основных вида человеческой деятельности: труд (работу), создание (изготовление) и действие (поступки). Они основные деятельности потому, что каждая из них

¹⁷⁶ Арендт Х. *Vita activa*... С. 15-16.

отвечает одному из основных условий, на каких человеческому роду дана жизнь на земле»¹⁷⁷.

Поскольку Х. Арендт, вслед за М. Хайдеггером, придерживается традиционного понимания единства бытия, мышления и языка, то действие вовсе не означает неосознанный поступок. Это действие языка как объективированной мыследеятельности. Эти виды человеческой активности понимаются нами как натурализованные продукты мыслительной деятельности. Они есть объективированные произведенные продукты, существующие как особый способ социального.

Социально мыслимая жизнь необходимо проживается, и в этом заключается ее смысл как осуществление мыследеятельности. Поскольку деятельность осуществляет совместное бытие, то она собирает мысль и жизнь. Мысль социальна, поэтому имеет экономическую форму, тогда жизнедеятельность есть реализация человеческой жизни. Исходя из совпадения мыследеятельности и социальной жизни, следует, что оно есть дар, реализуемый в за-данности социально-экономических дискурсивных форм.

Несмотря на предложенное тождество мыслительной деятельности и активности, сегодня, напротив, возможно наблюдать, что «труд», «создание» и «действие» натурализовались, то есть оказались сконструированными. Они стали восприниматься как бы «естественной» объективной данностью совместного бытия. Это можно рассмотреть сквозь призму концепта отчуждения, когда труд (марксизм), создание (технологизм) и действие (бихевиоризм) уже не принадлежат мышлению конкретного человека, а становятся данностью пространства социального мышления. «Естественность» как бы полагает конструкт социального через необходимость направленной активности и невозможность наличия человека, мыслящего без труда, технологии и автоматизма действия.

Vita activa являет существование конструкта социального. Труд, создание, поступок в этом плане являются тремя способами жизнедеятельности

¹⁷⁷ Арендт Х. Vita activa... С. 14.

социального. «Все три основных деятельности и соответствующие им условия опять же укоренены в той наиболее общей обусловленности человеческой жизни, что она через рождение приходит в мир и через смерть из него снова исчезает. Что касается смертности, то труд обеспечивает сохранение жизни индивида и продолжение жизни рода; создание изготавляет искусственный мир, в известной мере независимый от смертности его обитателей и тем самым предоставляющий их летучему существованию нечто от постоянства и устойчивости; наконец поступок, насколько он служит учреждению и поддержанию политического общежития, готовит условия для преемственности поколений, для памяти и тем самым для истории. Всякая деятельность ориентирована равным образом и на рождаемость, всегда имея также задачу заботы о будущем, или о том чтобы жизнь и мир оставались пригодны и готовы для постоянного притока новоприбывающих, рождающихся тут чужаками»¹⁷⁸. Поэтому социально мыслимая жизнь совпадает с экономической рационализацией социума через труд, созидание и действие.

Логика рационализации позволяет организовать мыследеятельность в виде упорядоченного хозяйства. «Никакое хозяйство не ведется чисто механически, вне всякого плана и целесообразности, – элементы познавательно-научного отношения к миру как объекту хозяйства из него неустранимы, и в этом смысле наука никогда не оставалась и не остается вполне чужда человеку. Между скудными знаниями хозяина-практика и научным опытом существует огромная количественная разница благодаря различию в методах, обширности, упорядоченности опыта, но качественной, принципиальной разницы нет. Однако на известной ступени развития происходит дифференциация хозяйства, и производство идеальных, познавательных ценностей, выделяясь из единого трудового процесса жизни, ведет обособленное, самостоятельное, хотя и отнюдь не самодовлеющее существование. Труд, затрачиваемый на науку, преследует две основные задачи: расширение опыта, или накопление знаний (то, что можно уподобить преемственному, из поколения в поколение, созиданию

¹⁷⁸ Арендт Х. Vita activa... С. 16.

вещественного богатства и материальной культуры: дорог, городов, удобных для обработки земель, фабрик, заводов и т. п.), и их упорядочение, научное обобщение их в понятиях или в закономерностях (то, что можно уподобить накоплению капитала, капитализации продуктов труда в целях производства). И то и другое имеет самое прямое и непосредственное отношение к хозяйству»¹⁷⁹. Рационализация хозяйствования как мыследеятельности – это внесение логики в хозяйство. Поэтому экономика есть логика жизни, которая в процессе изготовления этой жизни по сути есть мысль о ней.

Так репрезентируется экономически заряженное мышление. «“Экономика” никогда не дана в прямом смысле: она обозначает дифференциальную виртуальность интерпретации, всегда скрытую формами актуализации, темой, “проблематикой”, всегда скрытой случаями своего решения. Одним словом, экономика – это сама социальная диалектика, то есть система задач, стоящих перед данным обществом, синтетическое проблематизирующее поле этого общества. Строго говоря, есть только экономические, социальные проблемы, хотя решения могут быть юридическими, политическими, идеологическими, и проблемы могут выражаться также в этих областях решаемости»¹⁸⁰.

В процессе конструирования происходит разворачивание формы, заключающееся в реализации мощи свободы мышления как деятельности. Свобода необходимо ограничивается экономическим зарядом, и становится измеряемой силой слова в жизни социального мышления. Организованная рациональным способом мыследеятельность оборачивается экономически заряженной конструированностью социально-мыслимой жизни. Целостность хозяйствования ограничена рациональностью языка для мышления и манифестирования расчетливости в риторических языковых действиях.

Жизнь дана отдельному человеку и в каждый определенный момент времени и определенном месте представляется личным хозяйством человека.

¹⁷⁹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Трагедия философии // Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 184.

¹⁸⁰ Делез Ж. Различие и повторение... С. 230.

Поэтому человек – хозяин своей жизни. А точнее, – хозяин индивидуального бытия (М. Хайдеггер). «Присутствие “понимает в бытии”, “умеет” быть в мире. Не личность решает, присутствовать ей или нет. Во сне, наяву, рассуждая и не рассуждая, человек брошен в собственную открытость. Не последняя среди его возможностей – упустить себя»¹⁸¹. Жизнь человека исчислима в годах и исчерпаема в смерти. Она есть ресурс человеческой самости.

Экзистенциальная заброшенность в будущее указывает проектным возвратом в настоящее на рациональную конструированность жизни (Ж.-П. Сартр). Тогда конструирование социально-мыслимой жизни есть процесс хозяйствования как управление ей.

В процессе хозяйствования создаётся имущество. Тогда, соблюдая единство мыследеятельности и хозяйствования, возможно понимать производимый продукт как имущество. Отсюда следует, что хозяйствование в своей сущности есть языковедение от слова «ведать, знать», которое в экономическом смысле становится в итоге языководством от слова «раз-водить, вести», то есть управлять. Языковедение предъявляет порядок в знании, языководство – управления им. Владение словом как имуществом есть на самом деле имущество, имеющее словесное значение для каждого из нас. М. Хайдеггер пишет: «Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего “есть”, так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Отношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек»¹⁸². Такая социально-онтологическая интерпретация хозяйствования позволяет выявить его дискурсивное начало. В нем с помощью конструирования задаётся способ организации мыслительной активности как социальной согласованности.

¹⁸¹ Бибихин В. Дело Хайдеггера // Время и бытие: Статьи и выступления / Хайдеггер М. / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 4.

¹⁸² Хайдеггер М. Письмо о гуманизме... С. 192.

Мыслительный производимый конструкт реализуется в хозяйственной деятельности в пространстве совместного бытия. Язык как «дом бытия» есть имущество мышления, есть то, чем владеет человек. И поэтому он хочет, может, а также должен учиться им пользоваться¹⁸³. Хозяйствование как управление жизнью социального мышления с помощью рационально-экономического языка является редкостью. Здесь редкость возникает в результате самоопределивания социального мышления в экономических структурах.

В таком случае хозяйствование – это рациональная натурализация конструкта социального. Деконструкция теоретических представлений К. Маркса позволяет обнаружить конструированность его концепции. В этом отношении конструкт может пониматься как такой, который накладывается на историю, в своей конкретности. Она интерпретируется как следы «жизнедеятельности». Типы хозяйствования, которые формулируются в произведённой общечеловеческой истории, включают такой тип, при котором «имущество» как бы не производится, а усваивается или растрачивается (экономика избыточности). Он приписывается «человеческой истории» до неолитической революции (Г. Чайлд). С переходом от экономики собирательства, охоты и рыболовства к экономике земледелия и скотоводства появляется производящий тип хозяйствования. Имеющееся разделение на непроизводящее и производящее хозяйствование, соответствует выделенным языковедению и языководству. В первом случае человек присваивает то, что даёт ему природа. Во втором – он сам производит материальные блага, а природа служит материалом для его труда.

По сути, в марксизме происходит натурализация конструкта труда. Первоначальной предпосылкой труда полагалась природа, а затем он сам становится в-место природы, то есть оказывается самым местом, заменив и превратив её в средство для реализации со-существования человека. Другими словами, изначально трудилась природа, а человек присваивал её блага, а затем стал трудиться сам человек. Здесь происходит превращение избыточности как

¹⁸³ Хайдеггер М. Что зовется мышлением?... С. 36.

мыслимой человеческой жизнедеятельности в «труд» как исчерпаемый ресурс. И это знаменует превращение мысли в естественную данность.

Труд природы стал человеческой природой труда. Он находит своё начало в своей предпосылке, которая конструируется в виде «изначальной» натуральности труда. Так конструкт обосновывается, натурализуясь в другом конструкте. Телеология природы (Аристотель) сменилась на телеологию человека (К. Маркс). При этом во временном отношении конструкт «труда» есть всегда. А в пространственном понимании находится в месте «между», являясь сцепкой природы и человека. Конструкт «труда» протягивает смыслы совместности, соединяя множественность социального логической последовательностью, то есть согласованностью в языке, организующей жизнедеятельность социума.

Как отмечает Х. Арндт, К. Маркс разрабатывает конструкт «производительного труда», имеющий значение для общества, но он упускает другой «труд», связанный с индивидуальной жизнью. «Как Смит, так и Маркс пребывали в полном согласии с общепринятым мнением своей эпохи, принижая непроизводительный труд как паразитарный»¹⁸⁴, то есть не имеющий значение для общества, ничего не создающий для него. Таким трудом было рабство, труд слуги или домашний труд. В герменевтическом плане, двух типовое хозяйствование в марксизме можно было бы назвать конструированием труда, поскольку за счёт этого им демонстрируется «установление необходимой связи между явлениями <...> через место во всей конструкции»¹⁸⁵. Ещё у Ксенофонта зафиксировано представление о непроизводительном труде как частном хозяйствовании. Здесь оно выступает социальной жизнью, минимальной формой совместности, которой является семья¹⁸⁶.

Движение внутри конструкта от непроизводящего к производительному «трудоу», поэтому также указывает на выход за пределы сферы частного, на что

¹⁸⁴ Арндт Х. *Vita activa...* С. 112.

¹⁸⁵ Гулыга А. В. *Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Пер. с нем. сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. С. 20.*

¹⁸⁶ Ксенофонт. *Воспоминания о Сократе. М.: Издательство «Наука», 1993. 384 с.*

указывает Х. Арендт. Она выделяет личное хозяйство в пределах дома и публичное хозяйство, находящееся за его границами. «Пространство общности возникло, когда недра домашнего хозяйства с присущими ему родами деятельности, заботами и организационными формами выступили из хранительного мрака домашних стен в полную просвеченность публичной политической сферы. Этим была не только смазана давняя разграничительная линия между частными и публичными делами...»¹⁸⁷. Это разграничение между личным индивидуальным и публичным общественным переводится ей на разделение производящего и производящего «труда». Где производящий «труд» является удовлетворяющим индивидуальные потребности («экономика»), а производящий «труд», будучи созидающим, – общественные («социальное»). «Область частного хозяйства была сферой, осуществлявшей заботу о жизненных нуждах, об индивидуальном выживании, равно как о продолжении рода, гарантиях жизни»¹⁸⁸. Х. Арендт намечает переход из сферы частного в сферу публичного: «С самого рождения социума, т.е. с тех пор как частное хозяйство и требующееся в нем хозяйствование стали делом государства, эта новая область отличается от более давних сфер частного и публично-открытого неодолимой тенденцией к экспансии, постоянным ростом, который с самого начала грозил заглушить старейшие сферы политического и частного, равно как в конце концов и новейшую область интимного. На протяжении трех веков мы можем наблюдать этот процесс роста в его постоянном ускорении, и основание для этого по истине весьма примечательного феномена нарастания заключается в том, что через социальность сам процесс жизни в его разнообразнейших формах был введен в пространство публичного»¹⁸⁹. Труд стал жизнедеятельностью. Благодаря такой интерпретации Х. Арендт полагается целостность конструкта «труда» в социально-экономической реальности.

¹⁸⁷ Арендт Х. *Vita activa...* С. 50.

¹⁸⁸ Там же. С. 60.

¹⁸⁹ Там же. С. 60.

Таким образом, «экономика» как рационализированная мыслительная деятельность по эффективному управлению хозяйствованием конструирует совместность как взаимодействие людей друг с другом. Рационально-упорядочивающая политика соприкасается с «экономикой» в точке эффективности хозяйствования. Иначе говоря, политически можно управлять хозяйством в разной степени эффективности, в том числе разрушая и разоряя «домоводство», но только экономическое управление хозяйством приводит к его обогащению, то есть увеличению стоимости хозяйства. И тогда целью экономики является установление эффективного обмена людей друг с другом, формирование обеспеченного существования, то есть благосостояния социального.

Хозяйствование как рационально-экономическая натурализация социального объективируется и понимается традиционно через разворачивание представлений от природы-«земли», преобразуемой «трудом», к накоплению изготавливаемого «капитала».

Мыслительное производство становится эффективным тогда, когда экономически заряжается. В то же время, объединение политики и экономики указывает на реализуемый в этих процессах социально-промышленный потенциал.

Разворачивание мыслительного потенциала через движение имён-ресурсов экономики задает иную последовательность концептуального раскрытия социальной ресурсности – от монетизированной явленности конструкта «капитала» через имматериальность «труда» в брэнде к «земле» как сфере знания. Смысловая последовательность концепта сообщения смыслов социального и экономического в дискурсивной реальности полагается с помощью метафор. Они указывают на экономическое обрамление социального мышления, придавая ему импульс (заряд) для самоопределения в процессе самореализации.

«Капитал» есть ресурс «экономики»¹⁹⁰, чьей ресурсностью является субъективное социальное смысловое содержание. Чтобы потенциал социального осуществился в «капитале», он необходимо должен предстать в форме редкости, то есть как исчерпаемый и исчислимый. Капитал находит своё выражение в денежных знаках, то есть объективируется в деньги. Поскольку деньги есть форма редкости капитала, то в них обнаруживается нехватка. Ограниченности в деньгах и попытки её преодолеть встречаются в конструкте, описывающий историческое существования денег¹⁹¹.

Потребность, вызванная нехваткой денег, приводит к производству и увеличению их количества. Но умножение денег умножает и нехватку редкости. Перепроизводство массы денег приводит к их излишку. Деньги становятся выхолощенной экономической формой. Возникает инфляция. Говоря о ней, обнаруживается, что капитал в излишке денег невозможно реализовать. Он исчезает в них. Возникает необходимость в «новой» редкости, способной о-пределивать ресурсность мышления так, чтобы она оставалась целостной и могла реализоваться.

Получается, что деньги как редкость являются выражением экономического заряда мышления, сила которого обретается в имени, содержащем определённый им же смысл. Деньги дают заряд «капиталу». Продуктивность, заключённая в нем и нацеленная на конечный продукт, есть не что иное, как креативный потенциал¹⁹². Точка совпадения ресурсности «капитала» и «денег» обозначает обмен. По сути, капитал и есть обмен, возможный как экономический заряд. «Деньги – это коммуникативный посредник в чистом виде»¹⁹³. Они необходимо пусты, но не нейтральны как

¹⁹⁰ См.: Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.; Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. 11-го изд. Т. 1. М.: Республика, 1992. 399 с.; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. 905 с.; Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. М.: ОАО «НПО “Экономика”», 2000. 878 с. и др.

¹⁹¹ Гольдштейн Дж. Деньги... 256 с.

¹⁹² Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.. Алетейя, 2011. С. 100-101.

¹⁹³ Там же. С. 121.

смысл (Ж. Делёз). Эта пустота может полагаться как определенная форма потенциала смысловой ресурсности. «Сила денег как структуры финансирования происходит не из большей покупательной способности, а сила капиталиста проистекает не из того, что он богаче рабочего. Его “сила проистекает из того, что он управляет финансовым потоком и определяет его направление”, то есть располагает временем как выбором, как возможностью эксплуатировать, подчинять, повелевать и руководить другими людьми. Для Делёза деньги как покупательная способность – это то, с помощью чего ретерриториализируются и фиксируются потоки от труда и до потребления, до семьи, до занятости и до различных форм подчинения (рабочего, преподавателя, мужчины, женщины и т.д.), которые также присущи общественному разделению труда»¹⁹⁴.

Увеличение количества заряда связано с ростом количества производимого обмена. (В этом смысле ВВП, ВНП и т.д. есть показатели обмена, а не количество произведённых товаров и услуг в определённый период времени.) Дальнейшее умножение денег и, соответственно, обмена становится возможным, когда валюты перестают означать вес золота. Отмена «золотого стандарта» позволила перешагнуть нехватку в драгоценном металле, обнаружить в редкости новые возможности для денег (обмена).

Отсюда уже ясно, что окончательно преодолеть нехватку в деньгах их количественным увеличением возможно через цифровые деньги, которые не требуют даже печати. Уход обмена в цифровое пространство открывает мировой обмен, из которого разворачивается мировое сообщество.

Таким образом, «капитал» как точка тождества предполагает целостность, где деньги являются лишь одной стороной. Другой является ресурсность «капитала», которая обнаруживается как избыточность, то есть богатство. Богатство, с одной стороны, и обмен – с другой, предъявляют целостность в спонсорстве и инвестициях. Субъект-объектное тождество обосновывает инвестиционную, благотворительную, меценатскую деятельности как

¹⁹⁴ Лаццарато М. Деньги, долг и война // Логос. Т. 29. № 6, 2019. С. 79.

реализацию смысловой ресурсности социального мышления, сообщающего совместность человеческого бытия.

Говоря словами К. Маркса, «капитал» эксплуатирует «труд». В этом плане «капитал» и «труд» со-общаются. Их сообщение (в виде слова «эксплуатирует») есть их со-существование, смысловая связь между ними, конструируемая мышлением. «Труд» как ресурс «экономики» также предстаёт в виде исчерпаемой и исчислимой редкости¹⁹⁵. Соответственно, «труд» как редкость есть рабочее время. Труд может реализоваться в виде рабочего времени, затраченного на производство продукта. Поскольку рабочее время исчерпаемо, то в нем обнаруживается нехватка. Так как суточное время не изменить, то нехватка преодолевается через увеличение количества произведённого продукта за рабочий день. Чем больше производится продукта за рабочий день, тем меньше времени тратится на каждый отдельно взятый экземпляр, тем самым общее время как бы увеличивается. Это достигается за счёт технологического развития труда. Конвейерное производство достигает перенасыщения произведенных продуктов, это приводит к излишку. В результате перепроизводства товаров возникает избыток излишнего продукта, которое уже не имеет возможности участвовать в обмене. Из-лишек значит «лишний». Труд, по сути, становится не нужным для производства. Поэтому труд, заложенный в товаре в качестве рабочего времени, теряется и исчезает¹⁹⁶.

Потеря связи товара с затраченным на его изготовление рабочим временем, приводит к такому явлению как «бренд», который в итоге открывает «новую» редкость ресурса «труда». «...Необходимо заметить, что брендинг и реклама – не одно и то же. Реклама продукта – только одна часть величественного плана брендинга, как и спонсорские мероприятия, франчайзинг и лицензирование использования бренда в других областях. Рассматривайте бренд как ядро, как

¹⁹⁵ См.: Вендрамин П., Меда Д. Переосмысляя труд / Пер. с фр. Д. Демидовой. Бостон.: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. 263 с.; Зиммель Г. Философия труда // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 466-485.; Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. 640 с.; Рикёр П. Труд и слово // История и истина / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. С. 234-258. и др.

¹⁹⁶ Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2018. С. 175-176.

саму сущность современной корпорации, а рекламу – как средство донести эту сущность до окружающего мира»¹⁹⁷.

Она не отсылает к социальному смыслу, а только к экономическим формам. Брэндовая стоимость не ограничивается в количестве линеек и позиций, тогда как увеличение количества самих брэндов явно ведет к их излишку, в котором ускользает и выхолащивается остаток прежнего экономического заряда. «Он [*товар*] представлял в качестве исключительных благ, ключа к высшему, чуть ли не элитарному, существованию вещи, самые что ни на есть обыкновенные и посредственные: автомобиль, ботинки, кандидатскую степень по социологии. Сегодня он вынужден представлять нормальными и хорошо знакомыми вещи, ставшие по-настоящему неординарными. О чем речь? О хлебе, вине, помидорах, яйцах, домах и городах? Конечно же, нет, поскольку цепь внутренних трансформаций, временно экономически выгодная тем, кто удерживает средства производства, сохранила этим вещам имя и по большей части форму, начисто лишив их вкуса и содержания. Однако с полной уверенностью можно сказать, что различные потребляемые блага неизменно отвечают традиционным требованиям, и это доказывается тем фактом, что ничего другого больше не существует, а значит, не с чем больше сравнивать. Получилось так, что очень немногие знают, как найти истину там, где она еще существует, и что ложное может законно называть себя истинным при исчезновении последнего. Принцип, господствующий в сфере продовольствия и жилья, распространяется на все без исключения, вплоть до книг или последних подобию демократических дебатов, что мы и пытаемся продемонстрировать»¹⁹⁸.

Возникает потребность в «труде» как брэнде. Брэндые имеют символическую природу. Соответственно, производство брэндов есть производство знаков, в котором происходит необходимая дематериализация «труда» в сущем изобилии материального. «Наша жизнь заполнена брэндами, которые являются не только предметами потребления, но и системами

¹⁹⁷ Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М.: «Добрая книга», 2005. С. 10.

¹⁹⁸ Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. М.: Издательство «Логос», 2000. С. 21.

символического, аффективного обмена, иногда инструментами включения и признания, а иногда – предлогом для социального исключения»¹⁹⁹. Товарный фетишизм²⁰⁰ сменяется на фетишизм брэнда. Товар как общественная вещь становится имматериальным. Общественные отношения между товарами начинают не просто отражать вещественные отношения между людьми, но совпадать с последними. В брэндовой атрибутике отражаются социальные ценности, культурные символы, социальная иерархия и т.д. Уже не столько товар является носителем стоимости, сколько знаки брэндов. Они оказываются новой фактологией рынка.

Чётко фиксированное рабочее время подразумевало рабочее место, которым были цеха, лаборатории, офисы, магазины и т.д. Пространственно-временная разверстка полагала целостность «труда». Сегодня «труд» как целостный может пониматься исходя из цифрового обмена. Где это стало осуществимым, там местом работы становится «цифра». Для того, чтобы начать трудовой рабочий процесс необходимо выйти в сеть, в которой время отличается от суточного и биологического – онлайн/оффлайн. В сети интернет пространство и время схлопываются, что означает полную безвременность и беспространственность. Иначе говоря, в цифровой реальности время и пространство не имеют значение, поскольку все в одной точке сжатия²⁰¹.

Поскольку рабочим местом и временем становится интернет, постольку наёмный работник становится самозанятым или вольным работником. Фрилансер занят в имматериальном «труде». Для того, чтобы изготовить физическую вещь, он первоначально производит её символическое как цифровое предъявление.

Огромные объёмы производства требуют ресурсов/запасов «земли», которая рассматривается не столько как материальное тело-в-целом, сколько как совокупность природных ресурсов. Запасы «земли» иссекаемы, но не потому,

¹⁹⁹ Бариле Н. Брендинг «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди / Пер. с ит. И. Кушнарева // Логос. Т. 25. №3 (105), 2015. С. 140.

²⁰⁰ Маркс К. Капитал... С. 80-93

²⁰¹ Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Пер. с ит. Д. Новикова. М.: Издательство «Логос», 2002. 128 с.

что они редки сами по себе в своей материальности. Наоборот, именно потому, что «земля» есть имя-ресурс, следует, что природное хранилище заканчивается, а значит, может быть реализовано. Объективация «земли» подводит к предполагаемому количеству не только нефти, газа, угля, пресной воды – привычных исчерпаемых и исчислимых природных ресурсов, – но и лет до конца жизни на Земле. В этом смысле Земля уже рассматривается как глобальная редкость²⁰², но уровень техники и технологии ещё не позволяет реализовать весь заложенный в неё экономический заряд социального мышления, помимо управления погодой, ландшафтом и т.п.

Исчерпаемость природных запасов приводит к нехватке «земли» и необходимости её преодоления в виде возобновления, восстановления и т.п., то есть к субъективации как обращению к ресурсности. Так как ресурсность «земли» совпадает с объективированным ресурсом, то природа оказывается самовозобновляемой.

Здесь под «природой» как самоотсылающимся «ресурсом» понимается конструкт Ф. Шеллинга как природы творящей и природы сотворённой²⁰³. Где под природой творящей также может пониматься ноосфера В. И. Вернадского, а под природой сотворенной биосфера²⁰⁴. Биологический аспект «земли» отсылает к её разумному аспекту, то есть к интерпретации природы как конструкта, через который реализуется социальная субъективность. Продуктивность «природы» есть её мыслительный потенциал, который находит свою сотворённость в продукте как знании. Конструированность знания и есть реализованная ноосферичность природы.

Целостность «земли» задаётся через ресурсность знаниевого тела капитала, которая объективируется в конструкте её исчерпаемого природного

²⁰² Кошовец О.Б., Вархотов Т.А. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами Природы // Логос. Т. 30. №3, 2020. С. 21-54.

²⁰³ Шеллинг Ф.В.Й. Введение к наброску системы натурфилософии, или О понятии умозрительной физики и о внутренней организации и системы этой науки // Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1 / Сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. С. 182-226.

²⁰⁴ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.

тела. Рационализированный имматериальный «труд» черпает из знания как ресурса силу заряда и конструирует искусственное «природное тело».

Количественное увеличение природных запасов становится возможным благодаря производству знаниевых конструкторов, технологических процессов по модификации, генерированию и химическому синтезу. Таким образом, сконструированная экономическим зарядом искусственная материя оказывается объективированной социальной тканью.

Синтезированные излишки в виде продуктов ГМО, синтетических удобрений, пластмассы и т.д., как попытка преодоления нехватки редкости ресурсов, приводят к перенасыщению социального рынка, и превращают ресурсность ноосферичного знания в лишённость «экономики избыточности». Возникающая парадоксальная ситуация лишённости нехватки в редкости является предпосылкой возникновения экологии.

В этом плане экология есть аспект экономической реализации социального. Если целью экологии полагается воссоздание и сохранение целостности «земли», тогда её задачами являются воспроизводство мыслительного капитала таким способом, которым производится бережное отношение к «труду»: к труду как природе и природе как труду. Получается, что экология ограничивает знаниевый капитал, который реализуется не иначе, как в виде искусственного «природного тела». Здесь обнаруживается процесс натурализации знаниевых конструкторов «капитала» через точку «труда» к конструированию «земли».

Реализованные знания оказываются излишком, в котором необходимо обнаружить смысловую ресурсность «земли». Иначе говоря, ничем не ограниченный увеличивающийся излишек становится проблемой глобальной редкости. В этом смысле экология занимается проблемой о-пределивания увеличивающейся массы знания. Для этого экология конструирует «катастрофу», которая является пределом знаниевого капитала в производстве искусственного тела «земли».

Глобальное потепление, перенаселение, загрязнение и т.д., по мнению экологов, всё это ведёт к катастрофе. Последнее оказывается пределом или полной объективацией, которая указывает на необходимость обращения к субъективации искусственного прироста «земли».

«Человек» неизбежно со-общён с «землей», «трудом» и «капиталом». В отличие от них, он предьявляется и как ресурсность, и как ресурс. Соответственно, он есть «самоопределяющийся ресурс», или «мыслящий ресурс», по аналогии с мыслящей вещью Р. Декарта.

Как «мыслящий ресурс» среди других ресурсов он есть субъект. Человеческий экономический субъект самоопределяется в ресурс в виде сообщения себя самого с другими ресурсами. Он самообнаруживается в редкости как профессиональный кадр.

Рабочие кадры исчислимы, в них реализуется смысловая ресурсность «человека» и других ресурсов («капитал», «труд», «земля»). Нехватка в профессиональных кадрах, вызванная возрастающим производством и развитием технологического процесса инструментального осуществления ресурса в редкость, преодолевается в «делании кадров», то есть в процессе образования, воспитания. Образование есть преодоление и обнаружение ресурсности в кадровой нехватке.

Преодоление нехватки через уменьшения количества времени на образование и увеличение количества рабочих кадров приводит к профанации качества образования. Сперва через смены классического образования на техническое и узкоспециализированное, а затем к краткосрочным курсам переобучения. Профессионализм кадра очерчивается границей профессиональных компетенций. Компетентность заменяет профессиональность, становясь в-место последнего. В итоге сужения образования и подготовки кадра как человека до кадра как работника возникает операционализм его мыследействий.

Алгоритмизация работы профессионального кадра, по сути, делает его частью машины²⁰⁵. Робот, умеющий выполнять те же алгоритмы, становится заменой кадра как человека. Человек становится ненужным, исчезает из системы воспроизводства, что означает постчеловеческое социальное-экономическое существование.

С другой стороны, обнаруживается целостность самого человека труда. Теперь мелкие, чисто механические операции может выполнять машина. Тогда в человеке труда сосредотачивается творческая составляющая, которую необходимо реализовать машинно, не будучи частью машины.

Таким образом, рассмотренные ресурсы со-общаются друг с другом в совместности социального бытия. Общество заряжается в имени «рынка». Рынок как совместность социального бытия согласует рыночные абстракции «земля», «труд» и «капитал»²⁰⁶. Социальное как ресурсность реализуется в «экономике», которая является ресурсом ресурсности. Тогда сама «экономика» для социального является редкостью, которую необходимо сохранить. Она исчерпаема и хрупка, но предьявляет целостность социального. «Экономика» как ресурс является рынком, где особым (экономическим) образом осуществляется социальное.

Социальная действительность, реализующаяся в виде натурализованных моделей экономики, представлена способами согласованности социальных действий. Отсюда следует, что изменения или трансформация социальной реальности связана с изменением «экономики», экономической реальности.

Целью и итогом социального мышления как мыследеятельности, как было указано, является самореализация социального бытия. Ресурсы ограничивают креативность мышления²⁰⁷, но, одновременно с этим, его свобода реализуется с помощью этой ограниченности. Последнее и есть то, что можно назвать экономически заряженным мышлением.

²⁰⁵ Агамбен Дж. Антропологическая машина // Открытое / Пер. с ит. и нем. Б. М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. С. 44-51.

²⁰⁶ Хайлбронер Р. Л. Философия от мира сего... С. 31.

²⁰⁷ Рождественская Н. В., Толшин А. В. Креативность: пути развития и тренинги. СПб.: Речь, 2006. С. 8.

При современном технологическом состоянии сообщения смыслов социального и экономического – цифровая со-вместность – появляется возможность увидеть ее в виде виртуального/гиперреального мира, местом реализации которого является техника. В этом смысле техника имеет смысл пространства для со-общества. В цифровой реальности обнаруживается целостность социально-экономической реализации – быть в-месте. Цифровая реальность, таким образом, открывает со-вместность место, то есть место сотрудничества, со-гласия. Возникает возможность осмыслить экономический универсум – деньги – через социальное в виде сетевой точки связи. Поэтому «новая» экономика наполняется не «трудом», а «сотрудничеством», не «производственными отношениями», а «соотношением сил в общем производстве» и т.д. Экономическая логика социального – это логика согласованности; экономическое знание – один из способов понимания и объяснения социального смысла в его целостности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий вывод диссертационного исследования состоит в концептуальной интерпретации смыслов социального и экономического, сообщение которых позволяет представить социально-экономическую реальность в ее дискурсивной целостности. Сообщение смыслов разворачивается в структурах со-бытия социального и экономического, указывая на дискурсивное местоположение социального целого. Это место субъект-объектного тождества, собирающее в единое бытие, мышление и язык. В языке мышление осуществляет целостность своего бытия. Бытие социального как социальное мышление обнаруживает целостность в смысловой со-общаемости экономического. Поэтому субъективность социального мышления осуществляется через «экономику». Экономическое как логическое обрамляет социальное, актуализируя возможность осуществления его смыслов. Тогда можно констатировать, что в социально-экономической дискурсивной реальности происходит совмещение экономической логики и социальных смыслов так, что логика смысла позволяет обнаружить социальный смысл экономики.

Целостность социального дискурса раскрывается в структуре «онто-социологоса». Поскольку сообщение смыслов социального со-бытия бытия есть бытие социально-экономического, то можно признать, что «социо» оказывается местом совпадения «онтоса» как социального мышления и «логоса» как экономического языка или дискурсивно-риторического действия. Тогда целостность «онтоса» будет раскрываться через «социо» как имя/состояние социального, которое артикулируется в экономических метафорах. Следовательно, понимание социального через языковую определенность указывает на то, что экономическое оказывается одним из смыслов социального.

В первой главе осуществляется рассмотрение проблемы производства социального универсальным языком экономической науки так, что

обнаруживается полное растворение социального в абсолютных структурах экономического дискурса.

В работах К. Маркса и марксистов, а также их оппонентов, таких, как Л. фон Мизес и др., экономическое обретает подавляющий, а затем господствующий характер. Через него протягиваются различные метафоры, вскрывающие смыслы, — это прежде всего «деятельность», «труд», «рынок», «капитал», «деньги» и т.д. В зависимости от выбранного экономического смысла или их сочетаний происходит разворачивание социального в структурах их сообщения. Выписывается концепт, представляющий собой такой способ понимания социального, при котором мыследеятельность экономики гипостазируется и претендует на целостный социально-онтологический статус. Социально-экономическое соотношение становится дискурсивной реальностью, языковой по своей сути.

Труд оказывается изначальной метафорой экономического, посредством которой конструируется социальное мышление. Тогда каждый акт мыследеятельности становится экономическим, подчиняясь экономической логике труда.

Экономическая мыследеятельность задается как «естественная» в плане мыслимой жизни социума, а потому необходимой и, следовательно, оказывается истинной. Когда труд совпадает с данностью расчитывающей рациональности, тогда он становится основанием, единственным истинным смыслом дискурсивной деятельности социального. Социальное совпадает с экономикой. Они, взятые как дискурсивные структуры и осмысленные через реальность трудовой мыследеятельности, симметрично тождественны: экономика равна социальному, социальное равно экономике.

В результате капитализации расчетливо-рациональное предъявление труда заменяется «деньгами». У К. Маркса «труд» определял и предшествовал социальному, а «деньги» позволяли достичь такого уровня объективации смысла социальной мыследеятельности, при котором само социальное взаимодействие, то есть обмен, становился исчислимым, рационально-расчётливым,

универсальным, глобальным и т.д., то есть, по сути, экономическим. В дискурсивных практиках современности возникает переворот: если традиционно «социальное» являлось субъективностью экономики, то в результате их совпадения в социально-экономической дискурсивной реальности наука экономика становится носителем социального — она его полностью производит.

Тотальное производство «социального» предъявляет абсолютный и вездесущий характер экономики. Деньги как абстрактные пустые знаки обмена возводят экономику до абстрактно-функционирующей реальности. Абсолютизация экономики завершается тем, что её характерные черты по смыслу совпадают с атрибутами «бога». Это также подтверждается происхождением термина «экономика» от древнегреческого «ойкономия», на что особенно указывает Дж. Агамбен, подчеркивающий божественный статус экономики. Она истинна, вездесуща, рациональна, универсальна, глобальна, или, иначе, абсолютна.

Экономика-как-абсолют самодостаточна в своей самозамкнутости. Она предъявляет себя как «одно»: одна логика, один здравый смысл, одно истинное знание. Тогда появляется представление, что ей не нужно ничего, кроме себя. Однако, достигнув такого абсолютного состояния, экономика не видит себя, поскольку как «абсолют» она одна. В самопознании, различив себя в качестве другого, то есть «экономическое» и «не-экономическое», экономика обнаруживает собственное несовершенство. Только через него она способна себя познать и различить для себя самой в своей непосредственной данности. Этим «не-экономическим» оказывается произведенное «социальное». Здесь возникает как бы внутреннее расщепление самозамкнутой экономики. Она производит социальное внутри себя, но произведенное «социальное» полностью не совпадает с экономическим.

Саморазличение изготавливается внутри самой экономики в результате ее самообращения и нахождения собственного экономического как такового. Экономическое предстаёт как социально-экономическое мышление, экономика — как его научно-теоретическая форма. С одной стороны, различие экономики

от «не-экономического» репрезентирует экономическое знание как властный дискурс в обществе. В таком качестве экономика математизируется, окончательно отрываясь от опытного мира. С другой стороны, в «не-экономическом» обнаруживается «несовершенное». Значит, «совершенная» экономика производит «несовершенство». В этом парадоксе математические модели не способны описать «не-экономическое».

Эта разомкнутость экономического «абсолюта» есть его необходимое кризисное состояние. Оно указывает как на пустоту и бессмысленность экономических форм, так и на потребность в новых формах, моделях, конструктах. В разрыве самозамкнутости экономики обнаруживается два ее состояния: абсолютное, которое привело к разрыву, и кризисное, которое возникло в нем. Кризис воспроизводит необходимость и потребность в экономике. В попытке выйти из кризисного состояния экономика абсолютизируется, но в этом акте вновь возвращается в первоначальное состояние — кризис.

Кризис указывает на рефлекссию абсолютного в кризисном. Пустота как чистая возможность и многовариантность экономики позволяет обозначить кризис как проявление ее экономической сути. Следовательно, экономика как точка субъект-объектного тождества существует во взаимоотношении и движении от субъективного экономического кризисного к объективному абсолютному состоянию экономики. В этом случае кризис — это механика жизни экономики. Это присутствие отсутствия экономического «абсолюта».

Так как экономический кризис как состояние экономической дискурса есть смысл «социального», то он охватывает все общество в целом, тем самым полагая новые смыслы социально-экономического целого. Таким образом, экономика как смысл социального, став господствующим способом его существования, сначала совпадает с ним в «производстве», «деятельности» и т.д. Затем, абсолютизируясь, как бы отрывается от социального. В абсолютном состоянии экономика представляется самозамкнутой, при этом социальное оказывается экономическим по сути, то есть вариантом экономического

сообщения. Такое «социальное» не самодостаточно в своём существовании, оно является частью, произведенной экономическим. В кризисе экономики обнаруживаются возможные варианты возврата социального в его целостности, вместе с этим происходит возвращение экономическому социальных смыслов, а социальному — смыслового имени «экономика».

В результате процесса абсолютизации возникает нехватка смыслового содержания экономики, в отличие от формального содержания, поэтому она обращается к науке, креативности и социальному мышлению. В этом состоит фиксация движения смыслов социально-экономического дискурса как жизненного пути экономики.

Во второй главе обосновывается соединение экономических смыслов с целью их раскрытия в социальном дискурсе. В результате такого сообщения задается бытие социально-экономической реальности. Обнаружение экономических смыслов возникает в состоянии рефлексии, которая обуславливается попытками нахождения выхода из кризиса. Но любой «выход из» кризиса оборачивается «входом в» как бы новую измененную экономику. В данном случае транс-формация превращается в ре-формацию, как возобновление абсолютного состояния, возвращение в него.

В попытке найти выход из кризиса и тем самым возобновить собственное осмысленное содержание, экономика по сути лишь тиражирует собственные формы.

Экономические формы не имеют социально-смыслового содержания, поэтому они остаются пустыми. Соответственно, для обоснования их существования необходима потребность. Отсюда следует, что производство экономических форм основывается на производстве потребности в них. Поэтому производство потребности является производством самого производства, то есть воспроизводством экономических форм, а значит, самой экономики. Такое тиражирование форм ре-формирует, то есть всего лишь возобновляет состояние замкнутости экономического абсолюта.

Одновременность «выхода-входа» экономики захватывает и обесмысливает науку. Тогда последняя экономизируется и становится научно-экономическим дискурсом. Возникает когнитивный капитализм, в котором главным фактором производства и потребностью является знание. Гуманитарное знание оказывается не состоятельным для реализации экономического потенциала науки. Его содержание упрощается и постепенно низводится до признания невозможности производства гуманитарным дискурсом такого знания, которое бы приносило прибыль или хотя бы возможность денежного измерения. Возникает перекося в сторону естественных и технических наук, но не в плане их аккумуляции, а в смысле осуществления экономики посредством этих наук. Критерием знания становится не само знание, а его научно-практическая применимость в экономическом цикле производства-потребления. Такие «господствующие» научные дисциплины объявляются транслирующими прагматическую истину, выраженную денежным эквивалентом.

Структуры знаниевого капитала конструируют потребность в умножении не содержания знания, а измеримых денежных форм его предъявления. Экономическое полагает себя научными формами. Но по причине низвержения смыслов науки как сама наука, так и экономическое обесмысливаются. Кризис разрастается, а не преодолевается.

Поскольку производство потребностей есть производство формального содержания экономики, постольку производство кризиса есть такое же конструирование потребности в экономике. Абсолютная экономика производит абсолютный кризис. Следовательно, в данном случае нет «выхода из» кризиса, есть «вход в» псевдообновленную экономику, манифестирующую эфемерность социально-экономического развития.

Возможность совершить транс-формацию, то есть выйти за пределы самозамкнутой экономики, представляется только через обращение к социальному смыслу. Точкой совпадения экономической потребности в социальном и экономики как социальной потребности оказывается «общество потребления». В данном случае тотальный экономический дискурс

абсолютизирует потребность, рассматривая и интерпретируя любое проявление социального многообразия с помощью потребительской терминологии. Нехватка смыслов экономики не восполняется, поскольку производство потребностей сконцентрировано на производстве этой нехватки. Поэтому требуется перейти к продуктивному способу трансформации сообщения социального и экономического, когда произойдет восполнение смысловой нехватки и будет достигнуто социально-экономическое единство.

Таким образом, осуществляется попытка задать целостность бытия социального через конструкт со-бытия бытия. В со-бытийности устанавливается смысловое равенство социального и экономического через обнаружение их тождественности. Со-бытие социального и экономического выражается в их со-общаемости. Социальное сообщает экономическому свой смысл, заполняя экономическую сущность. Экономическое сообщает социальному логику, облакает в определённую форму, тем самым задавая направленность реализации социальных смыслов. Экономическая логика выражается языком денег. Их наличие, оформление социального сквозь них, заряжает, то есть открывает возможность реализовать социальный потенциал. Так образуется целостность в виде смыслов логики, то есть социальной экономики, и логики смысла, то есть экономического общества.

Социальное и экономическое совпадают. Поскольку социальное исчезает в бесформенности, постольку нет социальной сущности без возможности ее экономической реализации. В равной мере экономическое оказывается пустым обесмысленным существованием в отсутствии смысловой множественности социального. Только обнаруживая их целостность в социально-экономическом дискурсе, возможно утверждать социальное, сохраняя ценность экономического.

Мыследеятельность обнаруживается выражением социального мышления, которое через со-общаемость с экономическим приобретает форму. Социальное мышление, оформленное экономической логикой, есть экономически заряженное мышление. Экономическое, формируя деятельность мышления, заряжает её через слово. Потенциал, заложенный в социальном, есть сила

экономического заряда. Поэтому социальное оказывается потенциалом экономической формы-заряда. Экономическое понимается как ресурс, в котором и благодаря которому актуализируется социальная смысловая ресурсность как потенциал.

Социальное мышление осуществляется в экономическом дискурсе. Множественность социального потенциала, заключенная в слове-имени, моделируется, программируется и реализуется в экономике. Ресурсным преобразованием социального становятся категории-ресурсы «капитал», «труд», «земля» и «человек».

Ресурс выражается в редкости. Только в редкости ресурс становится исчерпаемым и исчислимым, то есть обретает возможность социальной реализации. Поэтому необходимо сохранять «редкость» ресурса, через которую только и обнаруживается смысловая ресурсность. Так через «разбегающе-стягивающую», то есть «разделенно-связную» структуру субъект-объектного тождества социального как «ресурсности» и экономического как «редкости» прописывается целостное рассмотрение социально-экономической реальности.

Социально-онтологический аспект интерпретации указывает на экономическое как единственный в своём роде способ, имя или, точнее, состояние социального, в котором осуществляется его креативный потенциал или ресурсность в виде бытийствующего социального мышления.

Итак, обнаруживается продуктивность экономики как смыслового заряда, который позволяет осуществиться социальному. Следовательно, в работе представлен такой ракурс понимания, который задает социально-экономическую дискурсивную реальность, которая разворачивается в структурах смыслового сообщения так, что происходит единение социального мышления, с одной стороны, и экономического языка – с другой. Сообщение социального и экономического в дискурсивном аспекте есть «разделяюще-связывающая» смысловая точка, в которой экономика реализует потенциал социального бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеляр П. Теологические трактаты / Пер. с лат.; сост., ввводн. ст., комментарии, указатели С. С. Неретиной. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. 640 с.
2. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк. и др., 1998. 229 с.
3. Автономов В. С. Современный капитализм, общечеловеческие ценности и экономическая наука // Капитализм и рынок: экономисты размышляют / Под ред. В. И. Кузнецова, И. М. Осадчей. М.: Наука, 1993. С. 12-24.
4. Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории: (очерк истории западной экономической жизни). М.: Наука, 1993. 176 с.
5. Агамбен Дж. Антропологическая машина // Открытое / Пер. с ит. и нем. Б. М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. С. 44-51.
6. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Пер. с итал. и нем. Б. М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
7. Агамбен Дж. Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности. Интервью с Джорджо Агамбеном // Логос. 2019. №1. Т. 29. С. 133-146.
8. Агамбен Д. Человек без содержания / Пер. с ит. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 160 с.
9. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Пер. с ит. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук. СПбГУ, 2018. 552 с.
10. Агамбен Дж. Номо сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
11. Агапов И. И. История экономической мысли. Курс лекций. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство ЭКМОС, 1998. 248 с.

12. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.: «Медиум»; СПб: «Ювента», 1997. 311 с.
13. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
14. Алле М. Условия эффективности в экономике / Пер. с фр. М.: Наука для общества, 1998. 299 с.
15. Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука, 2005. 243 с.
16. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
17. Арндт Х. Жизнь ума / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
18. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность: Скрытые силы, определяющие наши решения / Перераб. и доп. изд.; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 335 с.
19. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т.4. М.: Мысль, 1984. С. 375-644.
20. Афонин Ю. А. Малый бизнес в России: концепции поддержки и социально-экономические технологии. М.-Самара: Изд-во СГЭА, 1997. 180 с.
21. Бариле Н. Брендирование «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики *double-bind* к гегемонии исповеди / Пер. с ит. И. Кушнаревой // Логос. Т. 25. 2015. №3 (105). С. 138-161.
22. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
23. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
24. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / Пер. с фр., сост. С. И. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 472 с.
25. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 324 с.

26. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 188с.
27. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
28. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общая редакция и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
29. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
30. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Пер с англ. М.: РОССПЭН, 1998. 416 с.
31. Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М.: Прогресс-Универс, 1994. 320 с.
32. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
33. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
34. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ. Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
35. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело Лтд», 2004. 652 с.
36. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с франц. Д. Кралечкин. М.: Академический Проект, 2007. 335 с.
37. Бодрийяр Ж. Общество потребления. / Пер. с фр. Е. Самарская. М.: Республика, Культурная Революция, 2006. 272 с.
38. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с фр. М.: РУДОМИНО, 1999. 224 с.
39. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4-е изд. М.: «Добросвет», «Издательство „КДУ“», 2011. 392 с.
40. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017. 288 с.

41. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия / Пер. с англ.; под ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа. 2005. 272 с.
42. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 124 с.
43. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
44. Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 343-367.
45. Булгаков С. Н. Третий том «Капитала» К. Маркса // Русская мысль. 1895. № 3. С. 1-20.
46. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Трагедия философии // Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Наука, 1993. 464 с.
47. Бурдьё П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Социальное пространство: поля и практика / Пер. с фр.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 177-271.
48. Бурдьё П. Поле экономики // Социальное пространство: поля и практика / пер. с фр.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 129-176.
49. Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 87-96.
50. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; Отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
51. Бурдьё П. Стратегии воспроизводства и способы господства // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 97-120.

52. Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 14-48.
53. Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992-1993) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.
54. Бушмакина О. Н. Конструирование реальности в дискурсе социального конструктивизма // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2004. № 2. С. 89-96.
55. Бушмакина О. Н. Онтология «между»: со-бытие со-в-местности в пространстве смысла // Вестник удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2013. Вып. 4. С. 3-8.
56. Бушмакина О. Н. Онтология постсовременного мышления («Метафора постмодерна»). Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998. 272 с.
57. Бушмакина О. Н. Принципы конструирования объектов в современных социальных концепциях // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 2. С. 79-88.
58. Бушмакина О. Н. Язык и бытие: проблемы структурирования. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 123 с.
59. Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 312 с.
60. Бьюкмен Дж., Ванберг В. Рынок как созидательный процесс // Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 355-380.
61. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
62. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Пер. с ит. Д. Новикова. М.: Издательство «Логос», 2002. 128 с.

63. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 495-546.
64. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345-415.
65. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
66. Вебер М. Социология религии. (Типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 78-308.
67. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 1. Социология / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
68. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
69. Вендрамин П., Меда Д. Переосмысляя труд / Пер. с фр. Д. Демидовой. Бостон.: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. 263 с.
70. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
71. Верчеллоне К. Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4 (61). С. 144-167.
72. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 494 с.
73. Гершенкорн А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. 2004. №5. С. 420-447.
74. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
75. Гольдштейн Дж. Деньги: увлекательная история самого почитаемого и проклинаемого изобретения человечества / Пер. с англ. Т. Кудашевой. М.: Эксмо, 2020. 256 с.
76. Гольц Г. А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 23-35.

77. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / Пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
78. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2018. 243 с.
79. Гулыга А. В. Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Пер. с нем.; сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. С. 3-38.
80. Дарендорф Р. Homo Sociologicus: Опыт об истории, значении и критике категории социальной роли // Дарендорф Р. Тропы из утопии. Пер. с нем. Б. М. Скуратов, В. Л. Близнеков. М., 2003. С. 175-266.
81. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. М.: «Логос», 1999. 224 с.
82. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. М.: «Раритет»; Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. 480 с.
83. Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
84. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Делёз Ж., Гваттари Ф. / Пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
85. Делёз Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
86. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
87. Деррида Ж. Голос и феномен. И другие работы по теории знака Гуссерля / Пер. с фр. С. Г. Кашиной, Н. В. Сулова. СПб: Алетейя, 1999. 208 с.
88. Деррида Ж. Дар смерти / Пер. с англ. Ю. А. Азаровой // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: теорія культури і філософія науки. Х., 2003. Ч. 4. № 587. С. 103-117.

89. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого. СПб: Академический проект, 2000. 432 с.
90. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2000. 270 с.
91. Жебелев С. А. «Аристотелева «Экономика»» // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 114-125.
92. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995. 542 с.
93. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М.: «Художественный журнал», 1999. 234 с.
94. Жижек С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003. 185 с.
95. Жижек С. Чума фантазий: пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2021. 388 с.
96. Зиммель Г. Философия труда // Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 466-485.
97. Зиновьев А. А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. 260 с.
98. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 443 с.
99. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. СПб.: Разум, 1912. 179 с.
100. Зомбарт В. К критике экономической системы Маркса // Научное обозрение. 1898. № 3. С. 474-484; 1898. №4. С. 690-705.
101. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
102. Ильин В. И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. 280 с.
103. Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
104. Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011. 840 с.

105. Канке В. А. Философия экономической науки. М.: Инфра-М, 2009. 384 с.
106. Капогузов Е. А., Чупин Р. И. «Санкции 2022»: возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2022. 13(1). С. 67-74.
107. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
108. Касториadis К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: «Гнозис», «Логос», 2003. 480 с.
109. Качанов Ю. Л. Эпистемология социальной науки. СПб: Алетейя, 2007. 228 с.
110. Ключарев В. А., Шмидс А., Шестакова А. Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // *Экспериментальная психология*. Т. 4. 2011. № 2. С. 14–35.
111. Кляйн Н. Доктрина шока / Пер. с англ. М.: «Добрая книга», 2009. 656 с.
112. Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М.: «Добрая книга», 2005. 275 с.
113. Козловски П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития. М.: Республика, 1997. 240 с.
114. Козловски П. Принципы этической экономии. СПб.: Экономическая школа. 1999. 344 с.
115. Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистической философии. СПб.: Экономическая школа, 1997. 216 с.
116. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. СПб.: Экономическая школа, 1996. 158 с.
117. Картунов В. В. Философия денег. М., 2002. 172 с.
118. Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.
119. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // *Логос*. 2007. № 4 (61). С. 123-143.

120. Кошовец О. Б., Вархотов Т. А. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами Природы // Логос. Т. 30. 2020. №3. С. 21-54.
121. Красильщиков В. А. Превращения доктора Фауста (Развитие человека и экономический прогресс Запада). М.: Таурис, 1994. 239 с.
122. Ксенофонт. Домострой // Ксенофонт. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе. М.-Л.: «Academia», 1936. С. 245-320.
123. Лаццарато М. Деньги, долг и война // Логос. Т. 29. 2019. № 6. С. 73-84.
124. Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика / Пер. с фр. В. Е. Лапицкого; науч. ред. пер. С. Л. Фокин. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
125. Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полное собрание сочинений. В 45 т. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 1-192.
126. Леонова О. Л. Феномен хозяйственной культуры // Российский экономический журнал. 1995. № 8. С. 88-95.
127. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Пер с нем. Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского и М. А. Хевеши. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
128. Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн. 5: Самоописания / Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос». 2011. 320 с.
129. Луман Н. Самоописания / Пер. с нем А Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.
130. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т. 1. / Пер. с англ. 11-го изд. М.: Республика, 1992. 399 с.
131. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. №6. С. 14-25.
132. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 4 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. 905 с.

133. Маркс К. Избранные тексты по экономике, истории и социологии // Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 134-157.
134. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. С. 4-76.
135. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы Академический Проект, 2010. 784 с.
136. Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 341 с.
137. Маркузе Г. Разум и революция / Пер. с англ. А. Л. Шурбелев. СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2000. 541 с.
138. Маяцкий М. Когнитивный капитализм – светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2007. № 4 (61). С. 230-239.
139. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. М.: ОАО «НПО “Экономика”», 2000. 878 с.
140. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. Сост., пред., вступ. ст., коммент. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
141. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В. В. Фуре; под ред. Т. В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
142. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2011. 208 с.
143. Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., Наука, 1991. С. 91-101.
144. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.
145. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 231-489.

146. Осипов Ю. М. Философия хозяйства: В 2 кн. М.: Юристъ, 2001. 624 с.
147. Платон. Кратил // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; автор вступ. ст. А. Ф. Лосев; прим. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. С. 613-681.
148. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 311 с.
149. Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4 (61). С. 70-113.
150. Полякова Н. Б. Герменевтическая интерпретация «бытия как знания» // Сборник материалов Международной научной конференции «История. Семиотика. Культура», посвящённой 250-летию Фридриха Шлейермахера. Ответственный редактор И. В. Дёмин. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 149-154.
151. Полякова Н. Б. Деньги как точка структуризации социально-экономического дискурса // Современные социально-политические технологии: смыслы и ценности: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Ижевск, 25-26 марта 2009 г.: в 2 ч. Ч. 1. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2009. С. 171-177.
152. Полякова Н. Б. Конструирование дискурса власти: герменевтический аспект. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. 142 с.
153. Полякова Н. Б. Философия и экономика: аспекты взаимоотношения // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Т. 25. 2015. № 3. С. 5-9.
154. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Издательство «Логос», 2004. 384 с.
155. Пономарева С. А. Кризис как предмет социально-философского анализа // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3-4. С. 27-32.
156. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс; Международный фонд Культурная инициатива, 1992. 528 с.

157. Прудон П. Ж. Бедность как экономический принцип // Прудон П. Ж. Что такое собственность. М.: Республика, 1998. С. 1-29.
158. Радаев В. В. На изломе социальных структур // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1995. № 6/7. С. 165-198.
159. Радаев В. В. Хозяйственная организация как объект социологии // Российский экономический журнал. 1995. № 2. С. 69-74.
160. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Аспект-пресс, 1998. 366 с.
161. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М.: Наука, 2003. 525 с.
162. Резник Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2). С. 88-111.
163. Рикёр П. Кризис: специфическое современное явление? // Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 111-130.
164. Рикёр П. Труд и слово // История и истина / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. С. 234-258.
165. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.
166. Роббинс Л. Природа и значение экономической науки // Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 93-123.
167. Рождественская Н. В., Толшин А. В. Креативность: пути развития и тренинги. СПб.: Речь, 2006. 320 с.
168. Ротбард М. Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003. 415 с.
169. Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjàvu? // Логос. 2007. № 4 (61). С. 64-69.
170. Рюттингер Р. Культура предпринимательства. М.: Экономика, 1992. 240 с.

171. Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке // *Философия экономики. Антология* / Под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 475-519.
172. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS*. 1993. Вып. 3. С. 16-38.
173. Самсин А. И. Основы философии экономики. М.: Издательство: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 271 с.
174. Сапир Ж. Экономическая культура, технологическая культура, организационная культура (Материалы к интерпретации экономической истории России и СССР) // *Истоки*. 1998. Вып. 3. С. 166-184.
175. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит / Пер. с чешск. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 544 с.
176. Сидорина Т. Ю. Человечество перед гибелью и процветанием (Философия кризиса в XX веке). М.: Мир книги, 1997. 241 с.
177. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа // *Антология экономической классики: В 2 т. Т.1*. М.: Эконов, 1991. С. 79-396.
178. Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства / Пер. Л. Козловского. М.: Изд-во Красанд, 2011. 272 с.
179. Сорочайкин А. Н. Философия экономики: В поисках новых подходов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. 191 с.
180. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. 303 с.
181. Сюриса М. Деньги: Крушение политики. СПб.: Наука, 2001. 138 с.
182. Туган-Барановский М. И. Русская интеллигенция и социализм (по поводу сборника «Вехи») // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. М.: Росспэн, 1996. С. 52-72.
183. Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

184. Тутов Л. А. Философия хозяйства. Опыт духовного преобразования. М.: Тезис, 2003. 279 с.
185. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Личность. Культура. Общество. 2013. Т.15, Вып. 1, № 77. С. 88-103.
186. Фреге Г. Логико-философские труды / Пер. с англ., нем., фр. В. А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. 283 с.
187. Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. В. Козловского и А. Гальперина. Нью-Йорк: Изд-во Чалидзе, 1982. 280 с.
188. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375-414.
189. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
190. Фуко М. Дискурс и истина / Пер. с англ. А. Корбута // Логос. 2008. №2 (65). С. 159-262.
191. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
192. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
193. Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Библиотека Свободы, 2018. 346 с.
194. Хайек Ф. Общество свободных / Пер. с англ. А. Кустарева; под ред. Ю. Колкера; Пред. и поясн. к рус. изд. Э. Батлера. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 309 с.
195. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
196. Хайдеггер М. Гераклит: 1. Начало западного мышления. 2. Логика. Учение Гераклита о логосе / Пер. С нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 504 с.

197. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 192-220.
198. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.
199. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 41-55.
200. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макрюго Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. 576 с.
201. Хендерсон Р. Капитализм в огне. Как сделать эффективную экономическую систему человеческой / Пер. с англ. В. Горохова. М.: БФ «Нужна помощь», 2021. 360 с.
202. Хоркхаймер М. Культурная индустрия: просвещение как способ обмана масс / Хоркхаймер М., Теодор А. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 112 с.
203. Четырова Л. Б. Социальное конструирование труда. Самара: Самарский ун-т, 2002. 191 с.
204. Шадрин А. А. Герменевтика смысла социально-философской дискурсивности. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. 142 с.
205. Шамшурин А. А. Концептуализация «социального» в историко-экономических интерпретациях / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшурин // КАНТ. 2021. №1 (38). С. 153-161.
206. Шамшурин А. А. Обмен знаками в цифровой экономической реальности: деньги, баллы, криптовалюта // Материалы Международной научно-образовательной конференции «VIII Садыковские чтения. XXI век: вариативность человеческого» (Казань, 19-20 ноября 2021 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 2021. С. 224-231.
207. Шамшурин А. А. Пред-положенность философского текста: от истории к цифре // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 3. С. 86-97.

208. Шамшури́н А. А. Реализация творческого потенциала мышления в экономической креативности // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС-2022» (Ижевск, 25-26 февраля 2022 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. С. 99-102.
209. Шамшури́н А. А. Социально-философское осмысление экономики в структурах объективации / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшури́н // Материалы международной конференции «Религиозная идентичность и светоглед-3. Философията на Хегел и религията – 250 г. Г. Хегел». В 2 ч. Ч. 2. Философия, методология, религиозное знание. София, 2021. С. 412-421.
210. Шамшури́н А. А. «Экономика» в прагматологической теории Л. фон Мизеса: социально-философский аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. №11 (457). С. 95-101.
211. Шамшури́н А. А. Экономические смыслы социального: между культурой и индустрией // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. №5. С. 24-35.
212. Шеллинг Ф. В. Й. Введение к наброску системы натурфилософии, или О понятии умообразной физики и о внутренней организации и системы этой науки // Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1 / Сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. С. 182-226.
213. Шеллинг Ф. В. Й. Изложение моей системы философии. СПб.: Наука, 2014. 264 с.
214. Шматко Н. А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё / Пер. с фр., отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 554-574.
215. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.

216. Шумпетер Й. Наука и идеология // Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 247-264.
217. Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие, 2005. 800 с.
218. Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. 600 с.
219. Эко У. Абсолют и относительность // Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 21-33.
220. Элоян М. Р. Философия хозяйства: ревизия марксизма (В. Зомбарт и С. Н. Булгаков) // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2002. №6 (24). М.: Изд-во ИТРК, 2002. С. 59-76.
221. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Кара-Мурза С. Г., Деева М. А., Сафонова Ю. А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография. М.: Научный эксперт, 2012. 288 с.
222. Bridgman P. W. The Logic of Modern Physics. New York: The Macmillan Co., 1927. 228 pp.
223. Mulder N. The economic weapon. The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. London: Yale University Press, 2022. 434 pp.